

Эжен ИОНЕСКО

волшебный
фонарь

Эжен ИОНЕСКО

Носорог

Эжен ИОНЕСКО

Носорог

Пьесы и рассказы

Перевод с французского

83.34 Фр.
И 11

серия
«волшебный
фонарь»

Составитель Андрей Гаврилов
Художник Вадим Меджибовский

Издание осуществлено при содействии
Министерства иностранных дел Французской Республики
и при поддержке Отдела культуры, науки и техники
Посольства Французской Республики в СССР

И $\frac{47030103-026}{91}$ без объявл.

ISBN 5-85950-025-4

© Editions Gallimard
© «Текст» — состав, оформление, 1991

Ночпор

Rhinocéros

Перевод Л. Завьяловой

Действующие лица в порядке их появления на сцене

Лавочница.	Дэзи.
Жан.	Дюдар.
Беранже.	Ботар.
Официантка.	Мсье Папийон.
Лавочник.	Мадам Беф.
Домашняя хозяйка.	Пожарный.
Логик.	Старичок — мсье Жан.
Старый господин.	Жена мсье Жана.
Хозяин кафе.	Головы носорогов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Декорации

Площадь в провинциальном городке. В глубине — двухэтажный дом; на первом этаже — витрина бакалейной лавки. В лавку ведет стеклянная дверь, перед ней порог в две-три ступеньки. Над витриной крупными буквами выведено «Бакалея». На втором этаже — два окна, по-видимому, квартира хозяев магазина. Вдалеке над лавкой высоко уходит в небо шпиль колокольни. Между лавкой и левой стороной сцены видна убегающая вдаль узенькая улочка. Слева, наискосок, — витрина кафе. Над кафе — еще этаж с одним окном. На террасе кафе несколько столиков и стульев выдвинуты почти до середины сцены. Возле столиков на тротуаре — серое от пыли дерево. Синее небо, яркий свет, очень белые стены.

Время около полудня. Воскресный день, лето.

Жан и Беранже усядутся за столиком перед кафе.

До того как поднимется занавес, будет слышен звон колоколов; он затихнет через несколько секунд после того, как поднимут занавес. В этот момент по сцене слева направо молча проходит женщина; в одной руке у нее пустая корзинка для продуктов, другой она прижимает кошку, которую несет под мышкой. В то время как она проходит, Лавочница открывает дверь и следит за нею взглядом.

Лавочница. Вот тоже! *(Мужу, который находится в лавке.)* Гляди, как загордилась! Не желает у нас больше покушать.

Лавочница исчезает за дверью. Несколько минут сцена пуста. Слева появляется Жан. В это же самое время справа появляется Беранже. Жан одет аккуратно, тщательно — коричневый костюм, красный галстук, пристежной крахмальный воротничок, коричневая шляпа, желтые сверкающие ботинки. У него красноватое лицо. Беранже небрит, без шляпы, волосы не причесаны, пиджак и брюки сильно измяты — общее впечатление неряшливости, вид у него усталый, невыспавшийся, он то и дело зевает.

Жан *(идет по сцене справа)*. А, вы все-таки пришли, Беранже!

Беранже *(идет по сцене слева)*. Здравствуйте, Жан.

Жан. Конечно, как всегда с опозданием! *(Смотрит на ручные часы.)* Мы с вами условились на половину двенадцатого. А уже скоро двенадцать.

Б е р а н ж е. Простите меня. Вы давно ждете?
Ж а н. Нет, как видите, только что пришел.

Идут к столикам на террасе кафе.

Б е р а н ж е. Ну, тогда я чувствую себя не таким виноватым, если... вы сами...

Ж а н. Я — другое дело. Я ждать не люблю, не могу зря время терять. Я знаю, вы никогда вовремя не приходите, и нарочно задержался, чтобы прийти, когда вы уж наверняка будете здесь.

Б е р а н ж е. Вы правы... вы совершенно правы, но все-таки...

Ж а н. Вы же не можете утверждать, что пришли вовремя.

Б е р а н ж е. Конечно... Этого я не могу утверждать.

Жан и Беранже усаживаются.

Ж а н. Вот видите.

Б е р а н ж е. Что вы будете пить?

Ж а н. А вам с самого утра уже хочется пить?

Б е р а н ж е. Жара такая, все пересохло...

Ж а н. Умные люди говорят, чем больше пьешь, тем больше пить хочется...

Б е р а н ж е. Вот если бы ученые додумались нагонять на небо искусственные тучи, не было бы такой засухи и жажда так не мучила бы.

Ж а н (*рассматривая Беранже*). Вам бы это не помогло. Ведь вы не воды жаждете, дорогой Беранже...

Б е р а н ж е. Что вы хотите этим сказать, дорогой Жан?

Ж а н. Вы прекрасно понимаете. Я говорю о вашей пересохшей глотке. Вот уж бездонная бочка!..

Б е р а н ж е. Ваше сравнение кажется мне...

Ж а н (*прерывая*). Вы скверно выглядите, друг мой.

Б е р а н ж е. Скверно? Вы находите?

Ж а н. Я не слепой. Вы едва на ногах держитесь, опять всю ночь кутили; зеваете не переставая, вот-вот свалитесь и заснете.

Б е р а н ж е. Голова немножко побаливает.

Ж а н. От вас спиртом разит!

Б е р а н ж е. Меня, правда, после вчерашнего немножко мутит...

Ж а н. И так каждое воскресенье и в будни тоже.

Б е р а н ж е. Ну нет, в будни не так часто, служба...

Ж а н. А где же ваш галстук? Потеряли во время дебоша!

Б е р а н ж е (*проводит рукой по шее*). Правда, вот странно, куда это я мог его деть?

Ж а н (*вытаскивает галстук из кармана*). Натя-ка, наденьте.

Б е р а н ж е. Вот спасибо, премного вам обязан. (*Завязывает галстук.*)

Ж а н (*пока Беранже возится с галстуком*). А на голове что делается?

Беранже проводит рукой по волосам.

Вот вам гребенка! (*Достает из другого кармана гребенку.*)

Беранже (*берет гребенку*). Благодарю вас. (*Кое-как причешивается.*)

Жан. Небритый! Посмотрите, на что вы похожи. (*Достает из внутреннего кармана зеркальце и протягивает Беранже, тот разглядывает себя, высовывает язык.*)

Беранже. Язык у меня весь обложен.

Жан (*берет у него из рук зеркальце и кладет обратно в карман*). Ничего удивительного!.. (*Беранже протягивает ему гребенку, Жан ее тоже прячет в карман.*) Кончится тем, что цирроз печени наживете.

Беранже (*забеспокоившись*). Вы так думаете?..

Жан (*видя, что Беранже собирается вернуть ему галстук*). Оставьте себе, у меня их много.

Беранже (*восхищенно*). Вот заботливый человек!

Жан (*продолжая разглядывать Беранже*). Костюм у вас весь измят, смотреть страшно, сорочка грязная, ботинки...

Беранже пытается спрятать ноги под стол.

Ботинки не чищены... Экая распушенность! А спина...

Беранже. Что такое с моей спиной?

Жан. Повернитесь. Да повернитесь же. Вы, верно, прислонились к стене.

Беранже растерянно протягивает руку к Жану.

Нет, щетки я с собой не ношу. Чтобы не оттопыривать карманы.

Беранже все так же растерянно похлопывает себя по плечам, стряхивая мел.
Жан отшатывается.

Ого... Где это вы так извозились?

Беранже. Не знаю.

Жан. Ужасно, ужасно. Мне стыдно, что у меня такой друг.

Беранже. Вы уж очень строги ко мне...

Жан. А разве с вами можно иначе?

Беранже. Но послушайте, Жан. У меня здесь нет никаких развлечений; в этом городе подыхаешь от скуки; не могу я жить только работой, корпеть изо дня в день на службе восемь часов, и за целый год всего-навсего три недели отпуска летом! В субботу вечером я чувствую себя совершенно вымотанным; ну и вот, чтобы разрядиться, вы понимаете...

Жан. Все, дорогой мой, работают, и я тоже работаю, как все, изо дня в день восемь часов в конторе; и у меня тоже всего три недели отпуска в году, и тем не менее посмотрите на меня... Нужно немного силы воли, только и всего!..

Беранже. О, не у всех такая сила воли, как у вас. А я вот не могу. Не могу приспособиться к этой жизни.

Жан. Каждый должен приспособиться. Подумаешь — сверхчеловек.

Беранже. Я не претендую...

Жан (*перебивает*). Я, знаете, не хуже вас и даже, чего там скромничать, много лучше. Сверхчеловек — это человек, который выполняет свой долг.

Беранже. Какой долг?

Жан. Ну, свой долг... скажем, долг служащего.

Беранже. Ах да, свой долг служащего.

Жан. А где же вчера все это происходило, эти ваши ночные возлияния? Или вы уже не помните?

Беранже. Мы справляли день рождения Огюста, нашего друга Огюста...

Жан. Нашего друга Огюста? А меня вот не пригласили на день рождения нашего друга.

В эту минуту издали доносится какой-то быстро приближающийся шум, сопение, тяжелый топот бегущего громадного зверя, протяжный рев.

Беранже. Я не мог отказаться. Это было бы невежливо...

Жан. Но ведь я-то не пошел?

Беранже. Может быть, потому, что вас не пригласили!

Официантка (*выходя из кафе*). Добрый день, господа, что вам будет угодно выпить?

Шум становится очень громким.

Жан (*Беранже, стараясь перекричать шум, которого он умышленно не замечает*). Нет, правда, я не получал приглашения. Мне не оказали такой чести... Однако можете мне поверить, если бы даже меня пригласили, я бы все равно не пошел, потому что...

Шум становится оглушительным.

Что это такое происходит?

Теперь уже совсем близко слышен топот мчащегося громадного грузного зверя, его шумное прерывистое дыхание.

Да что же это такое?

Официантка. Да! Что же это такое?

Беранже, все так же апатично, будто и не замечая никакого шума, спокойно отвечает Жану насчет приглашения, он шевелит губами, но голоса его не слышно. Жан внезапно вскакивает, роняя стул, заглядывает направо за кулисы, показывает на что-то пальцем, Беранже продолжает сидеть с осоловелым видом.

Жан. Ах! Носорог!

Топот и шум быстро стихают, и в дальнейшем слова уже можно расслышать — вся эта сцена перебрасывания репликами должна быть разыграна в очень быстром темпе.

Ах! Носорог!

Официантка. Ах! Носорог!

Лавочница (*высунув голову из дверей магазина*). Ах! Носорог! (*Мужу, который находится в магазине.*) Скорее иди смотри — носорог!

Все смотрят вправо, откуда еще доносится топот удаляющегося животного.

Жан. Он мчится сломя голову, сшибает лотки.

Лавочник (*из магазина*). Где? Где?

Официантка (*упершись руками в бедра*). Ну и ну!

Лавочница (*мужу, который все еще в лавке*). Иди же скорей!

Лавочник (*высовывает голову*). Ах! Носорог!

Логик (*очень быстрым шагом, чуть ли не бегом появляется справа*). Носорог там прямо по тротуару мчится!

Все эти реплики, начиная с возгласа Жана «Ах, носорог!», почти одновременны. Слышится возглас женщины: «Ах!» Она появляется справа, выбегает на середину сцены — это Домашняя хозяйка, в руке у нее корзинка, она ее роняет, покупки разлетаются во все стороны, бутылка разбивается, а она стоит, прижав к себе кошку и не выпуская ее.

Домашняя хозяйка. Ах! Ох!

Элегантно одетый Старый господин — белые гетры, шляпа, трость с костяным набалдашником — появляется вслед за Домашней хозяйкой, бросается в бакалейную лавку, отталкивает Лавочника и скрывается в глубине. Логик стоит, прижавшись к стене дома, справа от входа в лавку; у него седые усики, пенсне, шляпа-канотье. Жан, Официантка и Беранже, который сидит все с тем же безучастным видом, образуют вторую группу. Справа доносятся возгласы «Ох!» и «Ах!», слышно, как разбегаются люди. Пыль, поднятая промчавшимся животным, заполняет сцену.

Хозяин кафе (*высовывая голову из окна над кафе*). Что там такое творится?

Старый господин (*протискиваясь между хозяевами лавки*). Извините.

Лавочница (*которую он толкнул, задевает мужа и говорит Старому господину*). Осторожней, вы, с вашей тростью!

Лавочник. Да уж, вы как-нибудь поосторожней!

Голова Старого господина показывается из-за спин хозяев лавки.

Официантка (*Хозяину кафе*). Носорог!

Хозяин кафе (*из окна, Официантке*). Да что вам, приснилось, что ли? (*Увидев носорога.*) Ах! Вот так история!

Домашняя хозяйка. Ах!

Возгласы за кулисами как бы вторят ее возгласу. Домашняя хозяйка, у которой выскользнула из рук корзинка с покупками, по-прежнему крепко прижимает к себе кошку.

Бедная киска, она так испугалась!

Хозяин кафе, все так же высунувшись из окна, провожает глазами убегающее животное; рев и топот доносятся уже издалека. Беранже слегка отворачивается, он совсем осовел, ничего не говорит, только морщится.

Жан (*возбужденно, тоже отворачиваясь от облака пыли*). Вот так история! (*Чихает.*)

Домашняя хозяйка (*повернувшись вправо, посреди сцены, на которой валяются рассыпавшиеся покупки*). Вот так история! (*Чихает.*)

Старый господин и хозяйка лавки (*распахивая стеклянную дверь, которую Старый господин захлопнул за собой*). Вот так история!

Жан. Вот так история! (*Беранже.*) Вы видели?

Топот и рев носорога утихают вдалеке; люди, не сходя с места, продолжают следить за ним глазами, за исключением Беранже, который сидит, по-прежнему ко всему безучастный.

Все (*кроме Беранже*). Вот так история!

Беранже (*Жану*). Да, кажется, носорог! Какую пыль поднял! (*Достает платок, сморкается.*)

Домашняя хозяйка. Вот так история! Боже, как я испугалась!

Лавочник (*Домашней хозяйке*). Ваша корзинка... покупки...

Старый господин подходит к Домашней хозяйке и нагибается, чтобы подобрать свертки. Сняв шляпу, он вежливо кланяется даме.

Хозяин кафе. Все-таки как же это может быть...

Официантка. Да уж, действительно.

Старый господин. Разрешите вам помочь собрать ваши покупки?

Домашняя хозяйка (*Старому господину*). Спасибо, мсье. Пожалуйста, наденьте шляпу. Ах, как я испугалась.

Логик. Страх иррационален. Разум должен его преодолевать.

Официантка. Его уже не видно.

Старый господин (*Домашней хозяйке, указывая на Логика*). Мой друг — Логик.

Жан (*Беранже*). Нет, что вы об этом скажете?

Официантка. Вот быстро бегают, скотина!

Домашняя хозяйка (*Логик*). Очень приятно, мсье.

Лавочница (*мужу*). Так ей и надо. Она это не у нас все понакупила.

Жан (*Хозяину кафе и Официантке*). Что вы об этом скажете?

Домашняя хозяйка. А кошечку мою я все-таки удержала.

Хозяин кафе (в окне, пожимая плечами). Не каждый день такое увидишь.

Домашняя хозяйка (Логик, пока Старый господин собирает свертки). Вы не поддержите ее минутку?

Официантка (Жану). В жизни такого не видела.

Логик (берет кошку на руки). Она не злая?

Хозяин кафе (Жану). Точно комета пронеслась.

Домашняя хозяйка (Логик). Что вы, она такая ласковая. (Обращаясь к остальным.) Вино-то мое! Оно сейчас так дорого стоит!

Лавочник (Домашней хозяйке). Чего-чего, а вина у нас хватает.

Жан (Беранже). Нет, что вы об этом скажете?

Лавочник (Домашней хозяйке). Высшего качества.

Хозяин кафе (Официантке). Хватит лясы точить. Займитесь делом, примите у них заказ. (Показывает на Жана и Беранже; затем втягивает голову в окно.)

Беранже (Жану). О чем это вы говорите?

Лавочница (мужу). Пойди принеси ей другую бутылку.

Жан (Беранже). Да о носороге, о носороге!

Лавочник (Домашней хозяйке). У меня есть превосходное вино в небьющихся бутылках. (Скрывается в магазине.)

Логик (лаская кошку). Кисонька, кисонька, кис-кис!

Официантка (Беранже и Жану). Что вам угодно?

Беранже (Официантке). Анисового ликера, два.

Официантка. Сейчас, мсье. (Уходит.)

Домашняя хозяйка (собирая свертки с помощью Старого господина). Вы очень любезны, мсье.

Официантка (входя в кафе). Два анисовых ликера!

Старый господин (Домашней хозяйке). Ну, стоит ли об этом говорить, мадам.

Лавочница уходит в лавку.

Логик (Старому господину и Домашней хозяйке, подбирающим покупки). Кладите аккуратно, по порядку.

Жан (Беранже). Нет, что вы об этом скажете?

Беранже (Жану, не зная, что сказать). Да... ничего. Пыль какая поднялась!

Лавочник (выходит из лавки с бутылкой вина, обращается к Домашней хозяйке). У меня есть лук-порей. Не угодно ли?

Логик (продолжая гладить кошку). Киска, киска, кисонька!

Лавочник (Домашней хозяйке). Сто франков литр.

Домашняя хозяйка (отдает деньги Лавочнику, потом обращается к Старому господину). Вы так любезны. Вот французская вежливость. Не то что современная молодежь.

Лавочник (беря деньги у Домашней хозяйки). Вам лучше

покупать у нас. И улицу переходить не надо. И вот таких встреч можно не бояться. (*Возвращается в лавку.*)

Жан (*он снова уселся и не перестает думать о носороге*). Но ведь это все-таки что-то совершенно невероятное!

Старый господин (*приподнимает шляпу и целует руку Домашней хозяйке*). Весьма счастлив был с вами познакомиться!

Домашняя хозяйка (*Логик*). Благодарю вас, мсье, за то, что вы подержали мою кошечку.

Логик передает кошку Домашней хозяйке.

Официантка возвращается с заказом.

Официантка. Ваш ликер, мсье.

Жан (*Беранже*). Вы неисправимы!

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Разрешите вас проводить?

Беранже (*указывая Жану на Официантку*). Я заказывал минеральную воду. Она ошиблась.

Жан презрительно и недоверчиво пожимает плечами.

Домашняя хозяйка (*Старому господину*). Меня ждет муж, мсье. Спасибо. Как-нибудь в другой раз.

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Буду надеяться, мадам.

Домашняя хозяйка (*Старому господину*). Я тоже. (*Делает ему глазки и уходит направо.*)

Беранже. Пыль-то улеглась.

Жан опять пожимает плечами.

Старый господин (*Логик, провожая глазами Домашнюю хозяйку*). Прелестна.

Жан (*Беранже*). Носорог! Просто опомниться не могу.

Старый господин и Логик медленно уходят налево, откуда они потом снова появятся. Они мирно беседуют.

Старый господин (*Логик, кинув последний взгляд вслед Домашней хозяйке*). Очаровательна. Не правда ли?

Логик (*Старому господину*). Так вот, я вам сейчас объясню, что такое силлогизм.

Старый господин. Ах да, силлогизм.

Жан (*Беранже*). Опомниться не могу. Это что-то непостижимое.

Беранже зевает.

Логик (*Старому господину*). Силлогизм состоит из двух исходных суждений и вывода.

Старый господин. Какого вывода?

Логик и Старый господин уходят.

Жан. Нет. Просто никак не приду в себя.

Беранже (*Жану*). Оно и видно, что вы не можете очнуться. Ну что? Носорог... да, носорог!.. Но он уже далеко... Он далеко.

Жан. Но вы подумайте только! Ведь это же неслыханно. Носорог на свободе бегаёт по городу. И вас это не удивляет? Как это можно было допустить!

Беранже зевает.

Да вы хоть рукой прикрылись бы...

Беранже (*продолжает зевать во весь рот*). Да... д... да... Конечно, этого не должны были допускать. Это опасно. Я как-то не подумал об этом. Но вы не волнуйтесь, нам здесь ничто не грозит.

Жан. Надо заявить протест городским властям. О чем они там думают в муниципалитете?

Беранже (*зевает и тут же поспешно прикрывает рот рукой*). Ах, виноват... А может быть, он из зоологического сада убежал, этот носорог.

Жан. Вы, верно, стоя спите!

Беранже. Я сижу.

Жан. Стоя или сидя — не все ли равно!

Беранже. Все-таки есть разница.

Жан. Не об этом речь.

Беранже. Да ведь вы же сами сказали, не все ли равно — сидит человек или стоит.

Жан. Вы не так поняли. Сидя или стоя, это все равно, если человек спит...

Беранже. Да, верно, правду сказать, сплю... Жизнь — это сон.

Жан (*продолжает*). Конечно спите, раз вам приходит в голову, что носорог из зоологического сада убежал...

Беранже. Я сказал — может быть.

Жан (*продолжая*). ...Ведь у нас в городе нет зоологического сада с тех пор, как чуть ли не все животные передохли от чумы. А было это когда-то давным-давно...

Беранже (*так же равнодушно*). Ну, может быть, он убежал из цирка.

Жан. Из какого же это цирка?

Беранже. Да я почему знаю... ну, из какого-нибудь бродячего цирка.

Жан. Вы прекрасно знаете, что мэрия запретила бродячим труппам останавливаться на территории нашего округа. Никаких цирков здесь не было с тех пор, как мы еще детьми были.

Беранже (*силится подавить зевоту, ему это не удается*). В таком случае, он, может быть, скрывался с тех пор где-нибудь поблизости — в чаще или болотах.

Жан (*вздывая руки к небу*). Поблизости! В чаще, в болотах! Несчастный! Это, верно, вы в чаще... винных паров.

Беранже (*простодушно*). Да, правда... они прямо так и подступают откуда-то из желудка...

Жан. Должно быть, они вам мозги заволокли. Где же вы дели у нас близости болота и чащи... Нашу провинцию прозвали «Маленькая Кастилия» — песок да камни, суццола пустыня.

Беранже (*выведенный из терпения, устало*). Ну почему я знаю? Может быть, он прятался под камнем? Или свил себе гнездо на какой-нибудь ветке?

Жан. Если вы думаете, что это остроумно, то ошибаетесь, позвольте вам заметить. Вы просто нелепы с этими вашими парадоксами! Я вижу, вы не способны говорить серьезно!

Беранже. Сегодня — да, только сегодня... из-за этой... потому что у меня... (*Расслабленным жестом показывает на голову.*)

Жан. Сегодня как и всегда!

Беранже. Ну, не совсем так же...

Жан. Остроты ваши никуда не годятся.

Беранже. Я вовсе и не собирался...

Жан (*перебивая его*). Терпеть не могу, когда надо мной издеваются!

Беранже (*кладя руку на сердце*). Дорогой Жан, да я никогда себе не позволил бы...

Жан (*перебивая его*). Да, дорогой Беранже, вы себе позволяете...

Беранже. Нет-нет, я этого себе не позволяю.

Жан. А я говорю — да, вы только что себе позволили.

Беранже. Как вы можете так думать?..

Жан (*перебивая его*). Я думаю то, что есть...

Беранже. Уверяю вас...

Жан (*перебивая его*). Что вы надо мной издеваетесь!

Беранже. Ну и упрямец же вы!

Жан. Не хватает того, чтобы вы меня назвали ослом. Видите, как вы оскорбляете меня.

Беранже. Да мне и в голову не приходило...

Жан. У вас ее нет!

Беранже. Тем более, значит, мне это и не могло прийти в голову.

Жан. Есть вещи, которые даже безголовым приходят в голову.

Беранже. Это невозможно.

Жан. Почему это невозможно?

Беранже. Да потому, что невозможно.

Жан. А вы объясните мне, почему это невозможно, если уж вы считаете, что можете объяснить все.

Беранже. Никогда в жизни этого не считал.

Жан. А тогда чего же вы на стену лезете? Я вас спрашиваю, почему вы оскорбляете меня?

Беранже. Я вас не оскорбляю. Напротив, вы знаете, с каким уважением я к вам отношусь.

Жан. Раз вы меня уважаете, так чего же вы спорите и говорите, что нет ничего опасного, если в самом центре города бегают на свободе носорог, да еще в воскресенье, когда на улицах полным-полно детей и... взрослых...

Беранже. Сейчас многие в церкви. Там их никто не тронет.

Жан (*перебивая его*). Позвольте... сейчас самая торговля.

Беранже. Да я вовсе не говорил, что не опасно позволять носорогу бегать по городу. Я просто сказал, что как-то не думал об этой опасности, не задавался таким вопросом.

Жан. Вы никогда ни о чем не думаете!

Беранже. Ладно, согласен. Конечно, это не годится, чтоб носорог бегал на свободе.

Жан. Таких вещей не должно быть.

Беранже. Согласен. Не должно быть. Скажу больше, в этом есть даже что-то бессмысленное. Хорошо, но ведь это все-таки не причина, чтобы нам с вами ссориться из-за какого-то зверя. Охота вам затевать спор из-за какого-то непарнопалого, которое случайно пробежало мимо. Глупое четвероногое, которое не стоит того, чтобы о нем говорили. Да еще к тому же хищное... И ведь оно исчезло, его уж нет больше. Стоит ли разговаривать о животном, которого больше нет. Поговорим о чем-нибудь другом, дорогой Жан, поговорим о другом. У нас найдется, о чем поговорить... (*Зевает, берет свой бокал.*) Ваше здоровье.

В эту минуту Логик и Старый господин снова появляются слева; разговаривая, они направляются в кафе и садятся за столик в глубине террасы, довольно далеко от Жана и Беранже и несколько правее их.

Жан. Поставьте бокал. И не пейте.

Жан отпивает большой глоток и ставит на стол наполовину пустой бокал. Беранже продолжает держать бокал в руке, не опуская его на стол, но и не решаясь пить.

Беранже. Но не оставлять же хозяину? (*Подносит к губам и как будто собирается выпить.*)

Жан. Поставьте бокал, говорят вам.

Беранже. Хорошо.

Хочет поставить бокал. В этот момент по сцене слева направо проходит машинистка Дэзи, молоденькая блондинка. Увидев Дэзи, Беранже вскакивает, задевает бокал, тот падает, вино проливается на брюки Жана.

Ах, Дэзи!

Жан. Осторожнее! Вот нескладный!

Беранже. Это Дэзи... Простите, пожалуйста... (*Он прячется, чтобы не попасться Дэзи на глаза.*) Мне не хочется, чтобы она меня видела... в таком состоянии.

Жан. Вы просто невозможны, совершенно невозможны! (*Про-*

вожает взглядом Дэзи.) Что это она вас так напугала, эта де-вушка?

Беранже. Молчите, молчите!

Жан. И на вид она совсем не злая.

Беранже (*возвращаясь к Жану, когда Дэзи скрылась из виду*). Еще раз прошу вас, пожалуйста, простите меня за то, что я...

Жан. Вот что значит пить. Вы уже не способны управлять своими движениями, руки у вас ослабли, вы совсем одурели, опустились. Вы, милый друг, сами себе роете могилу, губите себя.

Беранже. Да я вовсе не так уж люблю пить. Но вот когда я не пью, мне все как-то не по себе. Будто я чего-то боюсь, вот я и пью, чтобы перестать бояться.

Жан. Бояться чего?

Беранже. Да сам не знаю. Тоска какая-то, трудно даже и сказать, как-то не на месте себя чувствуешь, и в жизни, и среди людей, вот и пропускаешь стаканчик. Это успокаивает, размягчает, и обо всем как-то забываешь...

Жан. Просто вы спьяну забываетесь.

Беранже. Устал я, уже много лет чувствую себя усталым. С трудом собственное тело таскаю, тяжесть такая.

Жан. Это у вас алкогольная неврастения, меланхолия пьяницы.

Беранже (*продолжает*). Я постоянно чувствую собственное тело, точно оно налито свинцом или точно я тащу кого-то чужого на своей спине. Все как-то не могу свыкнуться с собой. Не знаю, я ли это. А выпьешь немножко, и тяжесть исчезает, узнаешь себя, становишься самим собой.

Жан. Все это самоопание, Беранже. Посмотрите на меня. У меня вес побольше вашего. А я чувствую себя легко-легко, удивительно легко. (*Машет руками, словно порываясь взлететь.*)

В эту минуту Старый господин и Логик проходят, беседуя, мимо Жана и Беранже. Жан, размахивая руками, толкает Старого господина так, что тот чуть не падает на Логику.

Логик (*продолжая разговор*). Вот вам пример силлогизма...

Старый господин чуть не падает на него.

Ох!..

Старый господин (*Жану*). Осторожней. (*Логику.*) Извините.

Жан (*Старому господину*). Извините.

Логик (*Старому господину*). Ничего, ничего.

Старый господин (*Жану*). Ничего, ничего.

Старый господин и Логик усаживаются за столик позади Жана и Беранже, несколько правее от них.

Беранже (*Жану*). Вы сильный.

Жан. Да, я сильный. Я сильный по многим причинам. Я сильный, во-первых, потому, что у меня есть сила. Затем я сильный потому, что у меня есть моральная сила. И еще я сильный потому, что не отравлен алкоголем. Я не хочу вас обидеть, дорогой друг, но должен сказать, что алкоголь в самом деле давит на человека.

Логик (*Старому господину*). Вот вам пример силлогизма. У кошки четыре лапы. У Фрико и Исидора у каждого по четыре лапы. Следовательно, Фрико и Исидор — кошки.

Старый господин (*Логику*). У моей собаки тоже четыре лапы.

Логик (*Старому господину*). Следовательно, это кошка.

Беранже (*Жану*). А у меня едва хватает силы жить. Мне кажется, у меня пропала всякая охота жить.

Старый господин (*после долгого размышления*). Значит, логически выходит, моя собака — кошка.

Логик (*Старому господину*). Логически — да. Но и противное тоже справедливо.

Беранже (*Жану*). Одиночество тяготит. И люди тоже.

Жан (*Беранже*). Вы сами себе противоречите. Что вас тяготит — одиночество или толпа? Считаете себя мыслителем, а логики ни на грош.

Старый господин (*Логику*). Замечательная вещь — логика!

Логик (*Старому господину*). Если ею не злоупотреблять.

Беранже (*Жану*). Жить — противоестественно.

Жан. Наоборот! Что может быть естественнее. И вот вам доказательство — все живут.

Беранже. Мертвых больше, чем живых. И число их все увеличивается. А живых становится все меньше.

Жан. Мертвые не существуют — вот уж можно точно сказать. Ха-ха-ха!.. (*Хохочет*.) А они тоже вас тяготят? Как может тяготить то, что не существует?

Беранже. Я сам иногда спрашиваю себя: существую я или нет?

Жан (*Беранже*). Вы, дорогой мой, не существуете, потому что вы не думаете. Думайте — и будете существовать.

Логик (*Старому господину*). А вот вам еще силлогизм. Все кошки смертны. Сократ смертен. Следовательно, Сократ — кошка.

Старый господин. И у него четыре лапы. А ведь верно, моего кота как раз и зовут Сократ.

Логик. Вот видите...

Жан (*Беранже*). А на самом деле вы просто кривляка. И враль. Вы говорите, вас жизнь не интересует. А меж тем кто-то вас интересует.

Беранже. Кто же это?

Жан. А вот эта ваша сослуживица, девочка, которая только что прошла. Вы же влюблены в нее.

Старый господин (*Логику*). Значит, Сократ был кошкой!

Логик (*Старому господину*). Так нам сейчас доказала логика.
Жан (*Беранже*). Вам не хотелось, чтобы она вас увидела в таком виде?

Беранже кивает.

Это доказывает, что вам не все безразлично. Но о чем же вы думаете, разве Дэзи может прельститься пьяницей?

Логик (*Старому господину*). Ну, вернемся к нашим кошкам. Старый господин (*Логику*). Я вас слушаю.

Беранже (*Жану*). Да, по-моему, она уже кого-то себе приглядела.

Жан (*Беранже*). Кого же это?

Беранже. Дюдара. Сослуживца нашего. Он юрист, у него диплом доктора права. Ему будущее обеспечено — и по службе, и в сердце Дэзи. Где уж мне с ним тягаться.

Логик (*Старому господину*). У кота Исидора четыре лапы.

Старый господин. Откуда вы знаете?

Логик. Это дается в посылке.

Беранже (*Жану*). Он и у начальства на хорошем счету. А у меня, у меня никакого будущего, я человек без образования. У меня никаких перспектив.

Старый господин (*Логику*). Ах, в посылке.

Жан (*Беранже*). И вы вот так и сдаетесь...

Беранже. А что же мне делать?

Логик (*Старому господину*). У Фрико тоже четыре лапы. Сколько же лап у Фрико и Исидора?

Старый господин (*Логику*). Вместе или порознь?

Жан (*Беранже*). Жизнь — это борьба, только трусы отказываются бороться.

Логик (*Старому господину*). Вместе или порознь — это зависит от точки зрения.

Беранже (*Жану*). Что же делать, я безоружен.

Жан. Вооружитесь, дорогой мой, вооружитесь.

Старый господин (*Логику, после мучительных размышлений*). Четыре, четыре лапы.

Логик. Логика учит нас вычислять в уме.

Старый господин. Да, многогранная вещь — логика.

Беранже (*Жану*). А где взять оружие?

Логик (*Старому господину*). Логика не имеет границ.

Жан (*Беранже*). В себе самом. Усилием воли.

Беранже (*Жану*). Что это за оружие, как им вооружиться?

Логик (*Старому господину*). Вот вы сейчас увидите...

Жан (*Беранже*). Вооружиться терпением, культурой, вооружиться умом. (*Беранже зевает.*) Станьте остроумным, блестящим. Не отставайте от времени.

Беранже (*Жану*). Как это не отставать от времени?

Логик (*Старому господину*). Если у этих кошек отнять две лапы, сколько лап останется у каждой?

Старый господин (Логик). Это очень сложно.

Беранже (Жану). Это очень сложно.

Логик (Старому господину). Напротив, проще простого.

Старый господин (Логик). Может быть, это для вас просто, но не для меня.

Беранже (Жану). Может быть, это для вас просто, но не для меня.

Логик (Старому господину). Пошевелите же мозгами. Сделайте усилие.

Жан (Беранже). Пошевелите же лапами. Сделайте над собой усилие.

Старый господин (Логик). Не понимаю.

Беранже (Жану). По правде сказать, не понимаю.

Логик (Старому господину). Вам все надо разжевать.

Жан (Беранже). Вам все надо разжевать.

Логик (Старому господину). Возьмите лист бумаги, сосчитайте. У двух кошек изымают две лапы. Сколько лап остается у каждой кошки?

Старый господин. Подождите... (Достает из кармана листок бумаги и начинает высчитывать.)

Жан. Вот с чего надо начать: одеться прилично, бриться каждый день, ходить в чистой сорочке.

Беранже (Жану). Стирка, знаете, дорого обходится...

Жан (Беранже). Экономьте на вине. А за внешностью надо следить — шляпа, галстук, приличный костюм, вычищенная обувь.

Перечисляя предметы одежды, Жан самодовольно показывает на свои шляпу, галстук, сверкающие ботинки.

Старый господин (Логик). Здесь возможно несколько решений.

Логик (Старому господину). Говорите.

Беранже (Жану). А дальше что делать? Говорите...

Логик (Старому господину). Я вас слушаю.

Беранже (Жану). Я вас слушаю.

Жан (Беранже). Вы человек робкий, но не лишены способностей.

Беранже (Жану). У меня способности?

Жан. Их надо уметь применять. Включитесь в жизнь. Следите за культурными и литературными событиями нашего времени.

Старый господин (Логик). Первая возможность: у одной кошки может быть четыре лапы, у второй — две.

Беранже (Жану). У меня так мало свободного времени. Ведь я чиновник!

Логик. У вас есть способности. Нужно только уметь их применять.

Жан. Надо уметь с толком использовать свободное время. Нельзя плыть по течению.

Старый господин (*Логик*). У меня никогда не было свободного времени. Я чиновником был.

Логик (*Старому господину*). Для ученья всегда можно найти время.

Жан (*Беранже*). Всегда можно найти время.

Беранже (*Жану*). Слишком поздно.

Старый господин (*Логик*). Поздновато, пожалуй, для меня.

Жан (*Беранже*). Никогда не поздно.

Логик (*Старому господину*). Никогда не поздно.

Жан (*Беранже*). Ваш рабочий день — восемь часов, как у меня, как у всех. А воскресенье? А вечера? И наконец, три недели отпуска летом? Этого достаточно, если следовать правилам.

Логик (*Старому господину*). Ну, а другие решения? Не забудьте правила, правила...

Старый господин снова принимается высчитывать.

Жан (*Беранже*). Послушайте, вместо того чтобы пить да хандрить, не лучше ли вставать с утра свежим, бодрым и всегда чувствовать себя прекрасно, даже на работе? А тогда можно и свободное время проводить разумно.

Беранже (*Жану*). Как же именно?

Жан (*Беранже*). Ходить в музеи, читать литературные журналы, посещать лекции. Это вас излечит от ваших страхов и тоски, воспитает вас. Через какие-нибудь три-четыре недели вы станете культурным человеком.

Беранже (*Жану*). А ведь вы правы!

Старый господин (*Логик*). Тогда выходит, что у одной кошки будет пять лап.

Жан (*Беранже*). Вот видите — сами это признаете.

Старый господин (*Логик*). А у другой одна лапа. Но тогда будут ли это по-прежнему кошки?

Логик (*Старому господину*). Почему же нет?

Жан (*Беранже*). Вместо того чтобы тратить все имеющиеся деньги на спиртные напитки, не лучше ли покупать билеты в театр, ходить на интересные спектакли? Бывали ли вы когда-нибудь в этом новом авангардном театре, о котором сейчас столько говорят? Видели пьесы Ионеско?

Беранже (*Жану*). Нет, к сожалению. Только слышал о них.

Старый господин (*Логик*). Если отнять у двух кошек две лапы из восьми...

Жан (*Беранже*). Сейчас одна из них у нас идет. Пользуйтесь случаем.

Старый господин. ...Можем получить одну кошку с шестью лапами...

Беранже. А ведь правда, хорошо было бы познакомиться с сегодняшней театральной жизнью.

Старый господин (*Логик*). ...И одну совсем без лап.
Беранже. Вы правы, вы правы. Я включусь в жизнь, вы верно говорите.

Логик (*Старому господину*). В таком случае у нас получится одна привилегированная кошка.

Беранже (*Жану*). Обещаю вам.

Жан. Обещайте самому себе, главное — самому себе.

Старый господин. И одна, лишенная лап,— деклассированная кошка?

Беранже (*Жану*). Даю себе торжественное обещание. И уж себе-то я сдержу слово.

Логик (*Старому господину*). Это было бы несправедливо, а следовательно — нелогично.

Беранже (*Жану*). Вместо того чтобы пить, я буду приобщаться к культуре. Я уже чувствую себя лучше. Даже в голове прояснилось.

Жан. Вот видите!

Старый господин (*Логик*). Нелогично?

Беранже (*Жану*). Сегодня же пойду в городской музей. А на вечер возьму два билета в театр. Вы пойдете со мной?

Логик (*Старому господину*). Ибо справедливость — это и есть логика.

Жан (*Беранже*). Надо только проявить настойчивость. Чтобы ваши добрые намерения не разлетелись в прах.

Старый господин (*Логик*). Понимаю, справедливость.

Беранже (*Жану*). Я вам обещаю и себе обещаю. Идемте со мной после завтрака в музей?

Жан (*Беранже*). После завтрака сегодня я отдыхаю. Так уж у меня заведено.

Старый господин (*Логик*). Справедливость — это тоже одна из граней логики.

Беранже (*Жану*). Ну, а в театр-то вы со мной вечером пойдете?

Жан. Нет, сегодня вечером нет.

Логик (*Старому господину*). Вы начинаете ясно мыслить.

Жан (*Беранже*). Желаю вам не отступать от ваших добрых намерений, но сегодня вечером я условился встретиться с друзьями в ресторане.

Беранже. В ресторане?

Старый господин (*Логик*). Да, и, кроме того, кошка совсем без лап...

Жан (*Беранже*). Я обещал встретиться. И всегда выполняю обещания.

Старый господин (*Логик*). ...Не могла бы бегать* и ловить мышей.

Беранже (*Жану*). Ах, дорогой друг, вот теперь вы сами подаете дурной пример! Вы же там будете пить.

Логик (*Старому господину*). Вы уже делаете успехи в логике.

Направо за кулисами снова слышится нарастающий шум — это быстро бежит носорог, но теперь уже в обратном направлении; топот копыт, рев, сопение.

Жан (*возмущенно, Беранже*). Выпить раз, дорогой мой, это не то, что завести привычку. Ничего общего с вами. Потому что вы... вы... другое дело... словом, это не одно и то же.

Беранже (*Жану*). Почему не одно и то же?

Жан (*кричит, стараясь перекрыть шум, доносящийся с улицы позади лавки*). Потому что я не пьяница!

Логик (*Старому господину*). Даже и без лап кошка должна ловить мышей. Это ее природное свойство.

Беранже (*кричит во все горло*). Я вовсе не говорю, что вы пьяница! А почему я в подобном случае должен считаться пьяницей больше, чем вы?

Старый господин (*кричит Логику*). Какое у кошки природное свойство?

Жан (*Беранже, также кричит*). Потому что все дело в мере! Я человек умеренный, не то что вы!

Логик (*Старому господину, подносит руки к уху*). Что вы говорите?

Страшный шум заглушает слова всех четверых.

Беранже (*подносит руки к уху и кричит Жану*). Не то что я, как, как вы сказали?

Жан (*орет*). Я говорю, что...

Старый господин (*орет*). Я говорю, что...

Жан (*догадывается, что это за шум, теперь раздающийся уже совсем близко*). Что же это происходит?

Логик. Да, что это?

Жан (*вскакивает, опрокидывает стул, заглядывает налево, за кулисы, откуда доносятся топот и рев носорога, бегущего в обратном направлении*). Ах! Носорог!

Логик (*вскакивает, опрокидывает стул*). Ах, носорог!

Старый господин (*поднимается, опрокидывает стул*). Ах, носорог!

Беранже (*остаётся сидеть, но сейчас он уже не такой оловелый*). Носорог! Мчится обратно!

Официантка (*выходит из кафе, неся поднос с бокалами*). Что это? Ах, носорог! (*Роняет поднос, бокалы разбиваются*.)

Хозяин кафе (*выходя из кафе*). Что это?

Официантка (*Хозяину*). Носорог!

Логик. Вон там по тротуару носорог мчится.

Лавочник (*выходя из лавки*). Ах, носорог!

Жан. Носорог!

Лавочница (*высовывая голову из окна над лавкой*). Ах! Носорог!

Хозяин кафе (*Официантке*). Это еще не причина бить посуду.

Жан. Мчится прямо вперед, сшибает лотки.

Дэзи (*появляется справа*). Носорог!
Беранже (*увидев Дэзи*). Ах, Дэзи!

Слышен топот убегающих людей, возгласы «Ох!» и «Ах!».

Хозяин кафе (*Официантке*). Вы мне заплатите за разбитую посуду.

Беранже пытается спрятаться, чтобы его не увидела Дэзи. Старый господин, Логик, Лавочница, Лавочник идут к середине сцены, восклицая.

Все (*вместе*). Ну и ну!
Жан и Беранже. Ну и ну!

Слышно отчаянное мяуканье и вслед за ним душераздирающий женский крик.

Все. Ах!

И чуть ли не в ту же минуту — еще не затих быстро удаляющийся шум, топот и рев — появляется Домашняя хозяйка; она уже без корзинки, а на руках у нее мертвая окровавленная кошка.

Домашняя хозяйка (*причитает*). Он раздавил мою кошку, раздавил мою кошечку!

Официантка. Он раздавил ее кошку!

Лавочник, Дэзи, Логик, Старый господин (*окружив Домашнюю хозяйку, говорят все сразу*). Такое несчастье, бедная киска!

Старый господин. Бедная киска!

Дэзи и Официантка. Бедная киска!

Лавочник и лавочница (*в окне*), Старый господин, Логик. Бедная киска!

Хозяин кафе (*Официантке, указывая на разбитую посуду и опрокинутые стулья*). Что же вы стоите? Уберите все это!

Жан и Беранже тоже бросились к Домашней хозяйке, которая не перестает причитать, прижимая к себе кошку.

Официантка (*идет к террасе кафе убрать разбитую посуду и поднять стулья, оглядывается на Домашнюю хозяйку*). Ах, бедная киска!

Хозяин кафе (*Официантке, показывая пальцем на осколки стекла и опрокинутые стулья*). Вон тут и тут!

Старый господин (*Лавочнику*). Ну, что вы об этом скажете?

Беранже (*Домашней хозяйке*). Не плачьте, мадам, у нас прямо сердце разрывается!

Дэзи (*Беранже*). Мсье Беранже... Вы здесь? Вы видели?

Беранже (*Дэзи*). Здравствуйте, мадмуазель Дэзи, извините, я не успел побриться...

Хозяин кафе (*следит за Официанткой, все ли она подбieraет, и мельком поглядывает на Домашнюю хозяйку*). Бедная киска!

Официантка (*собирая осколки*). Бедная киска!

Все реплики произносятся очень быстро, почти одновременно.

Лавочница (*из окна*). Ну это уж чересчур!

Жан. Это уж чересчур!

Домашняя хозяйка (*горько причитает, качая на руках мертвую кошку*). Бедненькая моя Мицу, бедняжка Мицу!

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Я был бы так счастлив встретиться с вами при других обстоятельствах.

Логик (*Домашней хозяйке*). Что поделаешь, мадам, все кошки смертны. Приходится с этим мириться!

Домашняя хозяйка (*причитает*). Моя кисонька, кисонька, киска моя!

Хозяин кафе (*Официантке, у которой полный передник осколков*). Ступайте бросьте в мусорный ящик. (*Поднимает стулья*.) Тысяча франков за вами!

Официантка (*на пороге кафе, Хозяину*). Вы только о своих деньгах и печетесь.

Лавочница (*Домашней хозяйке, из окна*). Не плачьте, мадам.

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Успокойтесь, мадам, дорогая.

Лавочница (*из окна*). Ясное дело, жаль!

Домашняя хозяйка. Моя кисонька, кисонька, киска моя!

Дэзи. Конечно, жаль.

Старый господин (*ведет под руку Домашнюю хозяйку к столику на террасе кафе. Все остальные следуют за ними*). Садитесь вот здесь, мадам.

Жан (*Старому господину*). Что вы об этом скажете?

Лавочник (*Логик*). Что вы об этом скажете?

Лавочница (*Дэзи, из окна*). Что вы об этом скажете?

Хозяин кафе (*Официантке, появившейся в дверях кафе в тот момент, когда все усаживают за столик плачущую Домашнюю хозяйку, которая не перестает качать мертвую кошку*). стакан воды для мадам!

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Присядьте, мадам, дорогая.

Жан. Бедная женщина!

Лавочница (*в окне*). Бедное животное!

Беранже (*Официантке*). Принесите ей лучше коньяку.

Хозяин кафе (*Официантке*). Один коньяк! (*Указывая на Беранже*.) Платит этот господин.

Официантка (*скрывается в кафе со словами*). Один коньяк!

Домашняя хозяйка (*всхлипывая*). Не надо! Не хочу!

Лавочник. Он уже раз пробежал туда мимо лавки.

Жан (*Лавочнику*). Это не тот!

Лавочник (*Жану*). Как так?

Лавочница. Да нет, тот самый.

Дэзи. Он уже второй раз здесь промчался.

Хозяин кафе. По-моему, это все тот же.

Жан. Нет, не тот. У того, который пробежал раньше, было два рога на носу, это был азиатский носорог, а у этого — только один, это африканский!

Официантка выходит из кафе с рюмкой коньяку и подходит к Домашней хозяйке.

Старый господин. Вот коньяк, это вас немножко подбодрит.

Домашняя хозяйка (*в слезах*). Не-е-т...

Беранже (*с внезапным раздражением, Жану*). Глупости вы говорите!.. Как это вы успели рога рассмотреть? Он так быстро промчался, что и самого-то его едва можно было разглядеть...

Дэзи (*Домашней хозяйке*). Ну правда же, вам станет легче.

Старый господин (*Беранже*). В самом деле, ведь он так быстро бежал!

Хозяин кафе (*Домашней хозяйке*). Попробуйте, хороший коньяк.

Беранже (*Жану*). Как вы успели рога у него сосчитать?..

Лавочница (*Официантке, из окна*). Заставьте ее выпить.

Беранже (*Жану*). Ведь пыль столбом стояла, ничего не видно было.

Дэзи (*Домашней хозяйке*). Выпейте, мадам.

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Один глоточек, дорогая!.. Ну, смелее.

Официантка подносит рюмку к губам Домашней хозяйки, та делает вид, что ее принуждают насильно, но выпивает.

Официантка. Вот и хорошо!

Лавочница (*из окна*) и Дэзи. Вот и хорошо!

Жан (*Беранже*). У меня голова ничем не затуманена. Я быстро считаю — у меня мысли не путаются.

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Ну как, лучше?

Беранже (*Жану*). Ведь он мчался, опустив голову.

Хозяин кафе (*Домашней хозяйке*). Правда, хороший коньяк?

Жан (*Беранже*). Вот поэтому и можно было рассмотреть.

Домашняя хозяйка (*осушив рюмку*). Кисонька моя!

Беранже (*Жану, раздраженно*). Глупости! Глупости!

Лавочница (*Домашней хозяйке, из окна*). У меня найдется для вас другая кошка.

Жан (*Беранже*). Как? Вы осмеливаетесь утверждать, что я говорю глупости?

Домашняя хозяйка (*Лавочнице*). Не нужно мне никакой другой. (*Всхлипывая, качает кошку.*)

Беранже (*Домашней хозяйке*). Ну, успокойтесь!

Хозяин кафе (*Домашней хозяйке*). Успокойтесь.

Жан (*Беранже*). Я никогда не говорю глупостей!

Старый господин (*Домашней хозяйке*). Отнеситесь ко всему философски.

Беранже (*Жану*). Уж очень вы о себе воображаете. (*Повышая голос.*) Подумаешь, ученый...

Хозяин кафе (*Жану и Беранже*). Господа, господа!

Беранже (*Жану, не унимаясь*). ...Ученый, а путает все, чему его учили. Во-первых, это у азиатского носорога один рог, а африканский — двурогий.

Все отходят от Домашней хозяйки и обступают Жана и Беранже, которые продолжают громко пререкаться.

Жан (*Беранже*). Ошибаетесь! Как раз наоборот.

Домашняя хозяйка (*одна*). Какая она была миленькая!

Беранже. Хотите пари?

Официантка. Они уже пари держат!

Дэзи (*Беранже*). Не горячитесь так, мсье Беранже!

Жан (*Беранже*). Не желаю я с вами держать пари. Двурогий! Сами вы двурогий. Азиат несчастный!

Официантка. Ого!

Лавочница (*из окна, мужу*). Они сейчас подерутся.

Лавочник (*жене*). Вот тебе и пари.

Хозяин кафе (*Жану и Беранже*). Никаких скандалов здесь!

Старый господин. А в самом деле... У какой же это породы носорогов один рог на носу? (*Лавочнику.*) Вы торговец, вы должны бы знать!

Лавочница (*мужу, из окна*). Ты должен знать!

Беранже (*Жану*). Нет у меня рогов. И никогда не будет!

Лавочник (*Старому господину*). Не могут же торговцы все знать!

Жан (*Беранже*). Будет!

Беранже (*Жану*). И никакой я не азиат. Кстати сказать, азиаты такие же люди, как все...

Официантка. Ясно, азиаты такие же люди, как вы и я...

Старый господин (*Хозяину кафе*). Верно.

Хозяин кафе (*Официантке*). А вас никто не спрашивает.

Дэзи (*Хозяину кафе*). Она верно говорит. Они такие же люди, как мы.

Домашняя хозяйка во время этого спора не перестает причитать.

Домашняя хозяйка. А какая она была спокойная, ну совсем как мы.

Жан (*вне себя*). Они желтокожие!

Логик стоит в стороне между Домашней хозяйкой и группой людей, обступивших Жана и Беранже, он внимательно следит за ходом спора, но не вмешивается в него.

Жан. Прощайте, господа. (*Беранже*.) А с вами я больше не знаком.

Домашняя хозяйка (*причитает*). Она так нас любила! (*Всхлипывает*.)

Дэзи. Ну будет вам, мсье Беранже, будет вам, мсье Жан...

Старый господин. У меня были друзья азиаты. Правда, может быть, они были не настоящие азиаты...

Хозяин кафе. Я знавал и настоящих.

Домашняя хозяйка (*продолжая причитать*). Я взяла ее к себе котеночком.

Жан (*по-прежнему вне себя*). Они желтые! Желтые! Совершенно желтые!

Беранже (*Жану*). А вы... вы красный, как рак!

Лавочница (*у окна*) и Официантка. Ах!

Хозяин кафе. Это может плохо кончиться!

Домашняя хозяйка (*все так же причитает*). А уж какая она была чистоплотная! Все свои дела только в песочек делала!

Жан (*Беранже*). Ах, так! Ну, больше вы меня не увидите! С таким остолопом только зря время теряешь.

Домашняя хозяйка (*причитает*). Я всегда ее понимала.

Жан в ярости, быстрыми шагами идет налево, но, прежде чем уйти, оборачивается.

Старый господин (*Лавочнику*). Среди азиатов есть белые, и черные, и синие, и совсем такие, как мы.

Жан (*Беранже*). Пьяница!

Все в ужасе переглядываются.

Беранже (*делая шаг к Жану*). Я вам не позволю!

Все (*поворачиваясь к Жану*). О-о-о!

Домашняя хозяйка (*причитает*). Она только говорить не умела, но это нисколько не мешало.

Дэзи (*Беранже*). Не надо вам было доводить его до такого состояния.

Беранже (*Дэзи*). Я не виноват...

Хозяин кафе (*Официантке*). Ступайте поищите-ка ящичек для этого бедного животного.

Старый господин (*Беранже*). По-моему, вы правы. У азиатского носорога два рога, а у африканского — один..

Лавочник. Господин утверждал обратное.

Дэзи (*Беранже*). Вы оба были не правы.

Старый господин (*Беранже*). Нет, кажется, вы правы.

Официантка (*Домашней хозяйке*). Идемте, мадам, мы сейчас положим ее в ящичек.

Домашняя хозяйка (*плачет навзрыд*). Никогда! Ни за что!

Лавочник. Извините, но, по-моему, прав был мсье Жан.

Дэзи (*поворачиваясь к Домашней хозяйке*). Ну, успокойтесь, мадам!

Дэзи и официантка ведут в кафе Домашнюю хозяйку с мертвой кошкой на руках.

Старый господин (*Дэзи и Официантке*). Может быть, мне пойти с вами?

Лавочник. У азиатского носорога один рог, у африканского — два. И наоборот.

Дэзи (*Старому господину*). Нет, не стоит.

Дэзи и Официантка, поддерживая безутешную Домашнюю хозяйку, входят в кафе.

Лавочница (*из окна, мужу*). Ну ты всегда что-нибудь придумашь, у тебя все не как у людей!

Беранже (*в сторону, в то время как другие продолжают спор о рогах носорога*). Дэзи права, напрасно я начал с ним спорить.

Хозяин кафе (*Лавочнице*). Ваш муж прав: у азиатского носорога два рога, значит, и у африканского должно быть два. И наоборот.

Беранже (*в сторону*). Он не терпит, когда с ним спорят. От малейшего возражения прямо на стену лезет.

Старый господин (*Хозяину кафе*). Вы ошибаетесь, друг мой.

Хозяин кафе (*Старому господину*). Ну, в таком случае прошу меня извинить.

Беранже (*в сторону*). Вспыльчивость — единственный его недостаток.

Лавочница (*из окна Старому господину, Хозяину кафе и Лавочнику*). А может, они совсем одинаковые, оба!

Беранже (*в сторону*). В сущности, у него золотое сердце, он меня столько раз выручал.

Хозяин кафе (*Лавочнице*). У того должен быть только один рог, раз у этого два.

Старый господин. А может быть, у этого один, а у того два.

Беранже (*в сторону*). Я теперь жалею, что вовремя не уступил. Но почему же он так упрямится? Я вовсе не хотел выводить его из себя. (*К другим.*) Он готов с пеной у рта защищать самые невероятные вещи! Лишь бы поразить всех своей ученостью! Он даже мысли не допускает, что может ошибиться.

Старый господин (*Беранже*). А вы можете это доказать?

Беранже. Что именно?

Старый господин. А вот то, что вы сейчас утверждали, из-за чего у вас возник этот неприятный спор с вашим другом.

Лавочник (*Беранже*). Да! Можете вы это доказать?

Старый господин (*Беранже*). Откуда вы знаете, что у одного из этих носорогов два рога, а у другого — один? И у какого именно?

Лавочница. Он знает столько же, сколько и мы.

Беранже. Прежде всего совершенно неизвестно, было ли их два. По-моему, был один.

Хозяин кафе. Ну, допустим, их было два. Какой же из них с одним рогом — африканский?

Старый господин. Нет, африканский с двумя рогами. Мне так думается.

Хозяин кафе. Кто-то с двумя, только не африканский.

Лавочница. Ну вот, опять каждый на своем стоит.

Старый господин. Но все-таки надо же это выяснить.

Логик (*вступая в разговор*). Извините, что я вмешиваюсь, господа. Но ведь не в этом дело. Разрешите представиться.

Домашняя хозяйка (*входит в слезах*). Это Логик.

Хозяин кафе. Ого! Логик!

Старый господин (*представляя Логика Беранже*). Мой друг, Логик.

Беранже. Очень приятно, мсье.

Логик (*продолжает*). Логик по специальности — вот мое удостоверение. (*Показывает удостоверение личности.*)

Беранже. Я счастлив, мсье, что мне выпала честь...

Лавочник. Считаю за честь.

Хозяин кафе. Так вот, господин Логик, скажите нам, пожалуйста, один ли рог у африканского носорога.

Старый господин. Или два...

Лавочница. И про азиатского носорога. Он что, с двумя рогами?

Лавочник. Или с одним?

Логик. Да нет, все дело в том, что вы не так ставите вопрос. Вот именно это я и считаю своим долгом уточнить.

Лавочник. А нам именно это и хотелось бы знать.

Логик. Позвольте мне сказать, господа.

Старый господин. Дайте ему сказать.

Лавочница (*Лавочнику, из окна*). Дайте ему сказать.

Хозяин кафе. Мы слушаем вас, мсье.

Логик (*Беранже*). Я обращаюсь главным образом к вам, а также и к присутствующим здесь лицам.

Лавочник. Так же, как и к нам...

Логик. Видите ли, вы как-то незаметно для себя отклонились от того вопроса, из-за которого с самого начала и возник спор. Вы начали с того, что спросили себя: этот носорог, который пробежал только что, тот самый, который пробежал раньше, или нет? Вот на это вам и надлежит ответить.

Беранже. А как?

Логик. А вот так: вы могли дважды видеть одного и того же носорога с одним рогом...

Лавочник (*повторяет, словно стараясь уяснить*). Дважды одного и того же носорога.

Хозяин кафе. С одним рогом...

Логик (*продолжает*). ...точно так же, как вы могли дважды видеть одного и того же носорога с двумя рогами.

Старый господин (*повторяет*). Одного и того же носорога с двумя рогами — дважды...

Логик. Правильно. Кроме того, вы могли видеть первого носорога с одним рогом, а затем второго — тоже с одним рогом.

Лавочница (*из окна*). Как... как...

Логик. А так же первого носорога с двумя рогами.

Хозяин кафе. Точно.

Логик. Так вот: если вы видели...

Лавочник. Если мы видели...

Старый господин. Да-да, если мы видели...

Логик. Если вы в первый раз видели носорога с двумя рогами...

Хозяин кафе. С двумя рогами...

Логик. ...а второй раз носорога с одним рогом...

Лавочник. С одним рогом.

Логик. ... это еще ничего не доказывает.

Хозяин кафе. Почему?

Лавочница. Ну и ну! Я что-то ничего не понимаю.

Лавочник. Мда... мда...

Лавочница пожимает плечами и скрывается в окне.

Логик. Вполне возможно, что носорог, который пробежал первый раз, лишился потом одного из своих рогов и тогда носорог, который пробежал сейчас, это тот же самый носорог.

Беранже. Я понимаю, но...

Старый господин (*прерывая Беранже*). Не перебивайте, мсье.

Логик. Возможно также, что два двурогих носорога сломали оба по одному рогу.

Старый господин. Возможно.

Хозяин кафе. Вполне возможно.

Лавочник. Почему бы и нет!

Беранже. Да, но как-никак...

Старый господин (*Беранже*). Не перебивайте!

Логик. Если бы вы могли доказать, что в первый раз видели носорога с одним рогом, будь то азиатский или африканский...

Старый господин. Азиатский или африканский...

Логик. ...а во второй раз — носорога с двумя рогами...

Старый господин. С двумя рогами!

Логик. ...неважно, африканский он или азиатский...

Лавочник. ...африканский или азиатский...

Логик (*продолжает свои пояснения*). ...тогда можно было бы заключить, что мы имеем дело с двумя разными носорогами, ибо мало вероятно, чтобы сколько-нибудь заметный второй рог мог вырасти на носу носорога за несколько минут.

Старый господин. Мало вероятно.

Логик (*очень довольный своим рассуждением*). Тогда азиатский или африканский носорог...

Старый господин. Азиатский или африканский.

Логик. ...мог бы стать африканским или азиатским...

Хозяин кафе. Африканским или азиатским.

Лавочник. Мда, мда...

Логик. ...что по законам логики недопустимо, ибо одно и то же существо не может родиться одновременно в двух местах.

Старый господин. Ни даже поочередно.

Логик (*Старому господину*). Это еще требуется доказать.

Беранже (*Логик*). Все это я очень хорошо понимаю, но ведь это же не решает вопроса.

Логик (*Беранже, покровительственно улыбаясь*). Очевидно, дорогой мсье, именно так и только так мы правильно подойдем к постановке вопроса.

Старый господин. Это как нельзя более логично.

Логик (*приподнимая шляпу*). До свиданья, господа.

Поворачивается и уходит налево, за ним следом идет Старый господин.

Старый господин. До свиданья, господа. (*Приподнимает шляпу и уходит вслед за Логиком.*)

Лавочник. Может, это и логично...

В этот момент из кафе с убитым видом медленно выходит Домашняя хозяйка, она несет коробку; за ней следуют Дэзи и Официантка; это похоже на похоронную процессию; они шествуют к выходу направо.

Лавочник (*продолжая*). ...оно, может, и логично, но не можем же мы допустить, чтобы наших кошек у нас на глазах давили носороги — с одним рогом или с двумя, азиатские или какие-то там африканские. (*Показывает театральным жестом на удаляющуюся похоронную процессию.*)

Хозяин кафе. Он правду говорит. Это верно. Мы не можем позволить, чтобы наших кошек давили носороги или кто бы там ни был.

Лавочник. Не можем позволить!

Лавочница (*высовывая голову из лавки, Лавочнику*). А ну иди, иди в лавку! Сейчас покупатели придут.

Лавочник (*направляясь к лавке*). Нет, мы не можем этого позволить!

Беранже. Ах, не надо мне было ссориться с Жаном. (*Хозяину кафе.*) Принесите порцию коньяку. Двойную!

Хозяин кафе. Сейчас принесу. (*Идет в кафе.*)
Беранже. Не надо, не надо мне было выводить его из себя.

Из кафе появляется Хозяин кафе с большой рюмкой коньяку.

У меня так тяжело на душе; ну зачем я пойду в музей? Займусь самообразованием как-нибудь в другой раз. (*Берет рюмку, выпивает.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Контора какого-нибудь учреждения или частного предприятия, например крупной фирмы, издающей книги по юриспруденции. В глубине посредине — широкие двери, на них дощечка с надписью: «Начальник конторы». Слева, рядом с этой дверью, — столик Дэзи, на нем пишущая машинка. У левой стены, между дверью, ведущей на лестницу, и столиком Дэзи, — еще столик, где лежит габель, в котором служащие расписываются, когда приходят. Слева, на переднем плане, — дверь на лестницу; видны верхние ступеньки, конец перил, небольшая площадка. Ближе к середине, на переднем плане, — стол с двумя стульями. На столе — корректуры, чернильница, ручки. Это стол Ботара и Беранже. Стул Беранже слева, Ботара — справа. У правой стены другой стол — побольше, прямоугольный, он тоже завален бумагами, корректурами и пр. Возле этого стола тоже два стула — один против другого (более красивые, более «солидные»)... Это стол Дюдара и мсье Бефа. Дюдар сядет на стул у стены, лицом к другим служащим; он занимает должность помощника начальника. Между дверью в глубине и правой стеной — окно. В том случае, если в театре имеется оркестровая яма, лучше всего было бы прямо на авансцене против зрительного зала поставить макет оконной рамы. В правом углу, в глубине, — вешалка, на которой висят серые рабочие блузы и поношенные пиджаки. Вешалку можно поместить и на переднем плане, поближе к правой стене. По стенам на полках — ряды пыльных книг и папок. В глубине налево, над полками, прибиты таблички: «Юриспруденция», «Кодексы». На правой стене, которая может быть немного скошена, — таблички «Правительственный вестник», «Система увеличения налогов». Часы над дверью начальника показывают 9 часов 3 минуты.

Когда занавес поднимается, Дюдар стоит у своего стола, в профиль к залу; Ботар — по другую сторону стола, напротив него. Между ними, лицом к залу, тоже у стола — начальник конторы; возле него, слева, немного отступя, — Дэзи; в руке у нее листки, отпечатанные на машинке.

В течение нескольких секунд после поднятия занавеса все действующие лица стоят не двигаясь, в той же позе, в какой произойдет первая реплика.

Это как бы живая картинка, так же, как и в начале первого действия.

Начальник конторы, человек лет пятидесяти, одет строго, солидно — темно-синий костюм, ленточка ордена Почетного легиона, крахмальный воротничок, черный галстук, темные усы.

Его зовут мсье Папийон.

Дюдар — тридцати пяти лет. Может быть в очках, серый костюм, черные люстриновые нарукавники, чтобы не пачкать рукава, довольно рослый; продвигается по службе, будущее ему обеспечено. Если начальник конторы станет помощником директора, он займет его место. Ботар не любит его.

Ботар — учитель, вышедший в отставку, держится заносчиво; короткие седые усы; ему лет шестьдесят, отлично сохранился. Все знает, все понимает. Он в берете, в серой длинной рабочей блузе, в очках, нос довольно крупный, карандаш за ухом; такие же люстриновые нарукавники.

Дэзи — молоденькая блондинка.

Позднее появляется Мадам Бэф — толстая женщина лет сорока — пятидесяти, заплаканная, запыхавшаяся.

Когда поднимается занавес, все действующие лица стоят неподвижно у стола справа. Начальник конторы, вытянув руку, показывает пальцем на газету, лежащую на столе. Дюдар делает жест в сторону Ботара, как бы убеждая: «Вы же видите!»

Ботар — руки в карманах блузы — недоверчиво усмехается, словно говоря: «Меня не проведете».

Дэзи держит в руке напечатанные листки и глядит на Дюдара, как бы поддакивая ему.

Так длится несколько секунд, после чего Ботар начинает.

Ботар. Басни, басни, дурацкие басни!

Дэзи. Да я сама видела, я видела носорога.

Дюдар. Но ведь это черным по белому напечатано в газете. Как же вы можете отрицать?!

Ботар (*с видом глубочайшего презрения*). Пфф!

Дюдар. Вот, ясно написано. В отделе происшествий заметка «Раздавленная кошка». Прочтите, мсье Папийон.

Мсье Папийон. «Вчера, в воскресенье, в нашем городе, на Церковной площади, в самое оживленное время дня толстокожее растоптало кошку».

Дэзи. Это было не на самой площади.

Мсье Папийон. Вот и все. Больше никаких подробностей.

Ботар. Пфф!

Дюдар. Вполне достаточно. И так все ясно.

Ботар. Как можно верить газетчикам? Все газетчики врут, знаю я их. Я верю только тому, что вижу собственными глазами. Я бывший учитель, я люблю точность, определенность и чтобы все было научно доказано. Такой у меня склад ума — точный и методичный.

Дюдар. При чем здесь методичный склад ума?

Дэзи (*Ботару*). По-моему, мсье Ботар, это совершенно точное сообщение.

Ботар. И это вы называете точностью? А ну посмотрим! О каком это толстокожем идет речь? Что подразумевает автор заметки о раздавленных кошках под словом толстокожее? Он нам этого не говорит. Что он подразумевает под кошкой?

Дюдар. Все знают, что такое кошка.

Ботар. Но все-таки, кошка это или кот? Какого цвета? Какой породы? Я вовсе не расист, скорее даже противник расизма.

Мсье Папийон. Позвольте, мсье Ботар, не об этом же речь, при чем тут расизм?

Ботар. Прошу прощения, господин начальник. Вы не можете отрицать, что расизм — одно из величайших заблуждений нашего века.

Дюдар. Разумеется, и мы все с этим согласны, но ведь не об этом же...

Ботар. Мсье Дюдар, нельзя к этому подходить так просто. Исторические события ясно показывают, что расизм...

Дюдар. Повторяю вам, не об этом же речь...

Ботар. Я бы этого не сказал.

Мсье Папийон. Расизм здесь ни при чем.

Ботар. Нельзя упускать случай изобличить его.

Дэзи. Да нет здесь никаких расистов. И вы совсем не о том говорите. Речь идет просто-напросто о кошке, которую раздавило толстокожее, в данном случае — носорог.

Ботар. Я, знаете ли, не южанин. Это у южан такое богатое воображение. Быть может, это мышь раздавила блоху. А теперь из мыши делают слона.

Мсье Папийон (*Дюдару*). Давайте попробуем выяснить, как было дело. Так вы, значит, собственными глазами видели носорога, который спокойно прогуливался по улицам?

Дэзи. Совсем он не прогуливался, а бежал.

Дюдар. Я сам лично не видел. Однако люди, вполне заслуживающие доверия...

Ботар (*перебивает*). Вы же понимаете, что все это пустая болтовня. Вы верите газетчикам, которые сами не знают, что бы такое выдумать для поднятия спроса на свои поганые газеты, и, точно лакеи, стремятся угодить своим хозяевам. Как вы можете этому верить! Вы, мсье Дюдар, вы, юрист, с дипломом доктора права! Нет, это просто смешно. Ха-ха-ха!

Дэзи. А я видела его, видела, сама видела носорога. Могу чем угодно поклясться, голову даю на отсечение.

Ботар. Постыдитесь. Я считал вас серьезной девушкой.

Дэзи. Я не страдаю галлюцинациями, мсье Ботар. И я не одна была, кругом были люди, и все смотрели.

Ботар. Пфф! Наверно, они на что-нибудь еще смотрели. Праздные люди, которые слоняются от нечего делать, бездельники, тунеядцы.

Дюдар. Это было вчера, а вчера воскресенье было.

Ботар. Я, например, работаю и в воскресенье. Не слушаю священников, которые только и думают, как бы затащить людей в церковь, чтобы не дать им заниматься делом и в поте лица зарабатывать хлеб свой.

Мсье Папийон (*возмущенно*). О-о!

Ботар. Простите, я не хотел вас задеть. Если я, можно сказать, не уважаю их, так это вовсе не потому, что я презираю ре-

лигию. (Дэзи.) Да вы в состоянии хотя бы сказать, что такое носорог?

Дэзи. Это... это очень большое животное, отвратительное.

Ботар. И вы еще хвастаетесь, что у вас ясное представление... Носорог, мадмуазель, это...

Мсье Папийон. Надеюсь, вы не собираетесь читать нам здесь лекцию о носороге. Мы не в школе.

Ботар. Очень жаль.

В то время как они перебрасываются последними репликами, на лестнице появляется Беранже. Он крадучись поднимается и осторожно приоткрывает входную дверь, на которой теперь видна дощечка с надписью «Юридическое издательство».

Мсье Папийон (Дэзи). Ну-с! Уже больше девяти. Убирайте табель, мадмуазель, а если кто опоздал, тем хуже для них.

Дэзи идет налево к маленькому столику, на котором лежит табель, и в эту минуту появляется Беранже.

Беранже (входит, пока остальные еще продолжают спорить; Дэзи). Добрый день, мадмуазель Дэзи. Я не опоздал?

Ботар (Дюдару и мсье Папийону). Я борюсь с невежеством всюду, где бы я с ним ни сталкивался...

Дэзи (Беранже). Скорей, мсье Беранже.

Ботар. ...во дворцах или в хижинах!

Дэзи (Беранже). Скорее, расписывайтесь в табеле!

Беранже. Ах, спасибо! Начальник уже здесь?

Дэзи (Беранже, прижав палец к губам). Тс-с-с! Да, здесь.

Беранже. Как? Так рано? (Бросается расписываться в табеле.)

Ботар (продолжает). Где бы ни было! Даже в издательствах!

Мсье Папийон (Ботару). Мсье Ботар, мне кажется...

Беранже (расписываясь, Дэзи). Ведь еще десяти минут десятого нет...

Мсье Папийон (Ботару). Мне кажется, вы переходите границы вежливости.

Дюдар (мсье Папийону). Я тоже так думаю, мсье.

Мсье Папийон (Ботару). Не станете же вы утверждать, что мой сотрудник, ваш коллега, мсье Дюдар, человек с дипломом доктора права, превосходный служащий,— невежда.

Ботар. Я не собираюсь утверждать ничего подобного, хотя все эти факультеты и университеты ни в какое сравнение не идут с обыкновенной школой.

Мсье Папийон (Дэзи). А где же табель?

Дэзи (мсье Папийону). Вот, мсье. (Протягивает ему лист.)

Мсье Папийон (Беранже). А, вот и мсье Беранже!

Ботар (Дюдару). Людям с университетским образованием много чего не хватает, у них нет ни ясности мысли, ни наблюдательности, ни малейшего практического опыта.

Дюдар (Ботару). Ну как это так!
Беранже (мсье Папийону). Доброе утро, мсье Папийон.

Беранже, пробравшись за спиной начальника и незаметно проскользнув мимо троих разговаривающих, успел подойти к вешалке, где висит его старый пиджак, он снимает выходной пиджак, надевает старый, подходит к своему столу, достает из ящика черные люстриновые нарукавники и, надевая их, здоровается.

Доброе утро, мсье Папийон, простите, я чуть было не опоздал.
Доброе утро, Дюдар! Доброе утро, мсье Ботар.

Мсье Папийон. Скажите, Беранже, вы тоже видели носорога?

Ботар (Дюдару). Люди с университетским образованием — это люди абстрактного мышления, а в жизни они ничего не смыслят.

Дюдар (Ботару). Глупости.

Беранже (достаёт из стола и раскладывает все, что нужно для работы, проявляя при этом чрезмерное усердие, словно стараясь загладить свою вину. Мсье Папийону — непринужденным тоном). Да, конечно видел!

Ботар (оборачиваясь). Пфф!

Дэзи. Ага! Вот видите, я не сумасшедшая.

Ботар (иронически). Ах, мсье Беранже говорит это из любезности, он человек галантный, хотя по виду этого и не скажешь.

Дюдар. Это, по-вашему, любезность — сказать, что видел носорога?

Ботар. Конечно. Если это говорится для того, чтобы подтвердить невероятные домыслы мадмуазель Дэзи. Все стараются быть любезными с мадмуазель Дэзи, и оно понятно.

Мсье Папийон. Вот уж это нечестно, мсье Ботар. Ведь мсье Беранже не участвовал в споре. Он только что пришел.

Беранже (Дэзи). Но ведь вы тоже видели? Мы вместе видели.

Ботар. Пфф! А может быть, мсье Беранже почудилось, что он видел носорога. (Делает за спиной Беранже жест, намекающий на то, что Беранже пьет.) При таком воображении, как у него, это возможно.

Беранже. Я был не один, когда видел носорога, а возможно, и двух носорогов.

Ботар. Он даже не знает, сколько он видел носорогов!

Беранже. Я был с моим другом Жаном... и кругом были еще люди.

Ботар (Беранже). Вы, верно, что-то путаете, честное слово!

Дэзи. Это был однорогий носорог.

Ботар. Пфф! Они просто сговорились посмеяться над нами.

Дюдар (Дэзи). А мне кажется, это был носорог с двумя рогами, так, по крайней мере, я слышал.

Ботар. Вы бы хоть договорились заранее.

Мсье Папийон (взглянув на часы). Довольно разговаривать, господа. Время идет.

Ботар. Так вот вы, мсье Беранже, вы видели одного или двух носорогов?

Беранже. М-м... Ну! Если считать...

Ботар. Значит, не знаете. Мадмуазель Дэзи видела одного носорога с одним рогом. А у вашего носорога, мсье Беранже, если только это носорог, у него был один рог или два?

Беранже. Да вот, видите ли, в этом же как раз все и дело.

Ботар. Как-то это очень туманно.

Дэзи. О-о!

Ботар. Уж вы на меня не обижайтесь, но я не могу поверить вашим рассказам. Носороги — у нас, такого никто никогда не видел!

Дюдар. Достаточно, если и один раз кто-то увидел.

Ботар. Никто никогда не видел. Разве что на картинках, в детских учебниках, а ваши носороги, должно быть, пустили ростки в мозгах каких-нибудь кумушек.

Беранже. Мне кажется, выражение «пускать ростки» по отношению к носорогам не совсем удачно.

Дюдар. Вот именно.

Ботар (*продолжая*). Ваш носорог — миф!

Дэзи. Миф?

Мсье Папийон. Господа, пора приниматься за работу.

Ботар (*Дэзи*). Такой же миф, как летающие тарелки.

Дюдар. Но ведь кошку-то все-таки раздавили, вы не станете этого отрицать.

Беранже. Я сам тому свидетель.

Дэзи (*показывая на Беранже*). Вот и свидетели есть.

Ботар. Тоже мне свидетель!

Мсье Папийон. Господа, господа!

Ботар (*Дюдару*). Массовый психоз, мсье Дюдар, массовый психоз! Ну вот как религия, которая, как известно, опиум для народа.

Дэзи. А я, например, верю в летающие тарелки.

Ботар. Пфф!

Мсье Папийон (*твердо*). Ну хватит, довольно, так можно Бог знает до чего договориться. Прекратите разговоры. Были они или не были, эти ваши носороги или какие-то там летающие тарелки, а работа не должна страдать. Фирма платит вам не за то, чтобы вы теряли время на разговоры о животных — какие бы они там ни были, настоящие или выдуманные.

Ботар. Выдуманные!

Дюдар. Настоящие!

Дэзи. Самые настоящие!

Мсье Папийон. Господа, я еще раз прошу принять во внимание: сейчас — рабочее время. Извольте тотчас же прекратить этот бесплодный спор...

Ботар (*уязвленный, иронически*). Хорошо, мсье Папийон. Вы — начальник. Раз вы приказываете, мы обязаны подчиниться.

Мсье Папийон. Поторопитесь, господа. Я не хочу доводить

дело до того, чтобы потом пришлось вычитать из вашего жалованья. Мсье Дюдар, как ваши комментарии к закону о мерах по борьбе с алкоголизмом?

Дюдар. Я в них вношу кое-какие исправления, мсье.

Мсье Папийон. Постарайтесь закончить. Это срочно. Мсье Беранже и мсье Ботар, кончили вы читать корректуру регламентации вин с проверенной номенклатурой?

Беранже. Нет, мсье Папийон, но нам не так уж много осталось.

Мсье Папийон. Считывайте вдвоем и кончайте. Типография ждет. Мадмуазель Дэзи, вы принесите письма на подпись ко мне в кабинет. Печатайте их поскорей.

Дэзи. Да-да, мсье Папийон.

Дэзи садится за свой столик и стучит на машинке. Дюдар усаживается за стол и принимается за работу. Беранже и Ботар усаживаются за стол друг против друга, повернувшись в профиль к зрительному залу. Ботар — спиной к двери, ведущей на лестницу. Он явно не в духе. Беранже пассивен и вял; он раскладывает корректуру на столе и передает рукопись Ботару; Ботар что-то бормочет себе под нос, в то время как мсье Папийон уходит и захлопывает за собой дверь.

Мсье Папийон. Я вас покидаю ненадолго, господа. *(Выходит.)*

Беранже *(читает вслух и исправляет; Ботар следит по рукописи с карандашом в руке)*. Регламентация вин с проверенной *(поправляет)*... проверенной — два «н», номенклатурой — «е» *(поправляет)*... номенклатурой, с проверенной номенклатурой Бордоского района, нижней области верхних склонов.

Ботар *(Беранже)*. У меня этого нет. Лишняя строка.

Беранже. Повторяю: вина с проверенной номенклатурой...

Дюдар *(Беранже и Ботару)*. Читайте потише, пожалуйста. Только вас и слышишь. Мешаете сосредоточиться.

Ботар *(Дюдару, через голову Беранже, возвращаясь к недавнему спору. Беранже в течение нескольких секунд проверяет один, беззвучно шевеля губами)*. Это просто мистификация!

Дюдар. Что мистификация?

Ботар. Да вот эти ваши рассказы о носороге, черт возьми. Это ваша пропаганда распространяет такие слухи.

Дюдар *(отрывается от работы)*. Какая пропаганда?!

Беранже *(вступает в разговор)*. Никакая это не пропаганда...

Дэзи *(переставя печатать)*. Я же вам говорю, что я видела... видела... мы оба видели.

Дюдар *(Ботару)*. Но это же просто смешно!.. Пропаганда! С какой целью?

Ботар *(Дюдару)*. Да ладно уж! Вы это лучше меня знаете. Не прикидывайтесь дурачком...

Дюдар *(растерявшись)*. Во всяком случае, мсье Ботар, я ни на кого не работаю.

Ботар *(красный от злости, стучит кулаком по столу)*. Это оскорбление. Я не позволю... *(Вскакивает.)*

Беранже (*умоляюще*). Успокойтесь, мсье Ботар.
Дэзи. Успокойтесь, мсье Ботар.
Ботар. А я говорю: это оскорбление.

Внезапно дверь кабинета начальника открывается; Ботар и Дюдар поспешно садятся. В руке у начальника табель. С его появлением сразу водворяется тишина.

Мсье Папийон. Мсье Беф не вышел сегодня?

Беранже (*оглядываясь*). В самом деле, его нет.

Мсье Папийон. А мне он как раз нужен. (*Дэзи*.) Он не сообщил, что заболел или где-то задержится?

Дэзи. Он мне ничего не говорил.

Мсье Папийон (*распахивает свою дверь и выходит в общую комнату*). Если так будет продолжаться, я его уволю. Это уже не первый раз он выкидывает такие штуки. До сих пор я закрывал глаза, теперь довольно... Есть у вас у кого-нибудь ключ от его стола?

В эту минуту появляется мадам Беф. Когда Мсье Папийон произносит последние слова, видно, как она поспешно поднимается по лестнице и распахивает дверь. Она запыхалась, у нее перепуганный вид.

Беранже. А вот и мадам Беф!

Дэзи. Здравствуйте, мадам Беф.

Мадам Беф. Здравствуйте, мсье Папийон. Здравствуйте, господа.

Мсье Папийон. Что такое с вашим мужем? Что с ним случилось? Он больше не желает себя утруждать?

Мадам Беф (*едва переводя дыхание*). Я вас прошу извинить его. Извинить моего мужа... Он поехал на воскресенье к родным и схватил небольшой грипп.

Мсье Папийон. Ах так! Небольшой грипп!

Мадам Беф (*протягивает начальнику бумажку*). Вот его телеграмма. Он думает вернуться в среду... (*Почти на грани обморока*.) Дайте мне стакан воды... и стул...

Беранже выносит ей на середину сцены свой стул; она почти падает на него.

Мсье Папийон (*Дэзи*). Дайте ей стакан воды.

Дэзи. Сию минуту.

Дэзи приносит воду, подает мадам Беф, та пьет, разговор тем временем продолжается.

Дюдар (*начальнику*). Должно быть, у нее сердце не в порядке.

Мсье Папийон. Это, конечно, очень досадно, что мсье Беф отсутствует, но волноваться тут не из-за чего.

Мадам Беф (*через силу*). Дело в том... в том... что за мной от самого дома гнался носорог.

Беранже. С одним рогом или с двумя?

Ботар (*прыскавая со смеху*). Вы меня уморите!
Дюдар (*возмущенно*). Дайте ей сказать!
Мадам Беф (*с усилием соображает и показывает пальцем в сторону лестницы*). Он там, внизу, у входа; я думала, он за мной по лестнице бросится.

В ту же минуту раздается грохот и лестница обрушивается — видно, как проваливаются ступеньки, точно под чудовищной тяжестью. Снизу доносится жалобный рев. Когда пыль, поднявшаяся от рухнувшей лестницы, уляжется, видно будет площадку лестницы, как бы повисшую в воздухе.

Дэзи. О Боже!..
Мадам Беф (*сидя на стуле, хватаясь за сердце*). Ох! Ах!

Беранже суетится около мадам Беф, хлопает ее по щекам, поит водой.

Беранже. Успокойтесь!

В это время мсье Папийон, Дюдар и Ботар бросаются влево, к двери и, отталивая друг друга, выскакивают на площадку лестницы, где висят облака пыли; снизу по-прежнему доносится рев.

Дэзи (*мадам Беф*). Вам лучше, мадам Беф?
Мсье Папийон (*на площадке*). Вон он! Внизу!
Ботар. Ничего не вижу. Это ваша фантазия!
Дюдар. Да вон же он внизу, вон, вокруг дома кружит!
Мсье Папийон. Да, действительно, вокруг дома кружит!
Дюдар. Он не сможет подняться. Лестницы-то ведь нет.
Ботар. Очень странно. Что все это может означать?
Дюдар (*поворачиваясь к Беранже*). Идите же сюда, посмотрите! Посмотрите на вашего носорога.
Беранже. Иду.

Беранже, а за ним Дэзи бросаются на площадку, покинув мадам Беф.

Мсье Папийон (*Беранже*). А ну-ка, посмотрите вы, специалист по носорогам.

Беранже. Я не специалист по носорогам...

Дэзи. О-о! Смотрите... как он кружит. Точно его что-то мучает... Что ему надо?

Дюдар. Можно подумать, он кого-то ищет. (*Ботару.*) Ну как? Теперь вы видите его?

Ботар (*задегый*). Ну, вижу.

Дэзи (*мсье Папийону*). Может быть, у нас у всех галлюцинация. И у вас тоже...

Ботар. У меня не бывает галлюцинаций. Но, во всяком случае, за этим что-то кроется.

Дюдар (*Ботару*). Что кроется?

Мсье Папийон (*Беранже*). Но это же действительно носорог, не так ли? Тот самый, которого вы видели? (*Дэзи.*) И вы тоже?

Дэзи. Конечно.

Беранже. У него два рога. Это африканский носорог или, скорее, азиатский. Ах, я уже совсем сбился, не знаю, два рога у африканского носорога или один.

Мсье Папийон. Он нам сломал лестницу. Тем лучше, я так и ждал, что это случится! Уже сколько времени прошу дирекцию сделать нам бетонные ступени вместо этой старой, прогнившей лестницы...

Дюдар. Еще на прошлой неделе, мсье, я посылал докладную. Мсье Папийон. Так и должно было случиться, должно было случиться. Это можно было предвидеть. Я был прав.

Дэзи (*мсье Папийону, иронически*). Как всегда.

Беранже (*Дюдару и мсье Папийону*). Постойте, постойте, для какого же это носорога характерный признак двурогость — для африканского или для азиатского? А единорогость — для азиатского или африканского?

Дэзи. Бедное животное, все время кружит на месте и ревет. Что ему надо? Ох, он смотрит на нас. (*Носорогу.*) Котинька, котинька...

Дюдар. Не вздумайте его гладить, вряд ли он ручной...

Мсье Папийон. Да ей все равно до него не дотянуться.

Носорог отчаянно ревет.

Дэзи. Бедненький.

Беранже (*продолжая, Ботару*). Вы столько всего знаете, скажите, не может ли быть наоборот, что двурогость — это признак...

Мсье Папийон. Вы что-то заговариваетесь, дорогой Беранже. Мсье Ботар прав — вы, верно, не выпались.

Ботар. Как это может быть? В цивилизованной стране...

Дэзи (*Ботару*). Согласна. Но ведь вот же он здесь или нет?

Ботар. Это какая-то гнусная махинация. (*Жестом оратора на трибуне тычет пальцем в Дюдара и смотрит на него грозным взглядом.*) Вы за это ответите.

Дюдар. Почему я, а не вы?

Ботар (*в бешенстве*). Я? Маленькие люди всегда за все в ответе. Но если бы это только от меня зависело...

Мсье Папийон. Интересно, как это мы теперь обойдемся без лестницы!

Дэзи (*Ботару и Дюдару*). Перестаньте, господа, будет вам! Нашли время!

Мсье Папийон. И все по вине дирекции.

Дэзи. Возможно. Но как же мы спустимся?

Мсье Папийон (*разыгрывая из себя влюбленного, шутливо гладит машинистку по щечке*). Я вас обниму, прижму к груди, и мы вместе прыгнем.

Дэзи (*отгалкивая руку начальника*). Не смейте царапать мне лицо вашей шершавой рукой, вы, толстокожее!

Мсье Папийон. Я пошутил.

Между тем носорог не перестает реветь. Мадам Беф поднимается со стула и присоединяется к остальным. Несколько секунд она внимательно вглядывается в носорога, который продолжает кружить на одном месте, и вдруг начинает вопить не своим голосом.

Мадам Беф. Боже мой! Боже! Не может быть!

Беранже (*мадам Беф*). Что с вами?

Мадам Беф. Это же мой муж! Беф, мой бедный Беф, что с тобой случилось?

Дэзи (*мадам Беф*). Вы уверены, что это он?

Мадам Беф. Конечно, я его узнаю, узнаю.

Носорог отвечает иступленно-нежным ревом.

Мсье Папийон. Этого еще не хватало. Ну, больше я с ним церемониться не буду, я его выгоню.

Дюдар. А он застрахован?

Ботар (*в сторону*). Теперь мне все ясно...

Дэзи. А как же в таком случае выплачивают страховку?

Мадам Беф (*теряет сознание, падает в объятия Беранже*).
О Боже!

Беранже. О-о!

Дэзи. Давайте отнесем ее туда.

Беранже, Дюдар и Дэзи тащат мадам Беф к стулу и усаживают ее.

Дюдар (*помогая тащить*). Не расстраивайтесь, мадам Беф.

Мадам Беф. Ах! Ох!

Дэзи. Может быть, это как-нибудь обойдется...

Мсье Папийон (*Дюдару*). Ну а если, скажем, судебным порядком, что тут можно сделать?

Дюдар. Надо справиться в конфликтной комиссии!

Ботар (*замыкает шестие, вздымая руки к небу*). Сущее безумие! Ну и компания!

Остальные между тем продолжают суетиться вокруг мадам Беф, ее шлепают по щекам, она открывает глаза, у нее вырывается стон «Ах!», снова закрывает глаза, и опять ее хлопают по щекам.

Во всяком случае, будьте покойны, наш комитет действий будет обо всем осведомлен. Я не оставлю товарища в беде. Это станет всем известно.

Мадам Беф (*приходя в себя*). Бедненький мой! Не могу же я его оставить в таком положении. (*Слышен рев*.) Он меня зовет. (*Нежно*.) Это он меня зовет.

Дэзи. Вам лучше, мадам Беф?

Дюдар. Она приходит в себя.

Ботар (*к мадам Беф*). Можете не сомневаться, наша делега-

ция вас поддержит. Вступайте в члены нашего комитета! Хотите?

Мсье Папийон. И долго это будет продолжаться? А работа так и будет стоять?

Дэзи. Надо прежде всего подумать, как мы отсюда выйдем.

Мсье Папийон. М-да, это проблема. Через окно, по-видимому.

Все направляются к окну, за исключением мадам Беф, которая полулежит на стуле, и Ботара; они остаются посередине сцены.

Ботар. Я знаю, чьи это штучки.

Дэзи (у окна). Высоко очень!

Беранже. Пожалуй, надо пожарных вызывать, чтобы они со своими лестницами приехали.

Мсье Папийон. Мадмуазель Дэзи, пойдите в мой кабинет и позвоните в пожарную команду.

Дэзи проходит в глубине; слышно, как она снимает трубку и набирает номер: «Алло, алло! Пожарная команда?» После чего доносятся какие-то отдельные слова.

Мадам Беф (*внезапно поднимается*). Нет, я не могу его оставить в таком состоянии.

Мсье Папийон. Если вы думаете развестись... у вас теперь все основания.

Дюдар. И конечно, он возьмет вину на себя.

Мадам Беф. Нет! Бедняжка! Разве можно сейчас об этом думать? Как я могу покинуть мужа в таком состоянии!

Ботар. Вы смелая женщина.

Дюдар (*мадам Беф*). Но что вы теперь будете делать?

Мадам Беф бросается на площадку.

Беранже. Осторожней!

Мадам Беф. Не могу я его бросить, не могу!

Дюдар. Держите ее!

Мадам Беф. Я сейчас его домой уведу!

Мсье Папийон. Что она собирается делать?

Мадам Беф (*на краю площадки, готовясь прыгнуть*). Иду, дорогой, иду.

Беранже. Она сейчас прыгнет.

Ботар. Это ее долг.

Дюдар. Не сможет она!

Все, кроме Дэзи, которая продолжает звонить по телефону, собрались на площадке около мадам Беф. Мадам Беф прыгает. Беранже пытается ее удержать, в руках у него остается ее юбка.

Беранже. Не смог удержать!

Снизу доносится нежный рев носорога.

Голос мадам Беф. Я здесь, дорогой мой, здесь.
Дюдар. Смотрите: она села прямо ему на спину, верхом!
Ботар. Да эта женщина амазонка!
Голос мадам Беф. Домой, дорогой мой, едем домой.
Дюдар. Вон они уже несутся галопом!

Дюдар, Беранже, Ботар, мсье Папийон возвращаются в комнату, идут к окну.

Беранже. Мчатся во весь опор!
Дюдар (*мсье Папийону*). А вы, кажется, занимались верховой ездой?

Мсье Папийон. Да, в свое время... немножко. (*Поворачивается к двери своего кабинета, Дюдару.*) Она все еще не дозволилась!..

Беранже (*следит за носорогом*). Вон они уже далеко. Скрылись, не видно больше.

Дэзи (*выходя из кабинета начальника*). Еле добилась, чтобы приехали пожарные...

Ботар (*словно делая вывод из каких-то своих рассуждений*). Этакая гнусность!

Дэзи. ...еле добилась, чтобы приехали пожарные...

Мсье Папийон. А что, много пожаров в городе?

Беранже. Я согласен с Ботаром. Поведение мадам Беф просто трогательно. Смелая женщина!

Мсье Папийон. Мне придется кого-нибудь взять на его место.

Беранже. Вы думаете, мы в самом деле больше не сможем его дождаться?

Дэзи. Нет никаких пожаров, но все пожарные нарасхват из-за этих носорогов.

Беранже. Из-за носорогов?

Дюдар. Как из-за носорогов?

Дэзи. Да так, из-за носорогов. О них сообщают отовсюду, и все уже в городе знают. Сегодня утром было семь, а сейчас их уже семнадцать.

Ботар. Что я вам говорил!

Дэзи (*продолжает*). По последним сообщениям, говорят, даже тридцать два. Правда, это еще не официально, но никто не сомневается, конечно, все подтвердится.

Ботар (*уже не так убежденно*). Пфф! Как все преувеличивают!

Мсье Папийон. Но все-таки они приедут, вытащат нас отсюда?

Беранже. Я уже проголодался...

Дэзи. Да, приедут, пожарные уже выехали.

Мсье Папийон. А как же с работой?

Дюдар. Ну, мне кажется, все-таки это совершенно исключительный случай.

Мсье Папийон. Нам потом придется наверстывать эти часы. Дюдар. Ну как, мсье Ботар, вы все еще продолжаете отрицать очевидность носорожьего явления?

Ботар. Наш комитет протестует против того, чтобы мсье Беф был уволен без предупреждения.

Мсье Папийон. Не я же это решаю... Посмотрим, что скажет комиссия по расследованию.

Ботар (Дюдару). Нет, Дюдар, я не отрицаю очевидности носорожьего явления и никогда не отрицал.

Дюдар. Вот это уже нечестно!

Дэзи. Да, нечестно!

Ботар. Повторяю: я никогда не отрицал, я просто решил посмотреть, до чего это может дойти. Но я-то знаю, с чем мы имеем дело. Я не просто констатирую факт. Я разбираюсь в нем, я могу его объяснить. По крайней мере, я мог бы объяснить его, если бы...

Дюдар. Ну объясните.

Дэзи. Объясните, мсье Ботар.

Мсье Папийон. Объясните же, раз сослуживцы вас просят.

Ботар. Я объясню...

Дюдар. Мы слушаем.

Дэзи. Я просто сгораю от любопытства.

Ботар. Я объясню как-нибудь в другой раз.

Дюдар. Почему же не сейчас?

Ботар (мсье Папийону, угрожающе). Нам с вами придется скоро объясниться. (Обращаясь ко всем.) Мне известна причина и подоплека всей этой истории.

Дэзи. Какая подоплека?

Беранже. Какая подоплека?

Дюдар. Очень интересно знать, что это за подоплека.

Ботар (продолжает грозно). Мне известны также имена всех, кто за это ответит. Имена предателей. Меня не обманешь. Я вам покажу, какова цель и что собой представляет эта провокация. Я сорву маски с тех, кто ее затеял.

Беранже. Кому же это нужно, чтобы...

Дюдар (Ботару). Вы бредите, мсье Ботар.

Мсье Папийон. Давайте не будем бредить.

Ботар. Я брежу, брежу?

Дэзи. Ведь вы только что упрекали нас в галлюцинациях.

Ботар. Да, только что. А вот теперь, видите, галлюцинация превратилась в провокацию.

Дюдар. Как же, по-вашему, произошло это превращение?

Ботар. Ну, это ни для кого не секрет. Только дети могут не понимать, и только ханжи притворяются, будто не понимают.

С улицы доносится пронзительный вой подъезжающей пожарной машины. Она резко тормозит и с оглушительным ревом останавливается под окном.

Дэзи. Вот и пожарные.

Ботар. Но так это не останется. Этого нельзя допустить.

Дюдар. Ничего тут такого нет. Носороги, мсье Ботар, есть носороги — вот и все. И ничего другого это не означает.
Дэзи (*у окна, смотрит вниз*). Пожарные сюда, сюда!

Снизу доносятся шум, суматоха, крики пожарных.

Голос пожарного. Лестницу поднимай!
Ботар (*Дюдару*). Я постиг смысл происходящего, я могу безошибочно все расшифровать.
Мсье Папийон. Все-таки после завтрака надо бы всем вернуться в контору.

Видно, как к окну приставляют пожарную лестницу.

Ботар. Ничего, дела потерпят, мсье Папийон.
Мсье Папийон. А что скажет дирекция?
Дюдар. Но это же совершенно исключительный случай.
Ботар (*показывая на окно*). Не могут же они нас заставить влезать сюда через окно. Надо подождать, пока починят лестницу.
Дюдар. Если кто-нибудь сломает ногу, у дирекции могут быть крупные неприятности.
Мсье Папийон. Это верно.

В окне появляется каска Пожарного, затем Пожарный.

Беранже (*показывая Дэзи на окно*). Пожалуйста, мадмуазель Дэзи.
Пожарный. Идемте, мадмуазель.

Пожарный снимает мадмуазель Дэзи с подоконника, на который она взобралась, и исчезает с ней на руках.

Дюдар. До свидания, мадмуазель Дэзи. До скорой встречи.
Дэзи (*исчезая*). До скорой встречи, господа.
Мсье Папийон (*в окно*). Позвоните мне завтра утром, мадмуазель. Придете ко мне домой и перепечатайте письма. (*Беранже*.) Мсье Беранже, напоминаю вам, что мы не в отпуске и должны приступить к работе, как только станет возможно. (*Остальным*.) Вы слышали меня, господа?

Дюдар. Да-да, разумеется, мсье Папийон.
Ботар. Конечно, все соки из нас выжать готовы!
Пожарный (*снова появляясь в окне*). Кто следующий?
Мсье Папийон (*обращаясь ко всем троим*). Идите же.

Дюдар. Пожалуйста, мсье Папийон.
Беранже. Вы первый, мсье Папийон.
Ботар. Я после вас, конечно.
Мсье Папийон (*Беранже*). Принесите мне папку с почтой, что у мадмуазель Дэзи. Вон там, на столе.

Беранже идет за папкой, возвращается и подает ее мсье Папийону.

Пожарный. Давайте поживей. Некогда. Отовсюду вызовы!
Ботар. Что я вам говорил?

Мсье Папийон с папкой под мышкой влезает на подоконник.

Мсье Папийон (*пожарным*). Поосторожнее, папка. (*Обо-
рачиваясь к Дюдару, Ботару и Беранже.*) До свиданья, господа.

Дюдар. До свиданья, мсье Папийон.

Беранже. До свиданья, мсье Папийон.

Мсье Папийон исчезает в окне; слышно, как он покрикивает.

Голос мсье Папийона. Осторожней, бумаги! Дюдар! За-
прите письменные столы на ключ!

Дюдар (*кричит*). Не беспокойтесь, мсье Папийон. (*Ботару.*)
Пожалуйста, идите первым, мсье Ботар.

Ботар. Я иду, господа. И первое, что я сделаю, это
сию же минуту свяжусь с влиятельными лицами, которые су-
меют во всем разобраться. Я выясню, что это за чудеса!
(*Идет к окну.*)

Дюдар (*Ботару*). А я думал, вам уже давно все ясно.

Ботар (*взбираясь на подоконник*). Меня ваша ирония ничуть
не трогает. Я хочу представить вам доказательства, документы,
да-да, доказательства вашей измены.

Дюдар. Это же абсурд...

Ботар. Ваши оскорбления...

Дюдар (*перебивая*). Это вы меня оскорбляете...

Ботар (*исчезая*). Я — я не оскорбляю. Я доказываю...

Голос Пожарного. Поживей, не задерживайтесь.

Дюдар (*Беранже*). Что вы собираетесь сейчас делать? Не
дернуть ли нам по стаканчику?

Беранже. Увольте. Я хочу воспользоваться свободным
временем и навестить моего друга Жана. Мне, знаете ли, хо-
телось бы с ним помириться. Мы с ним поссорились. Я пе-
ред ним виноват.

В окне снова появляется голова Пожарного.

Пожарный. Поживей, поживей...

Беранже (*кивая на окно*). Пожалуйста, я после вас.

Дюдар (*Беранже*). Идите, идите.

Беранже (*Дюдару*). Нет, сначала вы, а я за вами.

Дюдар (*Беранже*). Да нет, идите же, а я за вами.

Беранже (*Дюдару*). Прошу, прошу вас, я следом.

Пожарный. Давайте, поживее, давайте.

Дюдар (*Беранже*). Я за вами.

Беранже (*Дюдару*). Нет, я за вами.

Взбираются на подоконник вместе. В то время как Пожарный помогает им спус-
титься, занавес падает.

Картина вторая

В квартире Жана. Общее оформление сцены примерно такое же, как и в первой картине второго действия, — иными словами, сцена разделена на две части. Справа — три четверти или четыре пятых сцены, в зависимости от ее размеров, занимает комната Жана. В глубине у стены — кровать, на которой лежит Жан. Ближе к середине сцены — стул или кресло, где будет сидеть Беранже. Справа посередине — дверь в ванную. Когда Жан пойдет в ванную, оттуда будет слышно, как льется вода — из крана и из душа. Слева от комнаты Жана — перегородка, разделяющая сцену. Посреди нее дверь, ведущая на лестницу. При желании можно дать менее реалистическую декорацию, поставить, например, просто макет двери, без перегородки. В левой части сцены видны последние ступеньки лестницы, перила и площадка, на которую выходит квартира Жана. В глубине, на той же площадке, — дверь в соседнюю квартиру. Пониже, в глубине, видна верхняя половина двери со стеклом и над ней дощечка «Привратница». Когда занавес поднимается, Жан лежит на кровати под одеялом, спиной к зрителям. Слышно, как он покашливает. Через несколько секунд появляется Беранже, он идет по лестнице, стучит в дверь. Жан не отвечает. Беранже снова стучит.

Беранже. Жан! *(Стучит опять.)* Жан!

Дверь в глубине площадки приоткрывается, на пороге появляется Старичок с седой бородкой.

Старичок. Что вам надо?

Беранже. Я пришел к Жану, к мсье Жану, моему другу.

Старичок. Я думал, к мне. Меня тоже зовут Жан; а вы, значит, к тому.

Голос жены Старичка *(из комнаты)*. Кто это, к нам?

Старичок *(оборачиваясь к жене, которой не видно)*. Нет, к тому.

Беранже *(стучится)*. Жан!

Старичок. Я что-то не видел, как он уходил. Я видел его вчера вечером. Мне показалось, он был не в духе.

Беранже. Я знаю почему. Это из-за меня.

Старичок. Может, он не хочет открывать. Постучите еще.

Голос жены Старичка. Жан! Будет тебе болтать, Жан.

Беранже *(стучится)*. Жан!

Старичок *(жене)*. Сейчас. О-ля-ля! *(Закрывает дверь и исчезает.)*

Жан *(лежа спиной к публике, хриплым голосом)*. Что там такое?

Беранже. Это я, дорогой Жан, пришел вас повидать.

Жан. Кто там?

Беранже. Я, Беранже. Я вам не помешаю?

Жан. А, это вы? Входите.

Беранже *(пытается открыть дверь)*. У вас заперто.

Жан. Сейчас. Ох...

Жан встает, он действительно сильно не в духе. На нем зеленая пижама, волосы растрепаны.

Минутку. (*Поворачивает ключ.*) Минутку. (*Снова ложится под одеяло, как прежде.*) Входите.

Беранже (*входит*). Здравствуйте, Жан.

Жан (*в кровати*). Который сейчас час? Почему вы не на службе?

Беранже. Вы еще в постели? Не идете на службу? Извините, может быть, я вам мешаю?

Жан (*лежа к Беранже спиной*). Странно, что-то я не узнаю ваш голос.

Беранже. А я ваш.

Жан (*сохраняя прежнюю позу*). Садитесь.

Беранже. Вы нездоровы?

Жан что-то невнятно бормочет.

Знаете, Жан, очень глупо было с моей стороны ссориться с вами из-за этой истории.

Жан. Какой истории?

Беранже. Да вот вчера...

Жан. Что вчера? Где вчера?

Беранже. Вы уже забыли? Да из-за этого носорога, из-за несчастного носорога.

Жан. Какого носорога?

Беранже. Ну того самого носорога или, если хотите, двух несчастных носорогов, которых мы с вами видели.

Жан. Ах да, припоминаю... Кто вам сказал, что они несчастные, эти два носорога?

Беранже. Да просто я так выразился.

Жан. Ладно. Не будем об этом больше говорить.

Беранже. Вы очень добры.

Жан. Ну и дальше что?

Беранже. Мне все-таки хочется сказать вам, что я досадую на себя за то, что я... с таким упорством... ожесточением... с такой яростью... спорил... словом... словом... это было глупо с моей стороны.

Жан. Вы меня этим не удивите.

Беранже. Простите меня.

Жан. Я что-то себя не очень хорошо чувствую. (*Кашляет.*)

Беранже. По этой причине вы, наверно, и лежите в постели. (*Другим тоном.*) А знаете, Жан, мы, оказывается, оба были правы.

Жан. Насчет чего?

Беранже. Да все насчет... того же. Я еще раз прошу вас, простите, что я к этому возвращаюсь, я постараюсь не распространяться. Но я считаю своим долгом сказать вам, дорогой Жан, что каждый из нас был по-своему прав, словом, мы оба были правы. Теперь это доказано. В городе появились носороги с двумя рогами и с одним.

Жан. Что я вам говорил? Ну что ж, тем хуже.

Беранже. Да уж, хуже некуда.

Жан. Или тем лучше, в зависимости от того...

Беранже (*продолжая*). Откуда появились те — и откуда эти, или откуда эти — и откуда те, в сущности, не имеет значения. Единственное, что, по-моему, имеет значение, это само по себе, так сказать, наличие носорогов, потому что...

Жан (*поворачивается и, откинув одеяло, садится на постели лицом к Беранже*). Я что-то неважно себя чувствую, неважно себя чувствую.

Беранже. Мне очень жаль! А что с вами?

Жан. Сам не знаю, что-то мне не по себе, совсем не по себе...

Беранже. Слабость?

Жан. Да нет. Наоборот, какое-то возбуждение.

Беранже. Я хочу сказать — приступы слабости. Это может с каждым случиться.

Жан. Со мной — никогда.

Беранже. Тогда, может быть, это от избытка здоровья. Излишек энергии — это тоже иногда нехорошо. Расшатывается нервная система.

Жан. Да ничего у меня не расшатано. (*Голос Жана становится все более хриплым.*) У меня здоровое тело и здоровый дух. И наследственность у меня...

Беранже. Ну конечно, конечно. Но, может быть, вы все-таки простудились. У вас есть температура?

Жан. Не знаю. Да, пожалуй, маленькая есть. Голова болит.

Беранже. Небольшая мигрень. Так я, если хотите, уйду.

Жан. Оставайтесь. Вы мне не мешаете.

Беранже. И вы, кроме того, охрипли.

Жан. Охрип?

Беранже. Да. Немножко охрипли. Вот почему я и не узнал вашего голоса.

Жан. Отчего бы это я мог охрипнуть? По-моему, у меня все такой же голос, скорее это у вас изменился.

Беранже. У меня?

Жан. Почему бы и нет?

Беранже. Впрочем, все может быть. Только я не замечал.

Жан. А разве вы способны что-нибудь заметить? (*Прикладывает руку ко лбу.*) Совершенно ясно — у меня болит лоб. Должно быть, я где-то стукнулся. (*Голос у него становится еще более хриплым.*)

Беранже. Когда же вы стукнулись?

Жан. Не знаю. Что-то не припомню.

Беранже. Но вам же было больно, когда вы стукнулись.

Жан. А может быть, я во сне стукнулся.

Беранже. Вы бы тогда от боли проснулись. Наверное, вам просто снилось, что вы стукнулись.

Жан. Никогда мне ничего не снится...

Беранже (*продолжая*). У вас заболела голова, когда вы спали, и вы забыли, что вам снилось, или, может быть, помните, но не отдаете себе отчета.

Жан. Я не отдаю себе отчета? Я во всем всегда отдаю себе отчет, я не позволяю себе плыть по течению... Я всегда иду прямо, прямо, прямо, прямо напролом.

Беранже. Я знаю. Я просто не так выразился. Вы меня не совсем поняли.

Жан. Так выражайтесь яснее. И не говорите мне ничего неприятного.

Беранже. При головной боли бывает такое ощущение, будто ударился. *(Подходя к Жану.)* Но если бы вы ударились, у вас была бы шишка. *(Вглядываясь в него.)* А ведь у вас и в самом деле шишка.

Жан. Шишка?

Беранже. Да, маленькая шишка.

Жан. Где?

Беранже *(дотрагивается до его лба)*. Вот она, торчит над самым носом.

Жан. Нет у меня никакой шишки. Ни у кого в нашем роду никогда не было шишки.

Беранже. Есть у вас зеркало?

Жан. Ну, знаете ли... *(Ощупывая лоб.)* Как, в самом деле? Пойду посмотрю в зеркало в ванной. *(Вскакивает с постели и направляется в ванную комнату. Беранже провожает его взглядом. Голос из ванной.)* Верно, у меня шишка. *(Возвращается, заметно позеленевший.)* Видите, я же говорил, что я стукнулся.

Беранже. Вы плохо выглядите. Какой-то совсем зеленый.

Жан. Вам очень нравится говорить мне всякие неприятные вещи. Вы бы лучше на себя посмотрели.

Беранже. Простите, я вовсе не хотел вас огорчить.

Жан *(раздраженно)*. Я бы этого не сказал.

Беранже. Вы так тяжело дышите и с таким хрипом! У вас, может быть, горло болит? *(Жан снова садится на постель.)* Не болит горло? Может быть, это ангина?

Жан. Почему у меня должна быть ангина?

Беранже. Но в этом ничего страшного нет. У меня тоже бывают ангины. Дайте-ка я пощупаю у вас пульс. *(Встает, подходит к Жану и щупает пульс.)*

Жан *(еще более хриплым голосом)*. Пройдет!

Беранже. Пульс у вас совершенно ровный, без перебоев. Не бойтесь.

Жан. Я ничего не боюсь. Чего мне бояться?

Беранже. Совершенно верно. Полежите несколько деньков, и все как рукой снимет.

Жан. Мне некогда лежать. Я должен добывать себе пропитание.

Беранже. Ну, если у вас есть аппетит, значит, ничего страшного. И все-таки несколько дней не мешает отдохнуть. Из осторожности. Вы вызывали врача?

Жан. Не нужен мне врач.

Беранже. Нет, врача надо вызвать.

Жан. Не смейте вызывать врача, не желаю я никакого врача. Я лечусь сам.

Беранже. Напрасно вы не верите в медицину.

Жан. Врачи только придумывают всякие болезни, которых на самом деле даже и нет.

Беранже. Они делают это из добрых чувств. Им доставляет удовольствие лечить.

Жан. Придумывают они всякие болезни, придумывают!

Беранже. Может быть, и придумывают. Но они же и лечат болезни, которые сами придумали.

Жан. Я верю только ветеринарам.

Беранже (*снова берет руку Жана*). Что-то у вас вены вздулись. Вон как выступают.

Жан. Это признак силы.

Беранже. Конечно, это признак здоровья и силы. Но все-таки... (*Пытается рассмотреть поближе руку Жана, тот сопротивляется и наконец вырывает руку*.)

Жан. Что вы меня рассматриваете, как какого-то редкого зверя?

Беранже. У вас кожа...

Жан. А вам что за дело до моей кожи? Я вот к вам не лезу с вашей кожей!

Беранже. ...мне кажется... да нет, право же, она меняет цвет прямо на глазах. (*Пытается снова взять руку Жана*.) И становится жесткой...

Жан (*снова вырывая руку*). Не шупайте меня! Что вы, в самом деле? Вы меня раздражаете!

Беранже (*сам с собой*). Может быть, это гораздо серьезнее, чем я думал. (*Жану*.) Надо вызвать врача. (*Идет к телефону*.)

Жан. Оставьте в покое телефон. (*Бросается к Беранже и отталкивает его. Беранже пошатывается*.) Не лезьте не в свое дело.

Беранже. Хорошо, хорошо. Но для вас же лучше было бы.

Жан (*кашляет и громко сопит*). Я лучше вас знаю, что для меня лучше.

Беранже. Вы так тяжело дышите.

Жан. Каждый дышит, как может! Вам не нравится, как я дышу, а мне не нравится, как вы дышите. Вы дышите еле-еле, даже и не слышно, можно подумать — сейчас дух испустите.

Беранже. Конечно, у меня нет такой силы, как у вас.

Жан. Но я ведь вас не заставляю идти к врачу! Каждый волен поступать так, как ему нравится.

Беранже. Не сердитесь. Вы же знаете, что я ваш друг.

Жан. Дружбы не существует. Не верю я в вашу дружбу

Беранже. Вы меня обижаете.

Жан. Нечего вам обижаться.

Беранже. Дорогой Жан...

Жан. Никакой я вам не дорогой Жан.

Беранже. Вы сегодня точно в мизантропы записались...

Жан. Да, я мизантроп, мизантроп, мизантроп! Мне нравится быть мизантропом.

Беранже. Конечно, вы все еще на меня сердитесь за нашу вчерашнюю ссору. Я был виноват, признаю. Я ведь для того и пришел, чтобы извиниться...

Жан. О какой ссоре вы говорите?

Беранже. Да я вам уже напоминал... только что. Из-за носорога!

Жан (*не слушая Беранже*). В сущности, у меня даже нет ненависти к людям, у меня к ним вообще нет никаких чувств, а если есть, так просто отвращение, но только уж пусть не становятся мне поперек дороги — раздавлю!

Беранже. Вы хорошо знаете, что я никогда не буду препятствовать вам...

Жан. У меня своя цель. Я иду напрямик к цели.

Беранже. Конечно, вы правы. Но, мне кажется, вы сейчас переживаете какой-то душевный кризис.

Жан мечется по комнате, как зверь в клетке, от одной стены к другой. Беранже наблюдает за ним, время от времени увертываясь, чтобы тот на него не наскочил. Голос Жана становится все грубее.

Не надо так из себя выходить, не надо.

Жан. Мне было тесно в костюме, теперь меня давит даже пижама! (*Распахивает и запахивает на себе пижаму.*)

Беранже. Ах! Но что же это у вас делается с кожей?

Жан. Далась вам моя кожа! Что бы вы там ни говорили, это моя кожа, и я ее на вашу не поменяю.

Беранже. Она у вас стала похожа на шкуру.

Жан. Ну что ж, прочнее будет. Не так чувствительна к холоду.

Беранже. Вы становитесь все зеленее и зеленее.

Жан. Вы сегодня просто помешались на цветах. Вам все что-то мерещится, наверно, вы опять пили.

Беранже. Вчера пил, сегодня нет.

Жан. Это результат вашей невоздержанности в прошлом.

Беранже. Я же обещал вам исправиться, и вы это хорошо знаете, потому что я слушаюсь советов таких друзей, как вы, и я не считаю это для себя унижительным, наоборот...

Жан. Плевать я на все хотел, брррр...

Беранже. Что вы сказали?

Жан. Ничего я не сказал. Просто я так сделал: брррр... Мне нравится так делать.

Беранже (*уставившись в глаза Жану*). А вы знаете, что случилось с Бефом? Он превратился в носорога.

Жан. Что случилось с Бефом?

Беранже. Он превратился в носорога.

Жан (*обмахиваясь лапами пиджака*). Брррр...

Беранже. Не надо так шутить, прошу вас...

Жан. А хоть сопеть можно? Я имею на это полное право. Я у себя дома.

Беранже. Этого я не оспариваю.

Жан. И хорошо, что не оспариваете. Ах, мне так жарко, жарко. Бррр... Минутку. Пойду освежусь.

Беранже (*в то время как Жан бросается в ванную*). У него жар.

Жан в ванной громко сопит, слышно, как льется вода из крана.

Голос Жана. Бррр...

Беранже. Его знобит. Нельзя его так оставить. Сейчас позвоню врачу. (*Снова подходит к телефону, но, услышав голос Жана, отскакивает.*)

Голос Жана. Так, значит, этот молодчага Беф стал носорогом. Ха-ха-ха... Он просто подшутил над вами. (*Высовывает голову в приоткрытую дверь. Он стал совсем зеленого цвета. Шишка над носом заметно увеличилась.*) Просто прикинулся.

Беранже (*расхаживает по комнате, не глядя на Жана*). Уверю вас, это выглядело вполне серьезно.

Жан. Ну что ж, его дело.

Беранже (*поворачиваясь к Жану, исчезающему в ванной*). Конечно, он сделал это не нарочно. С ним это случилось помимо его воли.

Жан. Много вы в этом понимаете!

Беранже. По крайней мере, надо думать, что это так.

Жан. А что, если он сделал это нарочно? А? Что, если он сделал это нарочно?

Беранже. Я был бы крайне удивлен. Во всяком случае, видно было, что мадам Беф понятия об этом не имела.

Жан (*очень хриплым голосом*). Ха-ха-ха! Эта толстуха мадам Беф. О-ля-ля! Безмозглая дура!

Беранже. Безмозглая она или нет...

Жан быстро входит, стаскивает с себя пижаму, бросает ее на кровать; в это время Беранже с опаской оборачивается. Жан, у которого и грудь, и спина стали совсем зеленые, снова бросается в ванную. Потом выбегает из нее. Он мечется туда и обратно.

Жан. Беф никогда не посвящал жену в свои планы...

Беранже. Вы ошибаетесь, Жан. Напротив, это такая дружная чета.

Жан. Дружная? Вы уверены? Гм, гм. Бррр...

Беранже (*подходит к ванной комнате. Жан захлопывает дверь у него перед носом*). Очень дружная. Доказательство тому...

Жан (*из ванной*). У Бефа была своя личная жизнь. Маленький скрытый уголок, который он таил про себя.

Беранже. Нехорошо, что я заставляю вас так много разговаривать. Вам это, должно быть, вредно.

Жан. Напротив, я испытываю облегчение.

Беранже. Ну позвольте, я все-таки вызову вам врача, прошу вас.

Жан. Ни в коем случае. Запрещаю категорически. Терпеть не могу упрямых людей. *(Входит в комнату.)*

Беранже в испуге отшатывается: Жан совсем зеленого цвета и говорит с трудом, голос его почти неузнаваем.

Так вот, если он по своей воле или против воли превратился в носорога, может быть, это даже для него лучше.

Беранже. Что вы такое говорите, дорогой друг? Как вы можете так думать...

Жан. Вы во всем видите плохое. А если ему нравится быть носорогом, если ему это доставляет удовольствие? Что тут такого особенного?

Беранже. Конечно, в этом нет ничего особенного. Однако я сомневаюсь, чтобы это ему так уж нравилось.

Жан. А почему нет?

Беранже. Мне трудно объяснить почему, но это и так понятно.

Жан. А я скажу, что это совсем не так плохо. В конце концов, носороги такие же существа, как и мы, и они тоже имеют право на жизнь!

Беранже. При условии, если они не посягают на нашу. И потом, вы же представляете себе — как-никак совершенно разная психика.

Жан *(мечется из ванной в комнату и обратно)*. А вы думаете, наша лучше?

Беранже. Во всяком случае, у нас есть своя мораль, которая, по-моему, никак не совместима с моралью животных.

Жан. Мораль! Знаем мы эти разговоры о морали! Хороша мораль! Хватит с меня морали! Надо быть выше всякой морали.

Беранже. А что же вы предлагаете взамен?

Жан *(мечется взад и вперед)*. Природу!

Беранже. Природу?

Жан *(продолжая метаться)*. У природы есть свои законы. А мораль — противоестественна.

Беранже. Насколько я понимаю, вы хотите заменить законы морали законами джунглей.

Жан. И я там буду жить, буду жить.

Беранже. Это так только говорится. На самом же деле никто...

Жан *(перебивает его, не переставая метаться)*. Нужно восстановить основы жизни. Вернуться к первобытной чистоте.

Беранже. Я с вами никак не могу согласиться...

Жан *(громко сопит)*. Дышать нечем!

Беранже. Ну подумайте сами, вы же должны понимать, что у нас есть философия, которой у животных нет, и огромное бо-

гатство незаменимых ценностей. Они создавались веками человеческой цивилизацией!..

Жан (*из ванной*). Разрушим все это, и всем будет лучше.

Беранже. Вы говорите не серьезно, вы шутите, фантазируете, как поэт.

Жан. Брр... (*Почти рычит.*)

Беранже. Я и не подозревал, что вы поэт.

Жан (*выходя из ванной*). Брр... (*Снова рычит.*)

Беранже. Я слишком хорошо вас знаю, чтобы допустить, что вы действительно так думаете. Потому что вам не хуже, чем мне, известно, что человек...

Жан (*перебивает*). Человек... Не произносите больше этого слова!

Беранже. Я хочу сказать, человеческое существо, человечность...

Жан. Человечность свое отжила. Вы старое, сентиментальное чучело. (*Скрывается в ванной.*)

Беранже. Ну, знаете, как-никак разум...

Жан (*из ванной*). Избитые истины! Чепуха!..

Беранже. Чепуха?

Жан (*из ванной, совсем хриплым голосом, почти нечленораздельно*). Полнейшая!

Беранже. Меня удивляет, что я слышу это от вас, дорогой Жан. Вы просто не в себе. Вы что же, хотели бы превратиться в носорога?

Жан. А почему бы и нет? Я не страдаю вашими предрассудками.

Беранже. Говорите поясней. Я вас не понимаю. Вы плохо произносите слова.

Жан (*все еще в ванной*). Откройте пошире уши!

Беранже. Что?

Жан. Уши откройте! Я говорю, почему бы мне и не стать носорогом. Я люблю перемены.

Беранже. Услышать от вас... такое признание...

Беранже недоговаривает, потому что вдруг появляется Жан в ужасном виде — он стал совсем зеленый, шишка на лбу почти превратилась в рог носорога.

О-о! Нет, вы, кажется, и в самом деле не в себе!

Жан бросается к кровати, сбрасывает на пол простыни и одеяло, злобно бормочет что-то, произносит какие-то бессвязные слова, издает бессмысленные звуки.

Да не сердитесь же, успокойтесь! Я, право, вас не узнаю.

Жан (*еле внятно*). Жарко... жарко. Истребить всю эту одежду, от нее чешется, чешется... (*Опускает пижамные штаны.*)

Беранже. Что вы делаете? Я вас не узнаю! Вы всегда были такой... сдержанный!

Жан. В болото! В болото!

Беранже. Посмотрите на меня. Или вы меня больше не видите? Не слышите меня?

Жан. Я вас прекрасно слышу! И прекрасно вижу! *(Бросается на Беранже, опустив голову. Беранже увертывается.)*

Беранже. Осторожней!

Жан *(громко сопит)*. Виноват. *(И тут же со всех ног бросается в ванную.)*

Беранже *(бежит сначала к двери налево, но тут же поворачивается и идет следом за Жаном в ванную, говоря на ходу)*. Не могу же я его оставить в таком состоянии, это мой друг. *(Уже в ванной.)* Я сейчас вызову врача! Это необходимо, необходимо, поверьте мне.

Жан *(в ванной)*. Нет.

Беранже *(в ванной)*. А я говорю: да. Успокойтесь, Жан! Вы чудак! Ах! У вас рог растет прямо на глазах!.. Вы носорог!

Жан *(в ванной)*. Я тебя растопчу, растопчу!

Страшный шум в ванной, рев, стук падающих на пол предметов, звон и треск бьющегося стекла. Затем появляется перепуганный Беранже и, с трудом преодолевая натиск изнутри, захлопывает и запирает дверь в ванную.

Беранже *(пытаясь закрыть дверь)*. Он уже носорог! Носорог!

В тот момент, когда Беранже удается закрыть дверь, рог носорога пробивает ее и продырявливает ему пиджак. Дверь трещит от непрерывных ударов и натиска животного, из ванной доносятся шум, рев и отдельные невнятные возгласы: «Негодяй», «Я ему покажу» и т. д. Беранже бросается к входной двери.

Вот уж никогда от него не ожидал! *(Выбегает на лестницу и изо всех сил стучит в дверь по другую сторону площадки.)* У вас в доме носорог! Зовите полицию!

Дверь открывается.

Старичок *(высовывая голову)*. В чем дело?

Беранже. Зовите полицию! У вас носорог в доме...

Голос жены Старичка. В чем дело, Жан? Почему такой шум?

Старичок *(жене)*. Не понимаю, что он такое плетет. Говорит, будто видел носорога.

Беранже. Да, у вас в доме. Зовите полицию!

Старичок. Что вы, в самом деле, людей беспокоите? Вот невежа! *(Захлопывает дверь перед носом у Беранже.)*

Беранже *(бросается вниз по лестнице)*. Привратница! Привратница! Звоните в полицию, у вас носорог в доме! Привратница!

Видно, как открывается стекло двери из помещения привратницы и оттуда высовывается голова носорога.

Еще один!

Беранже стремглав бросается обратно, наверх. Он хочет войти к Жану, но не решается и снова подходит к двери Старичка. В этот момент дверь Старичка распахивается и появляются головы двух небольших носорогов.

Боже мой! Боже!

Беранже вбегает в квартиру Жана. Дверь ванной комнаты по-прежнему сотрясается от натиска изнутри. Беранже идет к окну. Он' совершенно изнемог, чуть не падает и только твердит:

Ах, Боже мой, Боже мой!

Из последних сил он заносит ногу на подоконник и уже готовится перешагнуть через него, в сторону зала, но быстро отдергивает ногу, так как в эту минуту в оркестровой яме появляются рога носорогов, мчащихся друг за другом из одного конца ямы в другой. Беранже поспешно прыгает обратно и с минуту смотрит в окно.

Их там целое стадо! Армия носорогов! Вон они бегут по проспекту. (Озирается.) Как же я отсюда выберусь? Как я выберусь?.. Если бы они хоть шли посередине улицы, а то заполнили тротуар. Как же теперь выбраться? Как выбраться?

В отчаянии он бросается от одной двери к другой, от двери к окну, между тем, как дверь ванной трещит и оттуда доносятся рев Жана и нечленораздельная ругань. Так длится несколько секунд: всякий раз, когда Беранже, пытаясь бежать, бросается на площадку или вниз по лестнице, в дверях квартиры старичков или на ступеньках лестницы, всюду его встречают ревом носорожьих головы и он в ужасе отступает. Наконец он последний раз подходит к окну, смотрит.

Целое стадо носорогов! А говорили, будто это животное-одиночка! Неверно! Ошибочное представление — придется от него отказаться. Вот они, все скамейки на бульваре своротили. (Ломает руки.) Что делать?

Снова бросается то к одному, то к другому выходу и отступает перед носорогами. Очувшись перед дверью в ванную, он видит, что она уже поддается. Он прижимается к стене, она расстается, и в глубине открывается улица. Беранже бежит и кричит:

Носороги! Носороги!

Дверь ванной с грохотом слетает с петель.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В основном все расположено примерно так же, как и в предыдущей картине. Комната Беранже очень похожа на комнату Жана. Чтобы показать, что это другая квартира, достаточно добавить к обстановке два-три новых предмета и несколько деталей. Слева — лестница, площадка. В глубине площадки — дверь. Привратничкой здесь нет. Беранже лежит одетый на диване, спиной к публике. Кресло, столик с телефоном. Можно добавить еще стул и столик. В глубине открытое окно. На авансцене макет окна. У Беранже завязана голова. Его, по-видимому, мучают кошмары, потому что он мечется и бредит.

Беранже. Нет!

Пауза.

Рога, берегитесь рогов!

Пауза, слышен топот носорогов, пробегающих под окном в глубине сцены.

Нет!

Падает с дивана, отбиваясь от чего-то, что преследует его во сне, и пробуждается. Испуганно подносит руку ко лбу, встает, идет к зеркалу, приподнимает повязку со лба. Видя, что шишки нет, вздыхает с облегчением. Стоит в нерешительности, идет к дивану, ложится и тут же вскакивает. Подходит к столу, берет бутылку коньяка, стакан, хочет налить коньяку, колеблется и наконец, поборов себя, ставит бутылку и стакан на место.

Силы воли бы мне!

Поворачивается, чтобы пойти к дивану, но тут опять слышится топот носорогов под окном, и Беранже хватается за сердце.

О-о!

Подходит к окну, смотрит, но тут же судорожно захлопывает окно. Шум затихает. Беранже подходит к столику, колеблется с минуту, потом машет рукой, как бы говоря: «Э, все равно!», наливает себе стакан коньяка и залпом выпивает. Ставит бутылку и стакан на место. Кашляет. По-видимому, его кашель внушает ему какие-то подозрения, он опять кашляет и прислушивается. Еще раз глядится в зеркало: кашляя, открывает окно. Оттуда доносится громкое сопение животных; Беранже снова кашляет.

Нет, не похоже!

Успокаивается, закрывает окно, ощупывает через повязку лоб, идет к дивану, ложится и как будто засыпает. На верхних ступеньках лестницы появляется Дюдар. Он поднимается на площадку и стучит в дверь Беранже.

Беранже (вскакивая). Что, что такое?

Дюдар. Я пришел вас проведать, Беранже, пришел проведать.

Беранже. Кто там?

Дюдар. Это я, я.

Беранже. Кто это я?

Дюдар. Я, Дюдар.

Беранже. Ах, это вы, входите.

Дюдар. Я вам не помешаю? *(Пытается открыть дверь.)* У вас заперто.

Беранже. Сию минуту. Иду! *(Отпирает, входит Дюдар.)*

Дюдар. Здравствуйте, Беранже.

Беранже. Здравствуйте, Дюдар. Который сейчас час?

Дюдар. А вы что же это, забаррикадировались и так и сидите, не выходя? Как вы себя чувствуете, дорогой? Получше немножко?

Беранже. Простите, я не узнал вашего голоса. *(Подходит к окну, открывает.)* Да-да, как будто получше.

Дюдар. По-моему, у меня все такой же голос, ничуть он не изменился. А я ваш сразу узнал.

Беранже. Простите, мне показалось, будто... нет, правда, у вас все тот же голос. И у меня тоже не изменился, да?

Дюдар. А почему он должен меняться?

Беранже. Может быть, я чуточку охрип, как, по-вашему?

Дюдар. Да нет... по-моему, нисколько не охрипли.

Беранже. Вот спасибо... Вы меня успокоили.

Дюдар. Да что такое с вами?

Беранже. Не знаю. Ну, мало ли что может быть. И голос может измениться: к несчастью, это бывает.

Дюдар. А вы разве тоже простудились?

Беранже. Надеюсь, что нет... Надеюсь, что нет. Да вы садитесь, Дюдар, устраивайтесь поудобнее. Садитесь вон в кресло.

Дюдар *(усаживается в кресло)*. Вы все еще себя неважно чувствуете? И голова все по-прежнему болит? *(Показывает на повязку.)*

Беранже. Да, голова все еще болит. Но шишки у меня нет, я ни обо что не стукнулся... а? Как, по-вашему? *(Приподняв повязку, показывает Дюдару лоб.)*

Дюдар. Нет у вас никакой шишки. Ничего не видно.

Беранже. И я надеюсь, не будет, никогда не будет.

Дюдар. Если вы обо что-нибудь не стукнетесь, откуда же у вас будет шишка?

Беранже. Кто не хочет стукнуться, тот и не стукнется!

Дюдар. Ясно. Надо только быть поосторожней. Но что с вами такое? Вы что-то нервничаете, волнуетесь. Это все ваша мигрень, должно быть. Вы бы лежали спокойно, оно бы и обошлось.

Беранже. Мигрень? Не говорите мне про мигрень! Не надо, прошу вас.

Дюдар. А что удивительного, если у вас мигрень после такого потрясения?

Беранже. Я все еще никак в себя не приду.

Дюдар. Еще бы! Поэтому у вас и голова болит.

Беранже (*бросается к зеркалу и приподнимает повязку*). Нет, ничего нет... А вы знаете, ведь так оно и начинается.

Дюдар. Что начинается?

Беранже. Я боюсь стать... другим.

Дюдар. Да вы успокойтесь, сядьте. Ну что вы все из угла в угол мечетесь — вы так себя еще больше взвинчиваете.

Беранже. Вы правы, конечно, надо ко всему относиться спокойней. (*Садится.*) А я, знаете, до сих пор опомниться не могу.

Дюдар. Да я знаю, знаю, из-за Жана.

Беранже. Именно. Из-за Жана — и из-за других тоже.

Дюдар. Я понимаю, это вас не могло не потрясти.

Беранже. Еще бы!

Дюдар. Но, в конце концов, все-таки не стоит так уж преувеличивать, это еще не причина, чтобы...

Беранже. Хотел бы я на вас посмотреть на моем месте! Жан был моим лучшим другом. И вдруг это превращение у меня на глазах и такая ярость...

Дюдар. Конечно, я понимаю. Так обмануться в человеке! Но больше не надо об этом думать.

Беранже. Как же я могу об этом не думать? Такая человеческая натура, ярый поборник гуманизма! Кто бы мог поверить! И это он-то, он! Мы с ним дружили... с незапамятных времен. Вот уж я никак не думал, что он... и вдруг такая неожиданная эволюция! Я верил ему больше, чем самому себе, я на него полагался больше, чем на самого себя... И так поступить со мной!

Дюдар. Но ведь он же сделал это не назло вам!

Беранже. Во всяком случае, очень похоже на то. Если бы вы видели, до чего он дошел... а выражение лица!..

Дюдар. Да просто потому, что вы в тот момент случайно оказались там. А будь на вашем месте кто-нибудь другой, было бы то же самое.

Беранже. Но при мне-то, при мне, помня все наше прошлое, мог бы он сдержаться!

Дюдар. Вы, видимо, считаете себя центром вселенной! Вы думаете, все, что происходит, касается вас лично. Точно все только вокруг вас и вертится.

Беранже. Может быть, вы и правы. Надо постараться смотреть на вещи более трезво. Однако само по себе такое явление... ну, как оно может не пугать? Я, по правде сказать, совершенно выбит из колеи. Как все это объяснить?

Дюдар. Пока что не вижу никакого удовлетворительного объяснения. Я констатирую факты, отмечаю их. Действительно, так оно и есть, а раз так, следовательно, чем-то это должно объясняться. Чудеса природы, странности, капризы, игра — кто знает?

Беран же. Жан был очень гордый человек. А у меня нет честолюбия. Я какой есть, такой и есть, тем и довольствуюсь.

Дюдар. Может быть, он любил деревню, чистый воздух, простор?.. Может быть, ему требовалось как-то дать себе волю? Я, конечно, говорю это не для того, чтобы его оправдать.

Беран же. Я понимаю вас, то есть, вернее, пытаюсь понять. И все-таки, если бы даже мне сказали, что я абсолютно лишен воображения, что я мещанин, обыватель, который ничего знать не знает за пределами своего маленького мира, я бы ни от чего не отступился, я бы все равно стоял на своем.

Дюдар. Конечно, мы с вами останемся тем, чем были. Но почему же вас тогда так волнуют несколько случаев оносороживанья? Возможно, это своего рода болезнь.

Беран же. Вот это и страшно — а вдруг заразная?

Дюдар. Ну что об этом думать. Право, вы придаете этому слишком большое значение. Пример с Жаном вовсе не симптоматичен, не показателен: вы ведь сами сказали, что Жан был гордец. Простите, если я говорю дурно о вашем друге, но мне кажется, это несколько дикий, вспыльчивый, эксцентричный человек; а ведь по оригиналам судить нельзя, середина, посредственность — вот что считается нормальным.

Беран же. Тогда я, кажется, начинаю понимать. Видите, вы затрудились объяснить это явление, а вот сейчас объяснили его — и вполне правдоподобно. Да, наверное, на него что-нибудь нашло. У него был приступ безумия, и от этого он пришел в такое состояние. Но ведь он пытался приводить какие-то доводы, он, по-видимому, думал над этим вопросом и в конце концов постепенно пришел к решению... А Беф, разве Беф тоже был сумасшедшим?.. И другие, другие?..

Дюдар. Остается только предположить эпидемию. Ну вот как, например, грипп. Эпидемии, ведь они разные бывают.

Беран же. Ничего похожего на эту никогда не было. Может быть, ее откуда-нибудь из колоний занесли?

Дюдар. Во всяком случае, вы же не можете думать, что Беф и все прочие, которые сделали то, что они сделали, или сделались тем, чем они сделались, поступили так назло вам. Стали бы они из-за этого из кожи вон лезть!

Беран же. Это правда, это очень разумно — то, что вы говорите. Меня это успокаивает... А может быть, наоборот, может быть, все это гораздо серьезнее.

Под окном в глубине слышен топот носорогов.

Слышите? (*Бросается к окну.*)

Дюдар. Да оставьте вы их в покое! (*Беран же закрывает окно.*) Чем они вам мешают? Право, это у вас какое-то наваждение. Вы сами себя взвинчиваете. Конечно, у вас был шок. Так постарайтесь же оградить себя от этого. Вам нужно просто прийти в себя.

Беранже. Я не знаю, как предохранить себя от заразы.

Дюдар. Во всяком случае, эта болезнь не смертельна. Бывают такие, совсем не опасные болезни. Я уверен, что при желании от них излечиваются. Вот увидите, это пройдет.

Беранже. Но какие-то следы останутся. Такая встряска всего организма не может пройти без...

Дюдар. Пройдет через некоторое время, не беспокойтесь.

Беранже. Вы уверены?

Дюдар. Я думаю, мне так кажется.

Беранже. Но если человек не хочет, действительно не хочет поддаться болезни — а ведь это нервная болезнь, — он же не заболит, правда не заболит?.. Не хотите ли коньяку? (*Идет к столу, на котором стоит бутылка.*)

Дюдар. Не беспокойтесь, нет, спасибо, я не пью. Но вы на меня не смотрите: если вам хочется, пожалуйста, не стесняйтесь. Но имейте в виду, после этого у вас еще сильнее разболится голова.

Беранже. Спирт очень полезен при всяких эпидемиях: он иммунизирует, убивает, например, микробы гриппа.

Дюдар. Вряд ли он убивает все микробы и бактерии всех болезней. А насчет оносороживанья это вообще пока еще неизвестно.

Беранже. Жан никогда в рот не брал спиртного. Так он, по крайней мере, говорил. Может быть, поэтому он и... может быть, этим и объясняется его поведение. (*Протягивает Дюдару стакан коньяка.*) Вы правда не хотите?

Дюдар. Нет-нет, спасибо, никогда не пью до завтрака.

Беранже осушает стакан и, не успев поставить ни стакан, ни бутылку, закашливается.

Вот видите, видите, вам вредно пить. Сейчас же начинаете кашлять.

Беранже (*забеспокоившись*). Да, начинаю кашлять... А как я кашляю?

Дюдар. Да как все, когда хлебнут крепкого.

Беранже (*идет и ставит стакан и бутылку на стол*). А не как-нибудь особенно? Это был обычный человеческий кашель?

Дюдар. Ну чего вы опять добиваетесь? Конечно, обычный человеческий кашель. Какой же еще у вас может быть кашель?

Беранже. Не знаю... Может быть, животный... кашель... а что, носороги кашляют?

Дюдар. Послушайте, Беранже, ну право же, это смешно; вы придумываете себе какие-то проблемы, задаете нелепые вопросы. вспомните, вы же сами говорили: чтобы оградить себя от этого, самое главное иметь силу воли.

Беранже. Да, конечно.

Дюдар. Так докажите, что она у вас есть.

Беранже. Уверяю вас, у меня есть...

Дюдар. ...Докажите это самому себе, ну хотя бы... перестаньте пить коньяк... вы почувствуете себя гораздо увереннее.

Беранже. Вы не хотите понять. Я же объясняю вам, что я пью коньяк только потому, что он предохраняет от другого, еще худшего, да-да, у меня все рассчитано. Вот кончится эпидемия, и я брошу пить. Я еще до этих событий решил бросить, но вот пришлось временно отложить!

Дюдар. Вы просто придумываете себе оправдание.

Беранже. Да? Вы так полагаете? Ну, во всяком случае, это не имеет ничего общего с тем, что происходит.

Дюдар. Кто знает?

Беранже *(испуганно)*. Вы правда так думаете? По-вашему, вино может подготавливать почву? Но я же не алкоголик. *(Идет к зеркалу, разглядывает себя.)* А может быть, уже... *(Ощупывает лоб под повязкой.)* Нет, ничего не произошло... коньяк мне не повредил, это доказывает, что он полезен... или по меньшей мере безвреден.

Дюдар. Да я пошутил, Беранже. Просто хотел подразнить вас. Вы все видите в мрачном свете. Смотрите, так можно и неврастеником стать. Когда вы придете в себя от вашего потрясения, избавитесь от вашей депрессии и выйдете на воздух, вам сразу станет лучше, вот увидите. Все ваши мрачные мысли мигом рассеются.

Беранже. Выходить? Придется, конечно. Мне страшно об этом подумать. Ведь я безусловно встречу...

Дюдар. Ну и что такого? Только не надо попадаться им на пути. А вообще-то говоря, их не так уж много.

Беранже. А я только их и вижу. Повсюду. Вы, конечно, скажете, что это болезнь.

Дюдар. Они ни на кого не нападают. Если их не трогать, они вас не замечают. Они, в сущности, вовсе не злые. У них даже есть какое-то природное простодушие, чистота. Да я, кстати сказать, всю улицу пешком прошел, чтобы добраться до вас. И как видите, жив и невредим, и никаких злоключений со мной не произошло.

Беранже. А я как только их вижу, меня всего переворачивает. Конечно, это нервы. Я не раздражаюсь, нет, я не позволяю себе раздражаться, это может далеко завести, но у меня как будто что-то сжимается здесь. *(Показывает на сердце.)*

Дюдар. Разумеется, это как-то действует, вы правы. Но вы слишком этому поддаетесь. Вам недостает чувства юмора, вот в чем ваша беда, вам не хватает юмора. Надо смотреть на вещи полегче, не принимать близко к сердцу.

Беранже. Я как-то чувствую себя ответственным за то, что происходит: я сам в этом участвую, я не могу относиться безразлично.

Дюдар. Не судите — да не судимы будете... Ну, знаете, если

начать печалиться обо всем, что происходит на свете, тогда и жить нельзя.

Беран же. Если бы все это случилось не у нас, а где-нибудь в другой стране, а мы бы узнали из газет, то можно было бы спокойно обсудить, рассмотреть явление со всех сторон, сделать объективные выводы. Можно было бы организовать научные дискуссии, привлечь академиков, писателей, юристов, ученых, а также художников. Это было бы интересно, увлекательно, из этого можно было бы многое вынести. Но когда мы сами вовлечены в события, когда мы вдруг сталкиваемся с грубой реальностью фактов, нельзя не чувствовать, что все это касается нас непосредственно, и это настолько ошеломляет, что просто невозможно сохранять хладнокровие. Я ошеломлен, ошеломлен и никак не могу прийти в себя.

Дюдар. Я тоже ошеломлен, как и вы. Вернее, был ошеломлен. Теперь я уже начинаю привыкать.

Беран же. Вы человек более уравновешенный, у вас нервы крепче, с чем и поздравляю вас. Но вы не считаете, что это несчастье...

Дюдар (*перебивает*). Конечно, я не говорю, что в этом есть что-то хорошее. И не думайте, что я как-то заступаюсь за носорогов...

Снова слышен топот бегущих носорогов, на этот раз под окном на авансцене.

Беран же (*вскакивая*). Опять они! Опять! О нет, я ничего не могу с собой поделать, я не в состоянии к этому привыкнуть. Может быть, я не прав, я не все время только о них и думаю, я даже перестал спать. У меня бессонница. Я засыпаю днем, когда уже просто валяюсь от усталости.

Дюдар. Принимайте снотворное.

Беран же. Да это не выход из положения. Когда я сплю, мне еще хуже. Они снятся мне, меня душат кошмары.

Дюдар. Вот это и означает, что вы все слишком близко к сердцу принимаете. Вы любите себя истязать, сознайтесь.

Беран же. Клянусь чем хотите, я не мазохист.

Дюдар. В таком случае примиритесь с фактом и не думайте о нем. Раз оно так случилось, значит, иначе и быть не могло.

Беран же. Это уже фатализм.

Дюдар. Нет, мудрость. Если какое-то явление происходит, значит, на то имеется причина. Вот эту причину и надо искать.

Беран же (*вставая*). Ну, а я не желаю мириться с таким положением.

Дюдар. А что вы можете сделать? Что вы намерены предпринять?

Беран же. Я еще пока сам не знаю. Подумаю. Пошлю письма в разные газеты, напишу воззвание, добьюсь приема у мэра или у его помощника, если мэр окажется очень занят.

Дюдар. Предоставьте властям самим принимать меры. В конце концов, я не уверен, имеете ли вы моральное право вмешиваться в это. А впрочем, я и сейчас считаю, что все это не так страшно. По-моему, это просто глупо — сходить с ума из-за того, что несколько человек вздумали сменить шкуру. Им не нравилось в своей. Они волны распоряжаться собой, это их дело.

Беранже. Надо пресечь зло в корне.

Дюдар. Зло, зло! Пустое слово! Кто это может знать, где зло, а где добро! Одним нравится одно, другим другое. Вы-то главным образом боитесь за себя. В этом все и дело. Но, право же, вы никогда не превратитесь в носорога... У вас к этому нет призвания!

Беранже. Вот-вот! Если наше правительство и наши сограждане все думают так же, как вы, они не решатся действовать.

Дюдар. Не станете же вы к чужеземцам за помощью звать. Это наше внутреннее дело, оно касается только нашей страны.

Беранже. Я верю в международную солидарность...

Дюдар. Вы Дон-Кихот! Я это вам без зла говорю, я вовсе не хочу вас обидеть! Вы знаете, я стараюсь для вашего же блага, вам просто необходимо успокоиться.

Беранже. Я в этом не сомневаюсь; вы меня простите, я слишком взволнован. Я исправлюсь. Извините, что я вас так задержал и замучил своими разглагольствованиями. У вас, наверно, работы много. Вы получили мое прошение об отпуске по болезни?

Дюдар. Можете об этом не беспокоиться. Все в порядке. К тому же контора еще не приступила к работе.

Беранже. Как, до сих пор не починили лестницу? Какая халатность! Вот поэтому-то все так и идет кувырком.

Дюдар. Ее чинят. Только это ведь быстро не делается. Не так-то легко найти рабочих. Они нанимаются, работают день-другой и исчезают, так больше и не показываются. Приходится искать других.

Беранже. А еще жалуются на безработицу! Надеюсь, по крайней мере, у нас будет теперь бетонная лестница.

Дюдар. Нет, такая же деревянная, только из новых досок.

Беранже. Вот вечно так с этой дирекцией! Бросают деньги на ветер, а когда нужно на что-нибудь потратить, оказывается, нет фондов. Наверно, мсье Папийон не очень-то доволен. Он так надеялся на бетонную лестницу. Как же он к этому отнесся?

Дюдар. У нас нет больше начальника. Мсье Папийон подал в отставку.

Беранже. Не может быть!

Дюдар. Я вам говорю.

Беранже. Вот удивительно! Неужели из-за этой истории с лестницей?

Дюдар. Не думаю. Во всяком случае, он выставил другую причину.

Беран же. Но какую же? Что с ним такое случилось?

Дюдар. Он хочет бросить дела, уехать в деревню.

Беран же. В отставку выходит, совсем? Да ведь ему не так много лет, он мог бы еще стать директором.

Дюдар. Отказался. Говорит, что ему надо отдохнуть от дел.

Беран же. Наверное, дирекция очень недовольна его уходом, ведь его надо кем-то заменить. Для вас-то оно, может быть, и лучше. При вашем дипломе у вас есть все шансы.

Дюдар. Уж не буду скрывать... дело в том... это, конечно, очень смешно, но он тоже стал носорогом.

Вдалеке шум бегущих носорогов.

Беран же. Носорогом! Мсье Папийон стал носорогом! Вот так так! Ну, знаете, это совсем не смешно! Почему вы мне не сказали раньше?

Дюдар. Да, видите ли, у вас нет чувства юмора. Ну, я и не хотел вам говорить... не хотел вам говорить потому, что ведь я вас хорошо знаю, вот я и опасался, что вам это совсем не покажется смешным, а только еще больше напугает. Вы чересчур впечатлительны!

Беран же (*вздывая руки к небу*). Нет! Подумать только... Мсье Папийон!.. С его-то положением!

Дюдар. Это, во всяком случае, доказывает полное бескорыстие его превращения.

Беран же. Он не мог этого сделать нарочно, я уверен, что это случилось с ним помимо его воли.

Дюдар. А что мы об этом знаем? Трудно сказать, какие побуждения могут заставить человека на что-то решиться.

Беран же. Во всяком случае, это был неудачный шаг. Наверное, у него были какие-то скрытые комплексы. Ему надо было лечиться психоанализом.

Дюдар. Что ж, даже такой переход из одного состояния в другое тоже ведь может кое-что выявить. Каждый ищет себе облегчения, в чем может.

Беран же. Я уверен, его на это подбили, а он поддался.

Дюдар. Это может с каждым случиться!

Беран же (*испуганно*). С каждым? О нет, только не с вами, нет, правда, не с вами? И не со мной!

Дюдар. Надеюсь.

Беран же. Ведь не могут же нас... ну, скажите, ведь... правда? Не могут? Не могут?

Дюдар. Ну разумеется, разумеется.

Беран же (*понемногу успокаиваясь*). Все-таки я думал, что мсье Папийон сильнее и может устоять. Я думал, у него более твердый характер... Тем более я не вижу, какой у него может быть расчет, что ему это дает — материально и морально...

Дюдар. Поступок совершенно бескорыстный. Ясно.

Беран же. Да, конечно. Можно это признать смягчающим обстоятельством или наоборот... отягчающим? Мне кажется, скорее отягчающим... потому что, если он сделал это просто из прихоти... я уверен, что Ботар не мог не осудить его поведение, и притом со всею строгостью. Интересно, что он о нем думает? Что говорит Ботар о своем начальнике?

Дюдар. Бедняга Ботар был страшно возмущен, он был вне себя. Мне редко приходилось видеть человека в таком иступлении.

Беран же. Ну, знаете, на этот раз я его понимаю. Да, Ботар все-таки трезвый ум. А я о нем как-то нехорошо отзывался.

Дюдар. И он о вас не очень-то лестно говорил.

Беран же. Что ж, в данном случае это только доказывает мою объективность. Да вы и сами тоже были о нем не очень-то высокого мнения.

Дюдар. Невысокого... Это, пожалуй, не то слово. Я, надо сказать, редко бывал с ним в чем-нибудь согласен. Мне не нравились его скептицизм, недоверчивость, подозрительность. Да и на этот раз я не мог с ним полностью согласиться.

Беран же. Но уже по причинам противоположного свойства, не так ли?

Дюдар. Нет, не совсем так. Мои суждения, мои взгляды все же не так примитивны, как вам кажется. Дело в том, что у Ботара не было, в сущности, никаких определенных и сколько-нибудь объективных аргументов. Повторяю вам, я тоже не одобряю носорогов, отнюдь не одобряю, не думайте этого, пожалуйста! Но Ботар в этом споре сразу занял бурно наступательную и, как всегда, очень упрощенную позицию. Мне кажется, эта его позиция продиктована исключительно ненавистью к начальству, ко всем, кто стоит выше него. Словом, здесь налицо комплекс неполноценности, обида. И потом, он всегда говорит какие-то избитые истины, а меня эти его общие фразы мало трогают.

Беран же. А я, уж вы меня простите, на этот раз совершенно согласен с Ботаром. Он честный человек. Да.

Дюдар. Этого я не отрицаю. Но ведь это ни о чем не говорит.

Беран же. Да, честный малый. Не так-то часто можно встретить честного человека, и чтобы он при этом не витал в облаках. Настоящего честного человека, который стоит на земле всеми своими четырьмя, виноват, я хотел сказать, обеими ногами. Я счастлив, что заодно с ним. Увижу его — поздравлю. А мсье Папийона я осуждаю. Его долг в том и состоял, чтобы не поддаться.

Дюдар. Нельзя же быть таким нетерпимым. А может быть, мсье Папийон чувствовал потребность вырваться на волю после стольких лет сидячей жизни?

Беран же (*иронически*). А вот вы слишком уж терпимы. Скажите, какое великодушие!

Дюдар. Мне кажется, дорогой Беранже, всегда надо пытаться понять. А если хочешь понять какое-нибудь явление и вытекающие из него следствия, нужно приложить усилия и, честно покаявшись, добраться до его причин. И надо во что бы то ни стало постараться это сделать, потому что мы — существа мыслящие. Мне это, повторяю, не удалось, и не знаю, удастся ли. Но, во всяком случае, подходит к этому надо с какой-то более или менее благожелательной позиции или по меньшей мере без всякого предубеждения, с полной готовностью идти навстречу, что, в сущности, и характеризует научное мышление. Все логично. Понять — значит оправдать.

Беранже. Вы скоро станете сторонником носорогов.

Дюдар. Да нет же, нет. До этого я не дойду. Я просто пытаюсь смотреть на вещи прямо, непредубежденно. Иметь обо всем реальное представление. И потом, я думаю, не может быть настоящего порока в том, что естественно. Горе тому, кто во всем видит порок. Это черта инквизиторов.

Беранже. Так, по-вашему, это естественно?

Дюдар. Что может быть естественнее носорога?

Беранже. Да, но человек, превращающийся в носорога, это уж беспорно нарушение нормы.

Дюдар. Н-ну, беспорно!.. Знаете...

Беранже. Да, беспорное нарушение нормы, нечто совершенно аномальное.

Дюдар. Не слишком ли вы уверены в себе? Кто знает, где кончается нормальное и где начинается аномальное? Можете ли вы определить, что такое нормальное, аномальное? Ни с философской, ни с медицинской точки зрения никто до сих пор не мог разрешить этой проблемы.

Беранже. Может быть, философски этого и нельзя разрешить, но практически легко. Вам, например, доказывают, что движения не существует... а вы ходите, ходите, ходите (*начинает ходить из угла в угол*) ...и в конце концов приходите к тому, что говорите себе, как Галилей: «А все-таки она вертится!»

Дюдар. У вас все перепуталось в голове! Нельзя же так смешивать. В случае с Галилеем было как раз наоборот — там теоретическая и научная мысль победила общепринятую догму.

Беранже (*вспылив*). Что вы мне такое рассказываете! Общепринятое, догма — все только слова, слова! Может быть, у меня в голове путаница, а вы — вы, по-моему, совсем потеряли голову, перестали понимать, что нормально, что нет. Вы меня со своим Галилеем совсем с ума сведете... На черта он мне сдался, ваш Галилей?

Дюдар. Да вы же сами на него сослались, и сами же завели этот разговор и доказывали, что последнее слово всегда остается за практикой. Может быть, это и так, но только в тех случаях, когда она опирается на теорию. История науки и мышления это прекрасно доказывает.

Беранже (*еще больше разъяряясь*). Ничего она не доказывает. Это тарбарщина, ерунда какая-то, сплошная бессмыслица, безумие!

Дюдар. Надо еще знать, что такое безумие!

Беранже. Ха! Безумие — это безумие! Безумие означает безумие — и все. Всякий знает, что такое безумие. А вот носороги — это, по-вашему, практика или теория?

Дюдар. И то, и другое.

Беранже. Как это и то, и другое?

Дюдар. Так — и то, и другое, а может быть, либо то, либо другое. Вопрос спорный.

Беранже. Тогда я... нет... я отказываюсь соображать...

Дюдар. Напрасно вы из себя выходите. Мы с вами не сошлись во мнениях, и почему бы нам не поспорить мирно. Спорить должно.

Беранже (*в страшном смятении*). Вам кажется, что я вышел из себя? Что я уже становлюсь... вот как Жан. О нет-нет, я не хочу... как Жан. Не хочу быть таким, как он. (*Успокаиваясь*.) Я в философии мало смыслю. Я ведь человек без образования. Вот вы, у вас диплом. Вам хорошо спорить, а я не всегда знаю, что ответить, не всегда сразу найдусь.

Шум усиливается, носороги пробегают сначала под окном в глубине, потом под окном на авансцене.

Но я чувствую, что вы не правы... чувствую инстинктивно, ах нет, инстинкт — это у носорогов, а я чувствую интуитивно, вот именно, интуитивно.

Дюдар. А что вы понимаете под словом «интуитивно»?

Беранже. Интуитивно это значит... ну как это сказать... Ну просто так, я чувствую, что ваша чрезмерная терпимость, ваша великодушная снисходительность на самом деле — проявление слабости... ослепление...

Дюдар. Это вы так думаете по наивности.

Беранже. Мне с вами, конечно, спорить трудно, но, знаете, я постараюсь разыскать Логика...

Дюдар. Какого логика?

Беранже. Ну, Логика, философа, словом, логика... ну вы же лучше меня знаете, что такое логик. Так вот, логик, с которым я познакомился, объяснил мне...

Дюдар. Что он вам объяснил?

Беранже. Что азиатские носороги были африканскими, а африканские — азиатскими.

Дюдар. Я что-то не могу уловить...

Беранже. Ах нет... нет... Как раз наоборот: он доказал, что африканские были азиатскими, а азиатские... да... понятно. Но я хотел сказать... Словом, вы с ним разберетесь. Это человек вашего склада, очень серьезный человек, начитанный, тонкого ума.

Шум от бегущих носорогов усиливается, слова действующих лиц заглушаются топотом животных, в какой-то момент слов совсем не слышно, видно только, как шевелятся губы у Беранже и Дюдара.

Опять они! О-о, когда же этому конец! (*Подбегает к окну в глубине.*) Хватит! Хватит, мерзавцы!

Носороги удаляются, Беранже грозит им вслед кулаком.

Дюдар (*сидя*). Я бы очень хотел познакомиться с вашим Логиком. Если он поможет мне разобраться в этих тонкостях, в таком сложном, запутанном вопросе... Я только буду рад, честное слово.

Беранже (*бежит к окну на авансцене*). Да, я к вам его приведу, он с вами поговорит. Вы увидите, это просто замечательная личность. (*Кричит в окно.*) Мерзавцы!

Дюдар. Оставьте их, пусть бегают. И не мешало бы быть пожеливее. Нехорошо так разговаривать с животными... которые...

Беранже (*все еще у окна*). Вот они опять!

В оркестровой яме, под окном, внезапно появляется шляпа-канотье, проткнутая рогом носорога, он быстро пронесится справа налево и исчезает.

Ах! Канотье на носороге! Он его проткнул своим рогом! Да это же канотье Логика. Канотье, которое носил Логик! Ах, сволочь такая, этакое дерьмо! Логик стал носорогом!

Дюдар. Да это же не причина, чтобы так выражаться.

Беранже. Кому же теперь верить, Боже, Боже мой, Логик стал носорогом!

Дюдар (*подходит к окну*). А где он?

Беранже (*показывает пальцем*). Вон он, видите?

Дюдар. Да, единственный носорог в канотье. А знаете, неволь но задумываешься. Ведь это действительно ваш Логик.

Беранже. Логик... и стал носорогом!

Дюдар. Он все-таки сохранил какие-то следы прежней индивидуальности.

Беранже (*снова потрясая кулаком вслед носорогу в канотье*). Я за вами не пойду! Не пойду! Не пойду!

Дюдар. Если, как вы говорите, он был настоящим мыслителем, он не мог на это решиться горяча, не подумав. Прежде чем сделать выбор, он должен был взвесить все «за» и «против».

Беранже (*продолжая кричать в окно вслед бывшему Логик и другим удаляющимся носорогам*). Я за вами не пойду!

Дюдар (*усаживаясь в кресло*). Да, тут есть над чем призадуматься!

Беранже закрывает переднее окно и идет к окну в глубине, под которым бегают другие носороги; по-видимому, они кружат вокруг дома. Открывает окно, кричит.

Беранже. Нет, я за вами не пойду!

Дюдар (*в сторону*). Они бегают вокруг дома. Играют! Большие дети!

Видно, как Дэзи с корзинкой в руке поднимается по лестнице, подходит к двери Беранже, стучит.

К вам кто-то пришел. Беранже, стучат. (*Он дергает Беранже за рукав, тот все еще стоит у окна.*)

Беранже (*кричит вслед носорогам в окно*). Позор, ваш маскарад — срам!

Дюдар. К вам стучат, Беранже. Вы что, не слышите?

Беранже. Откройте, если хотите. (*Молча следит за удаляющимися носорогами.*)

Дюдар идет открывать дверь.

Дэзи (*входя*). Здравствуйте, мсье Дюдар.

Дюдар. Как, это вы, мадмуазель Дэзи?

Дэзи. Беранже дома? Ему лучше?

Дюдар. Здравствуйте, дорогая. Так вы навещаете Беранже?

Дэзи. Где он?

Дюдар (*показывает пальцем*). Вон.

Дэзи. Бедняжка, у него никого нет. А он сейчас хворает. Надо же ему немножко помочь.

Дюдар. Вы хороший товарищ, мадмуазель Дэзи.

Дэзи. Да, правда, я хороший товарищ.

Дюдар. У вас доброе сердце.

Дэзи. Просто я хороший товарищ, и все.

Беранже (*поворачивается, оставив окно открытым*). О, дорогая мадмуазель Дэзи. Как это хорошо, что вы пришли, какая вы милая.

Дюдар. Этого нельзя отрицать.

Беранже. Знаете, мадмуазель Дэзи, Логик стал носорогом!

Дэзи. Знаю, только что его видела, вот здесь, рядом, на улице, когда шла к вам. Он довольно быстро бегаёт для своих лет. А вы себя лучше чувствуете, мсье Беранже?

Беранже (*Дэзи*). Голова, по-прежнему голова! Все время болит. Это ужасно. Что вы об этом думаете?

Дэзи. Я думаю, вам надо отдохнуть... посидеть еще несколько дней спокойно дома.

Дюдар (*Беранже и Дэзи*). Надеюсь, я вам не мешаю?

Беранже (*Дэзи*). Я говорю о Логике.

Дэзи (*Дюдару*). Чем это вы нам можете мешать? (*Беранже.*) Ах, о Логике? А я о нем ничего не думаю.

Дюдар (*Дэзи*). Может быть, я здесь лишний?

Дэзи (*Беранже*). А что, по-вашему, я должна об этом думать? (*Беранже и Дюдару.*) Могу вам сообщить последнюю новость: Ботар стал носорогом.

Дюдар. Скажите!

Беранже. Не может этого быть! Он был против! Вы что-нибудь перепутали. Он же возмущался. Дюдар мне только что рассказывал. Не правда ли, Дюдар?

Дюдар. Правда.

Дэзи. Я знаю, что он был против. И тем не менее он стал носорогом, и ровно через двадцать четыре часа после превращения мсье Папийона.

Дюдар. Ну, значит, он переменял свое отношение. Каждый имеет право на саморазвитие!

Беранже. Но тогда, тогда можно ожидать всего!

Дюдар (*Беранже*). Он честный человек, вы сами это только что говорили.

Беранже (*Дэзи*). Я просто не могу поверить. Вам кто-нибудь наклеветал на него.

Дэзи. Это все произошло у меня на глазах.

Беранже. Тогда, значит, он врал или просто прикидывался.

Дэзи. Да нет, у него это было очень искренне, он просто подкупал своей искренностью.

Беранже. Но что же его толкнуло? Он что-нибудь говорил?

Дэзи. Он сказал слово в слово следующее: «Нужно идти в ногу со временем!» Это были его последние человеческие слова!

Дюдар (*Дэзи*). Я почему-то был почти уверен, что встречу вас здесь, мадмуазель Дэзи.

Беранже. Идти в ногу со временем! Вот уж действительно придумал! (*Разводит руками.*)

Дюдар (*Дэзи*). Вас теперь и не увидишь, с тех пор как закрылась наша контора.

Беранже (*сам с собой*). Какая наивность! (*Недоуменно пожимает плечами.*)

Дэзи (*Дюдару*). Если вы хотели меня видеть, могли бы мне позвонить.

Дюдар (*Дэзи*). Что вы, я человек скромный, мадмуазель, очень скромный.

Беранже. Ну что ж! По зрелом размышлении, выходка Ботара меня не удивляет. Значит, вся его стойкость — это только одна видимость, что, впрочем, не мешает ему быть честным человеком, вернее сказать, не мешало. Из честных людей вышли честные носороги. Да, вот на этой-то своей честности они и попались.

Дэзи. Можно, я корзинку на стол поставлю? (*Ставит на стол корзинку.*)

Беранже. Но хоть он и честный человек, а озлобленный...

Дюдар (*бросаясь помочь Дэзи поставить корзинку*). Простите, простите нас, пожалуйста, надо было сразу освободить вас от этой ноши.

Беранже (*продолжая*). ...искалеченный своей ненавистью к начальству, он страдал комплексом неполноценности.

Дюдар (*Беранже*). Вы рассуждаете неправильно, ведь Ботар

как раз и последовал за своим начальником, за тем самым, кого он называл орудием в руках эксплуататоров. Мне кажется, в данном случае дух коллективизма взял у него верх над анархическими тенденциями.

Беран же. Носороги — они и есть самые анархисты, потому что они представляют собой меньшинство.

Дю дар. Пока, в данный момент.

Дэ зи. Довольно-таки многочисленное меньшинство, и растет оно быстро. Мой кузен стал носорогом, и его жена тоже. Я уж не говорю о всяких высокопоставленных лицах. Ну вот хотя бы кардинал де Рец.

Дю дар. Прелат!

Дэ зи. Мазарини.

Дю дар. Вот увидите, это перекинется и на другие страны!

Беран же. И подумать только, что зло пойдет от нас!

Дэ зи. ...и аристократы — герцог де Сен-Симон...

Беран же (*вздывая руки к небу*). Как, и классики!

Дэ зи. ...и другие. Масса, масса! Пожалуй, около четверти го-
рода.

Беран же. Пока еще мы в большинстве, надо этим пользо-
ваться. Надо скорей что-то предпринять, пока всех нас не захле-
стнуло.

Дю дар. Они очень предприимчивы, очень предприимчивы.

Дэ зи. Сейчас прежде всего надо позавтракать. Я принесла
всякой еды.

Беран же. Какая вы милая, мадмуазель Дэзи.

Дю дар (*в сторону*). Да, очень мила.

Беран же (*Дэзи*). Не знаю просто, как вас и благодарить.

Дэ зи (*Дюдари*). Вы останетесь с нами?

Дю дар. Я боюсь быть навязчивым.

Дэ зи (*Дюдари*). Ну что вы, мсье Дюдар! Вы прекрасно знае-
те, что мы вам рады.

Дю дар. Но видите, я бы не хотел мешать...

Беран же (*Дюдари*). Ну, конечно, оставайтесь, Дюдар. Мы
вам рады.

Дю дар. Дело в том, что я немножко тороплюсь. Я должен
кое с кем встретиться.

Беран же. Вы только что говорили, что совершенно свободны.

Дэ зи (*достает из корзины еду*). Вы знаете, очень трудно бы-
ло что-нибудь достать. Множество магазинов разгромлено — они
пожирают все, — другие закрыты, и на дверях вывешено: «По слу-
чаю превращений...»

Беран же. Их надо было бы поместить в загоны, отвести для
них определенные участки и держать под присмотром.

Дю дар. Мне кажется, такой проект вряд ли осуществим. Об-
щество защиты животных первое запротестует.

Дэ зи. А с другой стороны, ведь у каждого из нас среди носо-
рогов — у кого близкие родственники, у кого друзья, это тоже все
осложняет.

Беранже. Выходит, все в это втянуты.

Дэзи. Все с ними заодно.

Беранже. Но как можно быть носорогом? Это уму непостижимо, уму непостижимо. (Дэзи.) Помочь вам накрыть на стол?

Дэзи (Беранже). Не беспокойтесь. Я знаю, где тарелки. (Идет к шкафу за посудой.)

Дюдар (в сторону). Ого! Она тут как у себя дома...

Дэзи (Дюдару). Я накрываю на троих, вы остаетесь, не правда ли?

Беранже (Дюдару). Оставайтесь, оставайтесь.

Дэзи (Беранже). Знаете, как-то привыкаешь. Никто не удивляется, что по улицам носятся стада носорогов. Люди сторонятся при встрече с ними, уступают дорогу, а потом идут дальше, кто по делам, кто гуляет как ни в чем не бывало.

Дюдар. Это самое разумное.

Беранже. Ну нет, я к этому никогда не привыкну.

Дюдар (в раздумье). А я вот думаю, не попробовать ли и мне тоже.

Дэзи. Давайте завтракать.

Беранже. Как, вы, юрист, и можете допустить...

Снаружи доносится страшный шум, слышно, как мчится стадо носорогов, ревут трубы, гремят барабаны.

Что такое?

Все бросаются к переднему окну.

Что случилось?

Где-то рядом обрушивается стена, пыль поднимается столбом, окутывает часть сцены, действующих лиц почти не видно, только слышны их голоса.

Ничего не видно. Что случилось?

Дюдар. Ничего не видно, зато слышно.

Беранже. Этого мало.

Дэзи. Все тарелки в пыли.

Беранже. Да, уж это совсем не гигиенично!

Дэзи. Давайте скорей есть. Не стоит обо всем этом думать.

Пыль рассеивается.

Беранже (показывая пальцем в зрительный зал). Они разнесли стены пожарного депо.

Дюдар. Да, правда! Стены обрушились.

Дэзи (только что отошла от окна и сейчас стоит у стола и вытирает тарелки, затем быстро идет обратно к окну и становится рядом с Беранже и Дюдаром). Вот они, все выходят.

Беранже. Вся пожарная команда — целый полк носорогов, и впереди барабанщики.

Дэзи. Запрудили весь бульвар!
Беранже. Это невыносимо, невыносимо!
Дэзи. Вон там из дворов еще носороги вылезают.
Беранже. И из домов лезут.
Дюдар. И из окон!
Дэзи. Они бегут к тем!

Видно, как из двери по другую сторону площадки выходит человек и сбегает с лестницы, потом второй — у них на лбу по большому рогу; за ними бежит женщина с головой носорога.

Дюдар. Пожалуй, их теперь уже больше, чем нас.
Беранже. Сколько среди них однорогих и сколько дву-
рогих?

Дюдар. Наверное, статистики ведут учет. Вот будет материал для ученых споров!

Беранже. Вряд ли удастся установить процентное соотношение, разве только что очень приблизительно. Все совершается с такой быстротой. Как за ними поспеешь? Люди не успевают подсчитывать.

Дэзи. Самое разумное — предоставить статистикам делать свое дело. Идемте завтракать, дорогой Беранже. Вас это успокоит, подбодрит (*Дюдару*), и вас тоже.

Они отходят от окна. Беранже, которого Дэзи взяла под руку, идет покорно; Дюдар, сделав несколько шагов, останавливается.

Дюдар. Мне что-то не очень хочется есть, или, может быть, я не так уж люблю консервы. Я бы, пожалуй, на свежем воздухе поел.

Беранже. Не делайте этого. Знаете, чем вы рискуете?

Дюдар. Нет, правда, я не хочу вас стеснять.

Беранже. Но вам же говорят...

Дюдар (*перебивая Беранже*). Да нет, я нисколько не церемонюсь.

Дэзи (*Дюдару*). Ну, если вам непременно надо идти, конечно, мы не можем вас держать...

Дюдар. Я только не хочу, чтобы вы сердились.

Беранже (*Дэзи*). Не отпускайте его, не отпускайте.

Дэзи. Я была бы очень рада, если бы он остался... но... в конце концов, каждый волен поступать, как ему нравится.

Беранже (*Дюдару*). Человек выше носорога.

Дюдар. Я не спорю. Но и не говорю «да». Я не знаю. Это только на опыте можно проверить.

Беранже (*Дюдару*). Оказывается, вы тоже слабый человек.

Дюдар. Поймите, ведь это на вас просто такой стих нашел, вы сами же потом пожалеете.

Дэзи. Ну, если это просто прихоть, то ничего страшного нет.

Дюдар. Меня мучает совесть. Долг повелевает мне следовать за моим начальником и товарищами и не покидать их ни в радости, ни в горе.

Беранже. Да что вы с ними в брак, что ли, вступили?

Дюдар. Я отказался от брака, единая большая семья лучше маленькой.

Дэзи (*спокойно*). Нам очень жаль вас, Дюдар, но мы ничего не можем для вас сделать.

Дюдар. Мой долг — не покидать их, я следую своему долгу.

Беранже. Напротив, ваш долг... вы сами не знаете, в чем истинный долг... ваш долг — противостоять им с полным присутствием духа, непоколебимо.

Дюдар. Я сохранию присутствие духа (*начинает кружиться по сцене*), полностью. И уж если критиковать, то лучше критиковать изнутри, чем со стороны. Я их не покину, не покину.

Дэзи. У него доброе сердце.

Беранже. Слишком доброе. (*Дюдару.*) У вас чересчур доброе сердце, вы слишком человечны. (*Дэзи.*) Удержите его. Он сам себя обманывает. Он человек...

Дэзи. Что я могу сделать?

Дюдар открывает дверь и убегает. Видно, как он стремглав сбегает по лестнице, Беранже бросается за Дюдаром и кричит ему с площадки.

Беранже. Вернитесь, Дюдар! Вас любят здесь, не ходите туда! Поздно. (*Возвращается.*) Слишком поздно!

Дэзи. Ну что же тут можно было сделать! (*Закрывает дверь, Беранже бросается к переднему окну.*)

Беранже. Он уже нагнал их. Где он?

Дэзи (*подходя к окну*). Там, с ними.

Беранже. Который же из них?

Дэзи. Теперь уж не разберешь. Нельзя отличить.

Беранже. Все они одинаковые, все одинаковые. (*Дэзи.*) Он не устоял. Вы должны были его удержать силой.

Дэзи. Я не решилась.

Беранже. Надо было решиться, вы должны были настоять. Ведь он любил вас, правда?

Дэзи. Он никогда не объяснялся мне в любви.

Беранже. Всем это было известно. Он и сейчас сделал это с досады, от любви к вам. Он был человек робкий. Вот ему и захотелось сделать что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы произвести на вас впечатление. А вас не тянет последовать за ним?

Дэзи. Нисколько. Раз я здесь.

Беранже (*глядя в окно*). На улицах, кроме них, ни души. (*Бросается к окну в глубине.*) Никого, кроме них. Нехорошо вы поступили, Дэзи. (*Идет снова к окну на авансцене.*) Насколько хватает глаз, ни одного человеческого существа. Они заполнили

всю улицу. Однорогие, двурогие, половина на половину. А кроме этого, никаких отличительных признаков.

Слышны рев и топот бегущих носорогов. Эти звуки стали несколько более мелодичными. На стене до самого конца действия то появляются, то исчезают искусственные головы носорогов. Постепенно их становится все больше и больше, и наконец они покрывают сплошь всю заднюю стену и уже больше не исчезают. Несмотря на всю свою чудовищность, эти головы мало-помалу становятся все красивее и красивее.

Вы не огорчены, Дэзи? Ни о чем не жалеете?

Дэзи. Нет, нет.

Беран же. Как бы я хотел вас утешить. Я люблю вас, Дэзи, не покидайте меня.

Дэзи. Закрой окно, дорогой. От них такой шум. И пыль даже сюда долетает. Все будет грязное.

Беран же. Да-да. Ты права.

Закрывает переднее окно. Дэзи закрывает окно в глубине. Они встречаются на середине сцены.

Пока мы вместе, я ничего не боюсь, мне ни до чего нет дела. Ах, Дэзи. Я думал, для меня уже невозможно полюбить женщину. *(Сжимает ей руки, обнимает за плечи.)*

Дэзи. Видишь, оказывается, все возможно.

Беран же. Как бы я хотел сделать тебя счастливой. А можешь ты быть счастлива со мной?

Дэзи. Почему же нет? Если ты счастлив, я тоже. Ты говоришь, что ничего не боишься, а сам всего пугаешься. Что с нами может случиться?

Беран же *(бормочет)*. Любовь моя! Радость моя! Радость моя! Любовь моя! Дай губы, я даже никогда не думал, что способен на такое страстное чувство.

Дэзи. Ты должен быть спокойнее, у тебя должно быть больше уверенности в себе.

Беран же. Да-да. Дай мне твои губы.

Дэзи. Я очень устала, дорогой. Успокойся, отдохни. Сядь в кресло. *(Ведет Беранже к креслу, он усаживается.)*

Беран же. В таком случае Дюдару незачем было и ссориться с Ботаром.

Дэзи. Перестань думать о Дюдаре. Я с тобой. Какое мы имеем право вмешиваться в чужую жизнь?

Беран же. Ты же вмешиваешься в мою. Со мной ты даже умеешь быть твердой.

Дэзи. Это совсем другое. Дюдара я никогда не любила.

Беран же. Я тебя понимаю. Если бы он остался здесь, он был бы преградой между нами. Да, счастье эгоистично.

Дэзи. Надо защищать свое счастье. Разве не правда?

Беран же. Я боготворю тебя, Дэзи. Я восхищаюсь тобой.

Дэзи. Может быть, когда ты меня узнаешь поближе, ты уже не будешь мне этого говорить.

Беранже. Чем ближе я тебя узнаю, тем больше буду любить, и ты такая красивая, красивая!

Снова слышен бег носорогов.

Особенно, если тебя сравнить с этими... (*Показывает рукой за окном.*) Ты скажешь, это не комплимент, но, право, они как-то еще больше оттеняют твою красоту...

Дэзи. Ты сегодня себя хорошо вел? Не пил коньяк?

Беранже. Да-да, я себя хорошо вел.

Дэзи. Ты правду говоришь?

Беранже. Ну да, правду, уверяю тебя.

Дэзи. А тебе можно верить?

Беранже (*немного пристыженно*). Да, верь мне, верь.

Дэзи. Ну, в таком случае можешь выпить стаканчик. Это тебя подбодрит. (*Беранже хочет вскочить.*) Сиди, дорогой. Где бутылка?

Беранже (*показывает на стол*). Там, на столике.

Дэзи (*направляется к столику, находит бутылку и стакан*). Здорово ты ее запрятал.

Беранже. Чтобы не соблазняться.

Дэзи (*наливает немного в стакан и протягивает Беранже*).

Нет, ты правда умник. Ты делаешь успехи.

Беранже. С тобой я еще и не такие сделаю.

Дэзи (*протягивая ему стакан*). На, вот тебе награда.

Беранже (*пьет залпом*). Спасибо. (*Протягивает ей стакан.*)

Дэзи. Ну нет, дорогой. Сегодня на утро достаточно. (*Берет у Беранже стакан, относит вместе с бутылкой на столик.*) Я не хочу, чтобы тебе опять плохо было. (*Возвращается к Беранже.*) Ну, как твоя голова?

Беранже. Гораздо лучше, мой ангел.

Дэзи. Тогда снимем повязку. Она тебе совсем не идет.

Беранже. Нет-нет, не трогай.

Дэзи. Ну что ты, дай я сниму.

Беранже. Боюсь, под ней что-то окажется.

Дэзи (*несмотря на протесты Беранже, снимает повязку*). Вечно у тебя всякие страхи, мрачные мысли. Видишь, ничего нет. Лоб совсем гладкий.

Беранже (*цупает лоб*). Правда, ты избавляешь меня от моих комплексов. (*Дэзи целует Беранже в лоб.*) Что бы со мной стало без тебя?

Дэзи. Я никогда тебя больше не оставлю одного.

Беранже. С тобой у меня не будет ни тоски, ни страхов.

Дэзи. Уж я-то сумею тебя от них избавить.

Беранже. Мы будем вместе читать. Посмотришь, какой я стану ученый.

Дэзи. А самое главное, в часы, когда на улице становится по-тише, мы будем с тобой гулять.

Беранже. Да, по берегам Сены, в Люксембургский сад..

Дэзи. И в Зоологический...

Беранже. Я буду сильным и смелым. И я тоже буду защищать тебя от всяких обидчиков.

Дэзи. Тебе не придется меня защищать, милый. Мы с тобой никому не желаем зла, и нам, дорогой мой, тоже никто не желает зла.

Беранже. Зло иногда причиняешь нечаянно, совсем не желая этого, или невольно поощряешь его. Вот ты ведь тоже не любила этого бедного мсье Папийона. Но помнишь, в тот день, когда Беф появился у нас в виде носорога, может быть, тебе не следовало так резко говорить Папийону, что у него шершавые ладони.

Дэзи. Но это же правда, они у него шершавые.

Беранже. Не сомневаюсь, милая. А все-таки ты могла бы сказать ему это не так резко, пощадить его. Ему было очень неприятно.

Дэзи. Ты думаешь?

Беранже. Он не подал виду, потому что очень самолюбив. Но, конечно, он был глубоко уязвлен. И, может быть, это и толкнуло его на такой шаг. Вот видишь, а ты могла бы спасти человека.

Дэзи. Ну, не могла же я предвидеть, что с ним такое стрясется... Он себе слишком много позволял...

Беранже. Я вот себя всегда буду упрекать за то, что не был поласковой с Жаном. Я никогда не мог показать ему так, чтобы он это почувствовал, как сильно я был к нему привязан. И я не проявил достаточной чуткости.

Дэзи. Не терзай себя. Ты сделал все, что было в твоих силах. Нельзя сделать невозможное. Ну, что ты так терзаешься? Не думай обо всех этих людях. Забудь их. Гони прочь дурные воспоминания.

Беранже. Они очень громко напоминают о себе, эти воспоминания, они слышны и видны. Они реальные.

Дэзи. А я не думала, что ты такой реалист, ты мне казался похожим на поэта. Неужели у тебя нет воображения? Ведь и реальности тоже разные бывают. Выбери себе ту, которая тебе больше подходит. Спасайся в мнимости.

Беранже. Легко сказать!

Дэзи. А я? Разве я тебе не заменяю всего?

Беранже. О да, полностью! Полностью!

Дэзи. Ты все портишь этим копаньем в себе. У каждого, наверное, есть недостатки. А все-таки у нас их меньше, чем у других.

Беранже. Ты правда так думаешь?

Дэзи. Мы все-таки в каком-то отношении лучше большинства людей. Мы с тобой оба хорошие.

Беранже. Это правда. Ты добрая, и я добрый. Правда.

Дэзи. Так вот, значит, мы имеем право жить. И наш прямой долг по отношению к самим себе быть счастливыми, невзирая ни на что. Чувство вины — это опасный симптом. Это признак недостаточной чистоты.

Беранже. Д-да, оно может привести... *(Показывает пальцем на окно, под которым бегают носороги, и на стену в глубине, откуда высовывается голова носорога.)* Многие из них начали так!

Дэзи. Давай попытаемся больше не чувствовать себя виноватыми.

Беранже. Да, ты права, радость моя, божество мое, мое солнышко... Ведь я с тобой, правда? Никто не может нас разлучить. У нас есть наша любовь, и только это и есть настоящее. Никто не имеет права и не может помешать нам быть счастливыми, ведь правда?

Звонит телефон.

Кто может нам звонить?

Дэзи *(опасливо)*. Не отвечай!

Беранже. Почему?

Дэзи. Не знаю. Может быть, так лучше.

Беранже. А что, если это мсье Папийон, или Ботар, или Жан, или Дюдар, и они хотят нам объявить, что отступились от своего решения? Ведь ты же сама говорила, что у них это просто так, прихоть?

Дэзи. Не думаю. Не могли они так скоро изменить свое отношение. У них даже не было времени подумать. Нет, они доведут свой опыт до конца.

Беранже. А может быть, это из муниципалитета, может быть, там наконец зашевелились, собираются принять меры и вот просят нас помочь.

Дэзи. Маловероятно.

Телефон снова звонит.

Беранже. Конечно, конечно, это звонят из мэрии. Узнаю — такой продолжительный звонок! Нет, я не могу не ответить, я должен отозваться. Больше звонить некому. *(Снимает трубку.)* Алло?

В ответ из трубки доносится рев.

Ты слышишь? Ревут! Вот, послушай!

Дэзи подносит трубку к уху, отшатывается и бросает трубку на аппарат.

Дэзи *(испуганно)*. Что это такое, как это понимать?
Беранже. Это они с нами шутки шутят.

Дэзи. Плохие шутки.

Беранже. Видишь, я тебе говорил!

Дэзи. Ничего ты мне не говорил.

Беранже. Я так и ждал этого, я предвидел.

Дэзи. Ты ровно ничего не предвидел. Никогда ты ничего не умеешь предвидеть. Все твои предвидения бывают только после того, как события уже произошли.

Беранже. Нет, я предвижу, предвижу.

Дэзи. И как это гадко с их стороны. Просто противно, не люблю, когда надо мной смеются.

Беранже. Над тобой они не отважатся смеяться. Они смеются надо мной.

Дэзи. А раз я с тобой, значит, достается и мне. Они мстят нам. Но что мы им сделали?

Снова звонок.

Отключи аппарат.

Беранже. Министерство связи этого не разрешает.

Дэзи. Ах, ты всего боишься, ни на что не можешь осмелиться, а еще берешься меня защищать!

Дэзи выдергивает вилку, телефон умолкает.

Беранже (*бросается к радиоприемнику*). Давай включим приемник, послушаем последние известия.

Дэзи. Да, нужно знать, что же делается.

Из приемника слышится рев. Беранже поспешно выключает радио. Но какие-то отголоски рева, словно многоголосое эхо, продолжают доноситься, не умолкая.

Это становится серьезно. Мне это не нравится. Я не могу этого выдержать. (*Дрожит.*)

Беранже (*в сильном смятении*). Успокойся! Успокойся!

Дэзи. Они заняли радиостанцию!

Беранже (*страшно взволнован, весь дрожит*). Успокойся, успокойся, только успокойся.

Дэзи подбегает к окну в глубине, выглядывает, потом бежит к окну на авансцене. Беранже делает то же самое в обратном порядке; затем они останавливаются друг против друга посередине сцены.

Дэзи. Это уже совсем не шутки. Они о себе заявляют всерьез.

Беранже. Только они и остались, никого, кроме них. И власти переметнулись на их сторону!

Дэзи и Беранже опять перебегают от окна к окну и после этого снова останавливаются посередине сцены.

Дэзи. Нигде ни души.

Беранже. Мы одни, мы остались одни.
Дэзи. Ты же сам этого хотел.
Беранже. Нет, это ты хотела!
Дэзи. Нет ты.
Беранже. Ты!

Отовсюду несется рев. Головы носорогов закрыли всю стену в глубине. Со всех сторон по всему дому слышен тяжелый топот, громкое сопение зверей. Но теперь в этом шуме чувствуется какой-то ритм, и он кажется мелодичным. Сильнее всего шум и топот доносятся сверху. С потолка сыплется штукатурка. Дом сотрясается.

Дэзи. Земля трясется. *(Не знает, куда бежать.)*

Беранже. Нет, это наши соседи, непарнопалые. *(Грозит кулаком влево и вправо.)* Перестаньте! Вы мешаете работать. Шуметь запрещается! Запрещается шуметь!

Дэзи. Что они тебя послушают, что ли!

Но шум постепенно утихает и переходит в нечто вроде музыкального аккомпанемента.

Беранже *(тоже перепуган)*. Не бойся, сокровище мое. Мы вместе, разве тебе не хорошо со мной? Разве тебе недостаточно этого? Я огражу тебя от всех невзгод.

Дэзи. Все-таки, может быть, мы сами во всем виноваты?

Беранже. Не думай об этом больше. Не упрекай себя. Чувство вины опасно. Будем жить своей жизнью, будем счастливы. Наш долг быть счастливыми. Они не злые. Никто им ничего дурного не делает. Они оставят нас в покое. Не волнуйся. Отдохни. Сядь в кресло. *(Подводит Дэзи к креслу.)* Не волнуйся. *(Усаживает Дэзи в кресло.)* Хочешь рюмочку коньяку для бодрости?

Дэзи. У меня голова болит.

Беранже *(берет свою повязку и обвязывает ею голову Дэзи)*. Я люблю тебя, моя радость. Не волнуйся, это у них пройдет. Это просто так, прихоть.

Дэзи. Нет, это не пройдет. Это уже окончательно.

Беранже. Я люблю тебя, безумно люблю.

Дэзи *(снимает повязку)*. Будь что будет. Ну что тут можно сделать?

Беранже. Они все посходили с ума. Мир болен. Они все больны.

Дэзи. Не нам их вылечить.

Беранже. Как мы будем жить в одном доме с ними?

Дэзи *(успокаиваясь)*. Надо быть рассудительными. Надо найти какой-то *modus vivendi* и постараться поладить с ними.

Беранже. Они не способны нас понять.

Дэзи. Нужно добиться, чтоб поняли. Другого выхода нет.

Беранже. А ты, ты их понимаешь?

Дэзи. Пока еще нет. Но мы должны попытаться понять их психологию, изучить их язык.

Беранже. Нет у них никакого языка! Послушай... это ты называешь языком?

Дэзи. Что ты об этом знаешь? Ты ведь не полиглот!

Беранже. Мы с тобой поговорим об этом потом. Сначала надо поест.

Дэзи. Мне даже и есть не хочется. Нет, это уж слишком. У меня больше нет сил сопротивляться.

Беранже. Но ты же сильнее меня. Ты не позволишь себе поддаться. Я так всегда восхищаюсь твоим мужеством.

Дэзи. Ты мне уже это говорил.

Беранже. Ты веришь, что я тебя люблю?

Дэзи. Ну, верю.

Беранже. Я люблю тебя.

Дэзи. Ты повторяешься, котик.

Беранже. Послушай, Дэзи, мы с тобой еще можем что-то сделать. У нас будут дети, у наших детей тоже будут дети. На это потребуется время, но мы с тобой вдвоем, мы можем возродить человечество.

Дэзи. Возродить человечество?

Беранже. Ведь так уже было однажды.

Дэзи. Во время оно. Адам и Ева. Да, у них было мужество!

Беранже. И у нас тоже найдется мужество. К тому же его не так много и надо. Это же само собой делается, нужно только время и терпение.

Дэзи. А зачем?

Беранже. Ну и, пожалуй, немножко мужества, совсем немножко.

Дэзи. Я не хочу иметь детей. Такая скучища.

Беранже. Как же ты тогда хочешь спасти мир?

Дэзи. А зачем его спасать?

Беранже. Ну что за вопрос!.. Сделай это для меня, Дэзи! Давай спасем мир.

Дэзи. А может быть, это мы с тобой нуждаемся в спасении. Мы с тобой не такие, как надо.

Беранже. Ты бредишь, Дэзи, у тебя жар.

Дэзи. А ты видишь разве, есть еще такие, как мы?

Беранже. Я не хочу этого слышать, Дэзи, не хочу, чтобы ты говорила такие вещи.

Дэзи смотрит по сторонам, на носорогов, головы которых видны на стенах, в двери через площадку и внизу у рампы.

Дэзи. Вот это молодцы! Какие они все веселые. Прекрасно чувствуют себя в своей шкуре. И совсем не похоже, что они помешались. Держат себя совершенно естественно. Выходит, они правы, что так поступили.

Беранже (*сжав руки, в ужасе смотрит на Дэзи*). Это мы правы, Дэзи, уверяю тебя.

Дэзи. Какое самомнение!

Беранже. Ты отлично знаешь, что я прав.

Дэзи. Абсолютной истины не существует. Прав мир, а не ты или я.

Беранже. Нет, Дэзи, я прав. И доказательство тому — ты понимаешь, когда я с тобой говорю.

Дэзи. Это еще ничего не доказывает.

Беранже. И еще доказывает это, что я люблю тебя, как только мужчина может любить женщину!

Дэзи. Вот так довод!

Беранже. Я не понимаю тебя, Дэзи. Ты уже сама не знаешь, что говоришь. Разве любовь... любовь... любовь...

Дэзи. Я, правду сказать, как-то даже немножко стыжусь того, что ты называешь любовью, это болезненное чувство, слабость мужчины. И женщины. Какое может быть сравнение с этим пылом, с этой необычайной энергией, которой так и пышат все эти существа вокруг нас.

Беранже. Ах, энергия, тебе хочется побольше энергии. На тебе энергию! Получай! *(Дает ей пощечину.)*

Дэзи. Ах! Никогда бы не поверила... что ты... *(Падает в кресло.)*

Беранже. О! Прости меня, дорогая, прости меня! *(Пытается обнять, она вырывается.)* Прости, дорогая. Я не хотел... Не знаю, что со мной случилось, как я мог позволить себе...

Дэзи. Просто тебе нечего было сказать больше, вот и все.

Беранже. Да! За несколько минут мы с тобой точно двадцать пять лет в браке прожили!

Дэзи. Мне и тебя жалко, тебя я тоже понимаю.

Беранже *(плачущей Дэзи)*. Ну что я тебе скажу, у меня больше никаких доводов не осталось. Ты считаешь, что они сильнее меня и, может быть, даже сильнее, чем мы с тобой.

Дэзи. Безусловно.

Беранже. И все-таки, несмотря ни на что, клянусь тебе, я от себя не отрекусь, не отрекусь.

Дэзи *(встает, подходит к Беранже, обнимает его за шею)*. Бедный мой, мой дорогой, я буду с тобой — до конца.

Беранже. А ты сможешь?

Дэзи. Я сдержу слово. Положись на меня.

Мелодичный рев носорогов.

Они поют. Слышишь?

Беранже. Не поют, а режут.

Дэзи. Нет. Поют.

Беранже. Ревут, говорю тебе.

Дэзи. Ты с ума сошел. Они поют!

Беранже. У тебя, верно, нет никакого музыкального слуха.

Дэзи. Это ты, мой друг, совершенно не разбираешься в музыке; посмотри, они играют, танцуют.

Беранже. Это ты называешь танцем?

Дэзи. Они танцуют по-своему. И они такие красивые.

Беранже. Они отвратительны.

Дэзи. Я не хочу, чтобы о них говорили плохо. Мне это неприятно.

Беранже. Прости меня. Ну, не будем же мы с тобой из-за них ссориться.

Дэзи. Они боги.

Беранже. Ты преувеличиваешь, Дэзи. Посмотри на них хорошенько.

Дэзи. Не надо ревновать, дорогой. Прости и ты меня. *(Снова подходит к Беранже и пытается обнять его. На этот раз уклоняется Беранже.)*

Беранже. Я вижу, у нас с тобой совершенно противоположные взгляды. Нам лучше и не пытаться спорить.

Дэзи. Не надо быть таким мелочным, хватит тебе.

Беранже. Не надо быть дурой.

Дэзи *(Беранже, который поворачивается к ней спиной и разглядывает себя в зеркало)*. Нам с тобой вместе жить нельзя, ничего не получится. *(В то время как Беранже продолжает смотреться в зеркало, она потихоньку идет к двери, говоря на ходу.)* Он совсем не добрый, нет не добрый.

Дэзи выходит, видно, как она медленно спускается по лестнице.

Беранже *(продолжая глядеться в зеркало)*. Как-никак, а человек — это все-таки не так противно. А ведь я далеко не красавец. Поверь мне, Дэзи! *(Оборачивается.)* Дэзи, Дэзи! Где ты, Дэзи? Нет, ты этого не сделаешь! *(Бросается к двери.)* Дэзи! *(Выбегает на площадку, перегибается через перила.)* Дэзи! Вернись! Вернись, моя маленькая Дэзи! Ты даже не позавтракала! Дэзи, не оставляй меня одного! Ты же мне обещала! Дэзи! Дэзи! *(Перестает звать и в отчаянии возвращается в комнату.)* Конечно, мы перестали друг друга понимать. Никакого согласия, ни в чем. Совместная жизнь распалась. Но как же она могла уйти, не объяснившись?! *(Оглядывается, обводит глазами комнату.)* Не сказав ни слова. Так не поступают. Вот теперь я совсем один. *(Идет к двери, запирает ее на ключ, очень тщательно, но с явным раздражением.)* Я им не дам. *(Старательно закрывает окна.)* Вы меня не поймаете. *(Обращается к головам носорогов.)* Я за вами не пойду, я вас не понимаю. Я останусь таким, каков я есть. Я человеческое существо. Человеческое. *(Садится в кресло.)* Совершенно невыносимое положение. Я сам виноват в том, что она ушла. Я был для нее всем. Что теперь с ней станет? Вот еще один человек на моей совести. Мне лезет в голову все самое ужасное; самое ужасное может случиться! Бедная крошка, брошенная на произвол судьбы, одна, в этом мире чудищ! Кто мне поможет ее найти? Никто, потому что никого не осталось.

Снова оглушительный рев, топот, пыль столбом.

Не хочу их слышать. Заткну себе уши ватой. (*Затыкает уши ватой и разговаривает сам с собой, стоя у зеркала.*) Есть только один выход — убедить их, но в чем убедить? А такого рода мутации... они обратимы? Кто знает, обратимы ли они? И потом, это же как подвиг Геракла, это свыше моих сил. Прежде всего, для того чтобы их убедить, с ними нужно вступить в переговоры. А чтобы разговаривать с ними, мне нужно научиться их языку. Или им нужно научиться моему. А на каком языке я говорю? Какой у меня язык? Французский, да? Конечно, это считается французским. А что такое французский язык? Конечно, можно его назвать французским, если угодно, никто не может этого оспорить, только я один и говорю на нем. А что я говорю? Понимаю ли я сам себя? Я — себя — понимаю? (*Идет на середину комнаты.*) А что, если, как сказала Дэзи, правы они? (*Возвращается к зеркалу.*) Человек не уродлив, не уродлив! (*Смотрится в зеркало, проводит рукой по лицу.*) Как странно! Но на что же я похож? На что? (*Бросается к шкафу, достает фотографии, смотрит, перебирает их.*) Вот снимки! Что это за люди? Мсье Папийон, а может быть, Дэзи? А это кто — Ботар, или Дюдар, или, может быть, Жан? А может быть, я сам? (*Опять бросается к шкафу и достает две-три картины.*) Да, я себя узнаю, это я, я! (*Идет, вешает картины на стену в глубине, рядом с головами носорогов.*) Это я, я.

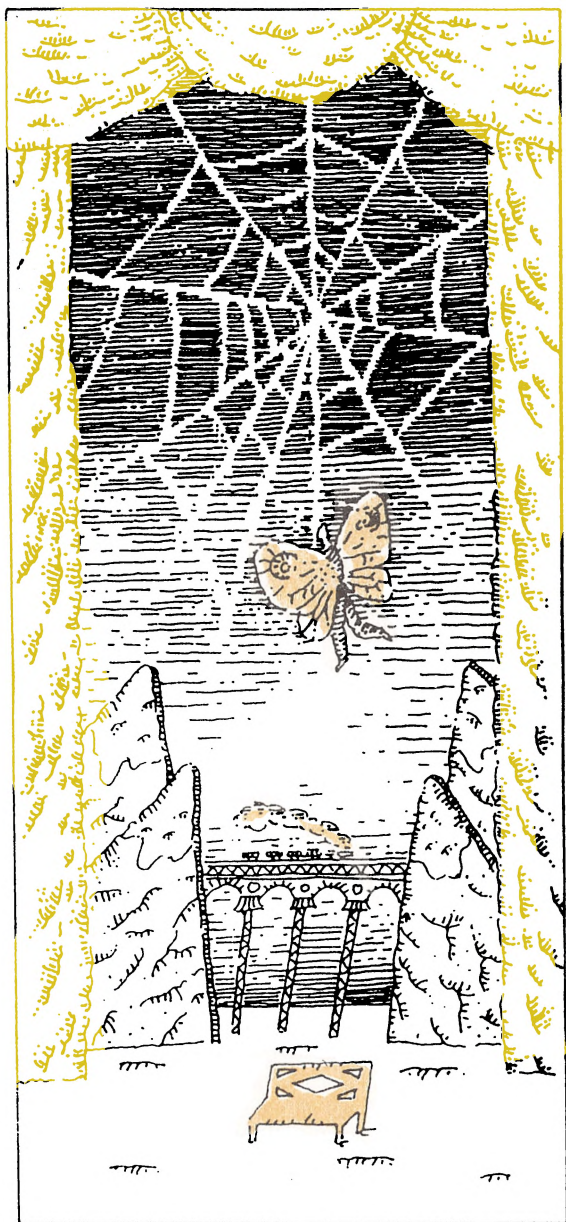
Когда картины развешаны, видно, что на них изображены старик, толстая женщина, мужчина. Уродство этих портретов особенно выступает рядом с головами носорогов, которые стали очень красивыми. Беранже отходит на шаг, разглядывает картины.

Некрасивый я, совсем некрасивый. (*Срывает картины и с яростью бросает их на пол. Идет к зеркалу.*) А они красивые. Я был не прав. Ах, как бы я хотел быть таким, как они. Жаль, что у меня нет рога. Как это безобразно — совсем гладкий лоб. Как было бы хорошо — один или два рога, сразу бы все подтянулось, а то вон как обвисло. Но, может быть, это еще случится, и мне не будет стыдно, и я пойду к ним, и мы все будем вместе. Но у меня почему-то рог не растет! (*Смотрит на ладони.*) И руки у меня какие-то влажные. Станут ли они когда-нибудь жесткими? (*Снимает пиджак, расстегивает сорочку, рассматривает грудь в зеркало.*) А кожа какая дряблая! Ах, это чересчур белое, волосатое тело! Как бы я хотел, чтобы у меня была жесткая кожа, такого чудесного темно-зеленого цвета, совсем голая, без растительности, как у них! (*Прислушивается к реву.*) Их пение не лишено приятности, немного резко звучит, но есть в нем какая-то своеобразная прелесть! Ах, если бы и я мог так. (*Пытается подражать.*) Агх! Агх! Брр. Нет, не то. Попробуем еще, погромче! Агх! Агх! Брр! Нет-нет, совсем не то, слабо, никакой мощи в голосе. У меня не получается рева. А толь-

ко вой. Агх! Агх! Вой — это совсем не рев. Зачем же теперь раскаиваться, надо было идти за ними вовремя... Теперь уже поздно — увы! Я чудовище, чудовище! Мне уже никогда не стать носорогом, никогда, никогда! Я не могу измениться. Я бы так хотел, так хотел, но не могу. Я больше не могу на себя смотреть, мне стыдно! *(Поворачивается спиной к зеркалу.)* Я так уродлив! Горе тому, кто хочет сохранить своеобразие! *(Вздвигнув, застывает на месте.)* Ну что ж, делать нечего! Буду защищаться! Один против всех! Где мое ружье, ружье мое! *(Поворачивается лицом к стене, на которой видны головы носорогов. Кричит.)* Один против всех! Я буду защищаться, буду защищаться! Один против всех! Я последний человек, и я останусь человеком до конца! Я не сдамся!

Занавес

Воздушный пешеход

Le piéton de l'air

Перевод Л. Каменской

Действующие лица

Мсье Беранже, воздушный пешеход.
Мадам Беранже, его жена по имени Жозефина.
Мадмуазель Беранже, их дочь по имени Марта.
Журналист (англичанин).
Первый нарядный англичанин.
Первая англичанка, его жена.
Мальчик, их сын.
Второй нарядный англичанин.
Вторая англичанка, его жена.
Девочка, их дочка.
Джон Буль, корифей.
Первая пожилая англичанка.
Вторая пожилая англичанка.
Дядюшка - доктор.
Служащий похоронного бюро.
Прохожий из антимира.
В суде: Судья.
Джон Буль, переодетый палачом.
Человек в белом.
Палач.
Заседатели.

(У действующих лиц не должно быть английского акцента.)

Декорации

С самого левого края сцены — традиционный маленький деревенский домик в английском стиле, коттедж, немного в духе «таможенника» Руссо, Утрилло или даже Шагала, на усмотрение декоратора. Домик, как и описанный ниже пейзаж, должны создавать атмосферу сновидения. Однако это впечатление передается скорее художником-примитивистом, нарочито неловко, а не художником-сюрреалистом, и не в манере театров «Опера» или «Шатле». Освещение яркое, без полутеней, значит, без тюля и т.п.

Остальная часть сцены представляет собой лужайку, покрытую зеленой свежей травой, расположенную на возвышенности над долиной; в глубине декорации посередине виднеется холм. Возвышенность, где происходит действие, должна оканчиваться полукругом, так, чтобы, с одной стороны, могло создаться впечатление близости обрыва, а с другой — чтобы в глубине, справа, виднелось несколько домиков английского провинциального городка: белоснежных и ярко освещенных апрельским солнцем. Небо необыкновенной синевы и чистоты. На сцене несколько цветущих деревьев — вишневые, грушевые.

Иногда слышится слабый шум поездов, проходящих по долине, вдоль судоходной речки, которую, разумеется, также не видно, но которая может быть обозначена еле слышными паровозными гудками. Видны трос фуникулера и два маленьких красных вагончика, снующие вверх-вниз.

Позже, по мере развития действия, появятся новые аксессуары, декорации изменятся. Так, например, во время прогулки Беранже с семейством по склону обрыва мы увидим покрытые цветами розовые руины, границу небытия, серебряный мост, вагончики канатной дороги, ползущие вдоль противоположного склона, и т.д.

При поднятии занавеса от правой до левой кулисы прогуливаются две пожилые дамы-англичанки.

1-я пожилая англичанка. О, йес...

2-я пожилая англичанка. Йес, мы в Англии.

1-я пожилая англичанка. В графстве Глостер.

2-я пожилая англичанка. Какой чудесный воскресный день! (*Слышится перезвон колоколов.*) Это колокола католической церкви.

1-я пожилая англичанка. В моей деревне не было католической церкви.

В этот момент во 2-ю пожилую англичанку попадает мячик, она оборачивается; появляется мальчик-англичанин.

2-я пожилая англичанка. О!

1-я пожилая англичанка (*мальчику*). О, негодник!

Входит 1-й англичанин, отец мальчика.

1-й англичанин. Сорри. Извините моего мальчугана. Мальчик. Я не нарочно.

Входит 1-я англичанка, жена 1-го англичанина и мать мальчика.

1-я англичанка (*мальчику*). Нужно быть осторожней. Так не делают. Нужно попросить у дамы прощения.

Мальчик. Извините, мадам.

1-й англичанин (*дамам*). Прошу прощения.

1-я англичанка (*им же*). Прошу прощения.

Две пожилые англичанки и родители здороваются, повторяя: «Сорри, просим прощения». Расходятся, продолжают прогуливаться; в это время входит девочка-англичанка, подбирает мячик и протягивает мальчику.

1-я англичанка (*девочке*). Вы хорошо воспитанная девочка.

Девочка делает реверанс; в это время входят 2-й англичанин и его жена, родители девочки.

1-я англичанка (*родителям*). Ваша девочка прекрасно воспитана, мадам.

1-й англичанин (*2-му*). Ваша девочка прекрасно воспитана, мсье.

2-й англичанин (*1-му*). Ваш мальчик, безусловно, тоже.

1-я англичанка. Не так уж он воспитан.

2-я англичанка. Наша девочка тоже не всегда вежлива.

Четверо англичан вновь приветствуют друг друга, повторяя: «Сорри, сорри», расходятся и прогуливаются каждый сам по себе, а 1-я англичанка говорит мальчику: «Негодник».

Мальчик украдкой показывает нос своим родителям.

Девочка. О! Какой негодник!

1-я пожилая англичанка (*видевшая жест*). О! Какой негодник!

2-я пожилая англичанка. О! Негодник!
Девочка. Никому не скажу. Ябедничать дурно.

Из левой кулисы — из-за дома Беранже — выходит Журналист.

Журналист. Хей! С добрым утром!

1-я англичанка. Хей! Не правда ли, чудесное воскресенье?

1-й англичанин. Чудесное воскресенье.

Журналист. Подходящий воскресный денек для загородных прогулок.

Англичане уходят, продолжая неторопливо прогуливаться. Оставшись один, Журналист направляется к жилищу Беранже, который как раз в этот момент высовывается из окна, смотрит на небо, на лужайку.

Беранже. Какое чудесное воскресенье.

Журналист. Господин Беранже, прошу вас. Вы господин Беранже? Простите, я журналист... *(Беранже исчезает.)* Погодите, прошу вас. *(Голова Беранже вновь высовывается, как в кукольном театре.)* Я только хотел задать вам несколько вопросов. *(Голова Беранже исчезает.)* Простейших вопросов. Умоляю, господин Беранже. Один вопрос. *(Беранже опять высовывает голову.)*

Беранже. Я решил, мсье, больше не отвечать на вопросы журналистов. *(Прячется.)*

Журналист. Единственный вопрос. Не от журналиста, а от газеты. Меня специально прислали, чтобы я его вам задал. Ничего особенного, ничего особенного, не волнуйтесь.

Беранже *(опять высовывая голову)*. У меня времени нет, у меня работа. Вернее, работы нет, но, может быть, она появится, как знать? Я приехал из Европы в Англию, чтобы отдохнуть, убежать от работы...

Журналист *(вынимая блокнот)*. Нам это известно. Вы приехали в Англию, в графство Глостер, и живете здесь в сборном домике, среди лугов, на зеленом склоне над долиной, в которой меж двух покрытых лесом холмов течет небольшая судоходная речка... Мы навели справки, мсье, простите великодушно эту нашу почтительную вольность.

Беранже. Это не секрет. К тому же кто угодно может это видеть.

Журналист. Моя газета хотела бы задать вам один вопрос, дорогой господин Беранже.

Беранже. Не хочу больше отвечать на вопросы. *(Делает вид, что собирается спрятаться. Голова исчезает и высовывается снова.)*

Журналист. Не исчезайте, господин Беранже. Вопрос простейший. Отвечайте что угодно. Поместим на первой странице, с большой вашей фотографией в половину натуральной величины.

Беранже. Тогда скорее, мсье. У меня времени нет. Я ва отдыхе.

Журналист. Прошу простить, огорчен, что нарушаю ваш покой. Вопрос традиционный: когда мы увидим на знаменитых мировых сценах ваш новый шедевр?

Беранже. Не хочу отвечать на ваш вопрос.

Журналист. О, пожалуйста, господин Беранже.

Беранже. Вынужден вам признаться. Я всегда сознавал, что у меня нет никаких причин писать. *(Прячется.)*

Журналист. Вполне понятно. Но отсутствие причин — это еще не причина. Ни на что нет никаких причин, это все знают.

Беранже. Разумеется. Но люди занимаются тем, на что у них нет никаких причин. А слабодушные оправдывают свои действия надуманными причинами. Делают вид, что верят, говорят: «Нужно же что-то делать». Я не из таких. Раньше во мне была необъяснимая сила, которая подталкивала меня к активным действиям или писательству, несмотря на мой глубокий нигилизм. Я не могу так больше.

Журналист. Записываю, записываю. Вы так больше не можете.

Беранже. Да, не могу. Годы и годы я утешался тем, что утверждал, будто мне нечего сказать. Теперь я в этом убедился, и убеждение это ничуть не интеллектуально и не психологично; оно — глубоко физиологично, оно проникло в мою плоть, кровь и кости. Это меня парализует. Литературная деятельность больше не игра, не может быть больше для меня игрой. Ей бы стать мостиком к чему-то другому. Но она — не мостик.

Журналист. К чему другому?

Беранже. Знай я это, проблема была бы решена.

Журналист. Скажите нам что-нибудь важное.

Беранже. Все уже сказано. У вас этого важного сколько угодно. Кафетерии и редакции кишат литераторами, на которых снизошло озарение и которые все уже решили. Они идут в ногу со временем. Им нет ничего легче, чем машинально сказать что-нибудь важное. Им повезло. Они утверждают, что История права, в то время как она только и делает, что ошибается. Но для них История — это просто право сильнейшего, идеология режима, который с триумфом себя утверждает. Все равно какого. Всегда находят наилучшие доводы для оправдания торжествующей идеологии. Однако как только идеология укореняется, она становится ошибочной. Необходимы здравый смысл и интеллектуальное мужество или безошибочная интуиция, чтобы противиться тому, что есть, и предвидеть то, что будет, или хотя бы просто-напросто почувствовать, что должно быть нечто другое.

Журналист. Говорят, вы бросили — пусть временно — театр из-за боязни конкуренции.

Беранже. Я считаю, что причина скорее — в необходимости внутреннего обновления. Смогу ли я обновиться? В принципе, да, в принципе, да, потому что мне не по душе разви-

тие событий. Новым или редким человеком может быть лишь тот, кто не одобряет развитие событий. Истина — всегда что-то вроде невроза... Она никогда не может быть здоровьем, в неврозе истина, истина завтрашнего дня по сравнению с очевидной истиной сегодняшнего. Все литераторы, почти все, и почти все драматурги изобличают зло, несправедливость, отчужденность, болезни вчерашнего дня. Они закрывают глаза на сегодняшнее зло. А прошлое зло больше изобличать нечего. Бесплезно демистифицировать то, что уже демистифицировано. Это конформизм. Так можно лишь скрыть новые болезни, новую несправедливость, новое мошенничество. Большинство современных писателей считают себя передовыми, а История тем временем их уже перегнала. Они глупы и трусливы.

Журналист. Минутку... Значит, вы все-таки занимаетесь театром, чтобы сообщить нечто важное? Важное, не понимаемое другими, но тем не менее важное... И, по-вашему, это важное...

Беранже. Увы! Это получается помимо моей воли. Я, впрочем, надеюсь, что за всей очевидной важностью того, что я скажу, будет нечто, чего я еще не знаю, но что еще проявится... может быть... само собой... через вымысел...

Журналист. Позвольте, я запишу: «Долой развитие событий... невроз... кафе... здравый смысл... мужество, интуиция... болезни... писатели глупы...»

Беранже. И потом, критика меня утомляет: и плохая, и хорошая. И театр утомляет, актеры утомляют, жизнь утомляет.

Журналист. Пишу: «утомляет... утомляет... утомляет...»

Беранже. Еще я спрашиваю себя, могут ли литература и театр действительно отразить невероятную сложность реальной жизни. Может ли кто-нибудь сегодня ясно понимать других или себя? Мы переживаем дикий кошмар: литература никогда не была столь же мощной, острой, напряженной, как жизнь, — а сегодня и подавно. Чтобы передать жестокость жизни, литература должна быть в тысячу раз более жестокой, более ужасной. Сколь бы жестокой литература ни была, она сможет передать лишь очень смазанный, очень смягченный образ подлинной жестокости; да и подлинного совершенства, кстати, тоже. Она не есть знание, ибо она есть штамп: то есть она сама себя делает заштампованной, мгновенно застывает, выразительные средства запаздывают, вместо того чтобы опережать. Как сделать, чтобы литература превратилась в интересное исследование реальной жизни? Воображения недостаточно. Реальность, та, которую здравомыслящие писатели, как они полагают, знают и отражают — а существуют ведь только здравомыслящие писатели, — так вот, эта реальность превосходит вымысел; ее не может объять сознание...

Журналист. Пишу: «Писать больше нельзя».

Беранже. К тому же, будь мы бессмертны, мы бы все смогли перенести. Я парализован, поскольку знаю, что умру. Это не новость. Это истина, о которой забывают... чтобы иметь возмож-

ность хоть что-то сделать. Я больше не могу ничего сделать, я хочу лечь от смерти. До свидания, мсье.

Журналист. Отлично. Благодарю вас за ценные заявления, которые, безусловно, живо заинтересуют наших воскресных читателей. Им будет чем развлечься. И благодарю вас от себя лично, теперь мне будет чем заполнить свою колонку.

Беранже. На первой странице. С фотографией, пожалуйста.

Журналист. Конечно, дорогой мэтр. Завтра вы получите чек.

Беранже. На какую сумму?

Журналист подносит ладонь ко рту, неслышно для нас называет Беранже сумму.

Хорошо, мсье. До свиданья.

Голова Беранже исчезает. Журналист уходит. Несколько мгновений сцена остается пустой. Слышится далекий гул самолета, который во время последующей сцены будет становиться все громче.

Справа появляется мадам Беранже — Жозефина — в синем пеньюаре с вышитыми на нем белыми звездами.

За ней появляется Дядюшка-доктор, за которым следует Служащий похоронного бюро. Служащий одет в черный костюм, черные перчатки, черный галстук, в руке — черный котелок.

Дядюшка-доктор — с сединою на висках, в сером костюме, с черным крепом на отвороте пиджака.

Дядюшка-доктор (*направляясь к Жозефине*). Жозефина! Жозефина!

Жозефина (*поворачиваясь*). Это вы, Дядюшка-доктор? Я думала, вы в Браззавиле...

Дядюшка-доктор. Никогда не был в Браззавиле.

Служащий похоронного бюро. Мадам Беранже, мадам Беранже...

Жозефина. Что вам угодно?

Служащий похоронного бюро. Прошу прощения, мадам Беранже, позвольте представиться — Служащий похоронного бюро. У меня для вас очень неприятное известие.

Жозефина. О, Господи!

Дядюшка-доктор. Совсем не неприятное, отнюдь, успокойся, малютка Жозефина. Наоборот, радостное.

Служащий похоронного бюро. Это зависит от точки зрения. Весть-то, может, и радостная, но для нас крайне неприятная.

Жозефина. Да что случилось?

Служащий похоронного бюро. Не пугайтесь, мадам, это ужасно.

Дядюшка-доктор (*Служащему похоронного бюро*). Позвольте мне самому сообщить новость моей племяннице. Нужно это сделать осторожно. Великая радость убийственна, как и великая скорбь. (*Жозефине*.) Мой брат, твой отец...

Жозефина. Я знаю, он, бедняжка, погиб на войне. Вы пришли мне сообщить, что привезли его тело?

Дядюшка-доктор. Но он больше не мертв, Жозефина.

Жозефина. Воскрес? Не шутите, Дядюшка.

Дядюшка-доктор. Не знаю, воскрес ли он. Но он жив, слово доктора. Может, его только приняли за мертвого. По ошибке. Во всяком случае, он поблизости и будет здесь с минуты на минуту.

Жозефина. Не может быть! Не может быть!

Дядюшка-доктор. Клянусь тебе!

Жозефина. Как он? Где он? Он похудел? Устал? Он болен? Ему грустно? Весело?

Служащий похоронного бюро. А мы-то, мы-то, мадам, нам что делать? Вы официально заявили о кончине вашего многоуважаемого отца, заказали погребение; все готово, мы дали объявление в газетах, понесли расходы.

Жозефина. О, бедный отец! Как я его давно не видела! Узнаю ли я его?

Дядюшка-доктор. Он стал еще моложе, чем перед сообщением о его смерти. Как на старой фотографии, перед уходом на войну. Конечно же, он похудел. Он бледен. У него длинные волосы. Он был ранен.

Жозефина. Отец, где ты? Я не могу больше ждать! Я хочу его видеть сейчас же.

Служащий похоронного бюро. Не торопитесь, мадам, сначала мы должны все уладить. Мы понесли значительный ущерб, как финансовый, так и моральный. Хорошая репутация нашей фирмы, основанной в 1784 году, за пять лет до вашей Французской Революции...

Дядюшка-доктор. Мы отменяем погребение, мсье...

Служащий похоронного бюро. И что мне делать со всеми похоронными принадлежностями?

Дядюшка-доктор. Они не пропадут. Есть же у вас другие заказчики.

Жозефина. Да, конечно, отменяю.

Дядюшка-доктор. Мы вам за все заплатим.

Служащий похоронного бюро. Этого недостаточно, мсье.

Дядюшка-доктор. К тому же приносим свои извинения.

Служащий похоронного бюро. Принимаю их, мсье, но и это не все. Мы публично сообщили о кончине, сделали себе рекламу, а погребение не состоится. Кто нам отныне доверится?

Жозефина. Хорошо. Тогда подавайте в суд, и мы вам возместим все убытки с процентами.

Служащий похоронного бюро. Такого никогда еще не было. Мы обратимся в Торговый трибунал. Затем в кассационный суд. Так полагается по закону. Я решительно протестую, решительно протестую. Я к вам направлю своего адвоката, судью и судебных исполнителей.

Жозефина. Ах, мсье, не сердитесь. Не будете же вы снова причинять ему зло.

Служащий похоронного бюро (*уходя*). Вы еще услышите обо мне, это так вам не пройдет. Я устрою скандал, все газеты об этом будут писать. (*Уходит.*)

Дядюшка-доктор. Проконсультируемся с нашим адвокатом. Не огорчайся, все уладится. Даже если газеты поднимут шум, всегда можно сказать, что произошло чудо. Что мы никого не обманывали.

Жозефина. Не стоило так торопиться с похоронным бюро... Надо скорее разослать извещения о воскресении... извещения о воскресении. Да где же он?

Дядюшка-доктор (*тычет пальцем в пространство*). Вот он, вот.

Жозефина. Отец, я хочу тебя обнять, покажись; я его не вижу, я тебя не вижу, где ты?

Дядюшка-доктор (*продолжая указывать в пустоту*). Да вот же, смотри, он здесь.

Жозефина. Покажись, отец, покажись. Пусть похоронное бюро недовольно, неважно. Мы все уладим. Покажись. Ну, покажись же!

Гул самолета стал нестерпимым. Он, разумеется, покрывает последующие возможные реплики Жозефины и Дядюшки-доктора, которых мы не слышим. Эти двое еще какое-то время о чем-то говорят, но из-за шума мы не слышим о чем. Сцена затемняется по мере нарастания гула, и наступает темнота. Шум от бомбы, летящей на домик Беранже, который в течение двух секунд мы видим озаренным взрывом. Если возможно, он охвачен пламенем.

Вновь полная темнота в течение нескольких мгновений, и гул самолета постепенно слабеет. Окончательно он затихнет после четырех-пяти последующих реплик. Свет. Дом превратился в груды дымящихся развалин. Сам Беранже стоит в единственном уцелевшем дверном проеме.

Слева Жозефина в небесно-голубом костюме классического покроя, с розой на лацкане и с черной кожаной сумкой. На голове розовая шляпка.

Рядом с Жозефиной мадмуазель Беранже, по имени Марта. На ней розовое выходное платье с вышитым круглым белым воротничком, белые туфли. В руке — белая сумочка. У нее длинные каштановые волосы, серо-зеленые глаза, чистый, довольно строгий профиль.

Англичане — в глубине сцены, спиной к публике.

Две пожилые дамы находятся в разных концах сцены. Ближе к середине, в глубине, 1-я и 2-я пары, каждая со своим ребенком. У Мальчика и Девочки в руках крокетные молотки. Все англичане неподвижны и смотрят в небо, как будто следят взглядом за самолетом.

В самом центре сцены — Джон Буль в своем всем известном характерном костюме. Джон Буль, единственный из англичан, не следит за самолетом. Как огромная марионетка, он медленно приподнимает свою характерную шляпу и вытирает ее изнутри от пота. Затем промокает лоб, кладет свой большой платок в карман, а шляпу вновь надевает на голову, при этом медленно поворачиваясь к публике, затем, завершив это движение, закладывает руки за спину и расставляет ноги.

В углу мадам и мадмуазель Беранже тоже не смотрят на самолет. Они беседуют.

Марта. Mamочка, ты так взволнована. Как бы мне хотелось увидеть дедушку во сне, чтобы узнать, каким он был, познакомиться с ним.

Жозефина. Я забыла, как мне его не хватает. Теперь я знаю, насколько мне тяжело было без него.

Марта. Зато у нас есть папа.

Беранже (*англичанам, глядя в небо*). Это немецкий бомбардировщик, уцелевший в прошлую войну.

Аггличане одновременно оборачиваются.

1-я англичанка (*показывая другим англичанам на свою дочку*). Она хочет быть певицей.

Жозефина. Конечно. Но — увы! — каждый человек незаменим. Потери образуют пустоту, которую нельзя заполнить.

Беранже (*англичанам*). К счастью, я стоял на пороге дома. Мне хотелось походить по свежей травке, под вашим июньским небом, таким прекрасно голубым, по-английски голубым.

Джон Буль (*мальчику*). А ты кем хочешь стать?

Мальчик. Летчиком.

2-й англичанин (*Беранже*). Да, весна у нас отменная.

2-я пожилая англичанка. Дождей меньше, чем обычно.

Джон Буль (*мальчику*). А почему летчиком, мальчуган?

Марта (*Жозефине*). Может, не стоит говорить папе о твоём сне.

Мальчик (*Джону Булю*). Чтобы сбрасывать бомбы на дома.

1-я пожилая англичанка (*1-й англичанке*). Пусть она нам что-нибудь споет.

Джон Буль (*девочке*). Спой нам красивую песенку, детка.

Девочка. Нет.

Все англичане (*вместе*). Спой нам что-нибудь.

Марта (*Жозефине*). Ах, какой пейзаж и долина... Посмотри, там английские дети.

Англичане (*девочке*). Спой нам красивую песенку.

Марта (*Жозефине*). А вот и папа. Он нас заметил. (*Беранже идет к Жозефине и Марте*.) Папа! Какая чудесная лужайка.

2-я пожилая англичанка (*указывая на Джона Буля*). Если не будешь петь, этот толстый господин тебя съест.

Беранже (*жене*). Видела, что со мной случилось?

1-й англичанин и 1-я англичанка (*девочке*). Спой, детка.

Жозефина (*Беранже*). Я тебя предупреждала. Надо было быть осторожнее.

2-й англичанин и 2-я англичанка. Спой, деточка.

Беранже. Я не виноват. Не я же сидел в самолете. Что я мог сделать?

Обе пожилые англичанки. Спой, девочка.

Жозефина. Надо было покупать дом покрепче, а не эту хижину из папье-маше, которая развалилась от чепухового снаряда. Жаль твои тетради.

Марта. Оставь его, мама. (*Беранже*.) Мы совершили прекрасное путешествие из Лондона. Все вокруг зеленое, мы видели речки,

городки, словно сделанные из игрушечного конструктора, а на дороге желтые и красные машины. Тебе спокойно работалось?

Беранже. Вполне. Если бы не самолет.

Жозефина. Лучшего оправдания не придумаешь, чтобы не работать.

Девочка неожиданно начинает петь. В сущности, она просто выводит трели, совсем как механический соловей.

Марта. О, маленькая англичанка запела! (*Новые трели.*) Она хорошо поет. Мне бы так.

Джон Буль (*девочке*). Очень красиво.

2-я англичанка. Это старинная песня нашего края.

1-я пожилая англичанка. Мне ее пел мой дедушка.

1-й англичанин. Мой дедушка мне тоже ее пел.

Джон Буль. Ее поют по всей Англии. Но в наших краях немного по-другому. Вот так.

Поет. Тоже издает совершенно такие же трели механического соловья. Начинают петь и все англичане. Только голос Джона Буля слегка пониже, а девочки чуть повыше.

Эта музыкальная сцена должна быть очень короткой. Режиссура не должна ее ни подчеркивать, ни усложнять. Поющие англичане должны успеть только обменяться парой улыбок. По сути они только открывают рот, а за них поет спрятанный механический соловей.

Мальчик дергает девочку за косички, и она оказывается лысой.

Семья Беранже. Ах!

2-я англичанка. Да-да, наша дочка — маленькая лысая певица.

Персонажи: англичане и семья Беранже — совсем не удивлены случившимся — все происходит вполне естественно. Только мать мальчика берет парик и передает его отцу девочки, тот — матери, а мать — девочке. Отец мальчика шлепает сына по руке и делает ему знак подойти к девочке. Мальчик подходит, целует девочку, затем двое маленьких англичан идут играть в крокет в угол сцены, откуда позже уйдут за кулисы. Джон Буль о чем-то говорит то с одной парой англичан, то с другой, с пожилыми дамами, постепенно они исчезают один за другим в кулисе; затем они будут по очереди появляться, пересекать сцену, вновь уходить. Их будет то меньше, то больше — достаточно, чтобы создать как бы движущийся фон. Последние указания относятся к сценическому движению этих персонажей во время последующего действия. Вместе англичане появятся лишь в определенный момент, который будет указан.

Марта (*говорит одновременно с Жозефиной и Беранже на фоне неторопливо прогуливающихся англичан, движения у всех медленные, чтобы придать большую мягкость пейзажу*). Посмотри, какая у мамы красивая шляпка.

Беранже (*Жозефине*). Она тебе очень идет, дорогая, особенно с этим небесно-голубым костюмом.

Марта. У мамы классический костюмчик. Ей идет все классическое. Правда, она хорошенькая? А это ты видел, папа? У нее на лацкане красная роза. Заметил?

Беранже. Я не такой рассеянный, как вы думаете.

Жозефина. Если бы Марта не сказала, ты бы и внимания не обратил.

Марта. Ах, мама, не надо. (*Беранже.*) Красивое сочетание цветов. У мамы есть вкус.

Беранже. Согласен. Все очень красиво. Кроме этой твоей черной кожаной сумки, которая совсем не в тон.

Жозефина. Ты же знаешь, что я не могу все сразу себе купить. Слишком дорого.

Марта. Мы видели красивую сумку для мамы в одной витрине на Пикадилли, светлую, не знаю точно, как назвать оттенок, с цветами, которые шевелятся, закрываются, раскрываются, опять закрываются, как настоящие, ну прямо кажется, что живые.

Беранже. Может, это были живые цветы...

Марта. Да, может, живые, а может, как на веере. Такая красивая! Как вам объяснить — я счастлива, когда вижу такое. Мне хочется, чтобы у мамы была эта сумка. Ты ей подаришь, ладно? На день рождения?

Беранже. Хоть завтра, если ей хочется.

Жозефина. Это не срочно. Если хочешь, на день рождения. Не надо все тратить сразу. Пока и этой сумки довольно, еще нужно твой дом восстановить. Где ты будешь работать?

Беранже. Об этом не беспокойся. Домов везде хватает, и в городах, и в пригородах, и у дорог, и в любой деревне. И даже на воде. Вот уж в чем нет недостатка. Подумать только, что есть люди, которые жалуются, что не знают, где им жить.

Жозефина. Людей больше, чем домов.

Беранже. Но не в деревне.

Жозефина. Ты считать не умеешь.

Марта. Люди могли бы жить в них по очереди.

Беранже. Не волнуйся из-за своего сна. Это не более чем сон.

Жозефина. Ты думаешь?

Беранже. Да, да, я уверен.

Марта (*Жозефине*). Ты не должна была ему рассказывать.

Жозефина (*Беранже*). Я не могу не волноваться. Ведь это мой отец.

Беранже. Понимаю, конечно. Но это просто значит, что ты очень любила отца, мечтала, чтобы он остался жив, и понимаешь, что это несбыточно, несбыточно. Только когда мы видим во сне наших умерших, то замечаем, до какой степени нам их не хватает, как не хватает.

Жозефина. Я это самое и говорила.

Беранже. Днем мы забываем. Не думаем об этом. Если бы наше сознание было ежеминутно таким же пронзительным, как во сне, мы не смогли бы жить. Ночью мы вспоминаем. День существует для того, чтобы забыть. Не позволяй снам тревожить тебя, посмотри лучше на траву...

Марта. Не плачь, мама. Папа прав.

Беранже. Посмотри на траву, на леса напротив, с той стороны долины. Порадуйся. Обернись...

Марта (*Жозефине*). Обернись...

Жозефина (*оборачиваясь*). Оставь меня, я могу и сама обернуться...

Беранже. Посмотри лучше на белые стены домов на краю города...

Марта. Они как бы растворяются в солнечном свете.

Жозефина. Красиво.

Марта. Это больше чем красиво.

Беранже. На небо посмотри.

Марта. Посмотри.

Жозефина. Да я смотрю, чего ты хочешь от меня?

Беранже. Смотри, смотри. Проникайся этим светом. Ты видела свет мягче? чище? свежее?

Жозефина. Да. Я всё думаю...

Марта. Не думай больше об этом, мама, не думай. Радуйся.

Жозефина. Да, я радуюсь.

Беранже. Там, у обрыва, очень красивый вид. Я возьму вас за руки, и мы прекрасно погуляем.

Марта (*беря за руку Беранже, Жозефине*). Дай ему руку.

Беранже (*Жозефине*). Дай руку и забудь все горести.

Жозефина, колеблясь, дает ему руку, или, скорее, Беранже сам берет ее за руку.

Жозефина. У меня столько домашних дел. Блины, салат на неделю...

Марта. Мама, ведь сегодня воскресенье. В воскресенье отдыхают.

Англичане появляются на сцене по одному или по двое, как будет указано ниже.

Они будут уходить в правую кулису, а появляться — если нужно — слева.

Тем временем задник с элементами оформления, которые также будут определены дальше, будет двигаться в ту же сторону, что и англичане. Семья Беранже будет идти или делать вид, что идет, в противоположном направлении.

На авансцене дети-англичане, играя в крокет, будут передвигаться в другую, чем их родители, сторону. Они будут уходить со сцены, потом появляться вновь. Или, может быть, они будут сначала доходить до одного края сцены, а затем — до другого, пока не покинут сцену окончательно.

1-я пожилая англичанка (*входя вместе со 2-й пожилой англичанкой*). Я была в стране, откуда не могла выбраться. Я жила там долго. Я никогда и не хотела уезжать, но я так испугалась. Когда я узнала, что мы там заперты, что я не могу оттуда уехать, я так испугалась. Я видела повсюду только стены. У меня была нервная депрессия: клаустрофобия. Главное не в том, что не можешь выйти, а в том, что знаешь об этом.

2-я пожилая англичанка. Понимаю вас, дорогая.

Пожилые дамы уходят.

Беранже, Жозефина и Марта идут по сцене от левой кулисы к правой. Слышен шум поезда и свистки локомотива. Вдали виден маленький поезд с красными вагончиками.

Марта. Смотрите, папа, мама, какой хорошенький, маленький поезд! Как игрушка.

Беранже. Посмотри, Жозефина, как игрушка...

Останавливаются посмотреть ненадолго, затем идут дальше.

1-й англичанин (*входя вместе со 2-м англичанином*). Я жизнь положил на то, чтобы собраться ее изменить. Ночью, когда не спалось, я твердил себе: «Завтра я все сломаю и все переменю».

2-й англичанин. Что именно?

1-й англичанин. Жизнь, мою жизнь. Я прожил жизнь другого человека.

2-й англичанин. Вы сдержали обещание?

Беранже. Вот такой поезд мне хотелось иметь в детстве. Увы, современным детям это больше не нужно, они любят лишь ракеты. Такой поезд — теперь архивная игрушка для старых эрудитов. Это можно понять лишь с помощью лживых реконструкций истории.

Марта. А мне бы хотелось куклу, которая сама ходит, делает пипи и разговаривает.

Жозефина. Ты уже взрослая для того, чтобы играть в куклы. Ты сделала уроки на завтра?

2-й англичанин. Вы сдержали обещание?

1-й англичанин. Просыпаясь поутру, я еще был полон решимости... Но после завтрака я тяжелею. И все откладывал на другой день. И так всегда — годы, годы и годы напролет.

2-й англичанин. Не надо было завтракать.

1-й англичанин. Теперь слишком поздно. Но я еще пытаюсь. Сколько завтраков получается за тридцать лет?

2-й англичанин. Нетрудно посчитать.

Уходят.

Беранже. Зачем погружаться в сожаления? Для чего?

Жозефина. У всех у нас есть сожаления; это ни к чему не приводит.

Марта. Мама права, сожаления ни к чему не приводят.

Беранже. Да, верно. Особенно, когда такая прекрасная погода, как сегодня.

1-я англичанка (*входит вместе со 2-й англичанкой*). Как вам его описать? Это грустный и уродливый город. Вы его знаете?

2-я англичанка. Ничего удивительного.

1-я англичанка. И вот случайно я наткнулась на эту улицу. Красоты необыкновенной. Во всем этом ужасном городе только одна улица, красивая и пустая, никому не известная. Можете по-

верить? В глубине башня. Господи, как это было прекрасно! Необъяснимо прекрасно. Как вам рассказать, как вам рассказать...

2-я англичанка. Не рассказывайте.

1-я англичанка. Когда слишком красиво, то становится больно.

Входит Джон Буль.

Беранже. Эта река берет начало в окрестностях Бата. Видишь, она устремляется к океану. *(Показывает рукой.)* Океан и порт вон там... Этот порт больше ливерпульского, но не такой мрачный. Это единственный английский город, у которого средиземноморские тона. Посмотри, внизу плывут торговые корабли. *(Слышны мелодичные звуки, голоса или что-то похожее на поющие голоса.)* Послушай!

Джон Буль. Судя по всему, нужно очень осторожно относиться к высказываниям поэтов. Они часто бывают правы. Они предсказывают, и все сбывается. Я предпочитаю колбасу. Я предпочитаю свою собаку.

Джон Буль уходит.

Жозефина. Я ничего не слышу.

Входит Журналист.

Марта. Да что ты, послушай...

Журналист. Надо отказаться от этого. *(Останавливается лицом к зрителям.)* Нужно все-таки от этого отказаться. До какого, собственно, возраста у человека могут быть только высокохудожественные интересы? Искусство, литература — это несерьезно. Искусство потеряло свою силу, да и была ли она у него? Хотя оно не глупее всего остального.

Журналист уходит.

Жозефина. Да, верно! Что это за музыка? Эти красивые голоса?

Беранже. Это корабельные сирены.

Жозефина. Корабельные сирены. Да, но их включают матросы.

Они продолжают прогуливаться и замечают с другой стороны, среди леса, среди степей с неподвижными коровами, дворец в фантастическом стиле, с башенками; виден поезд зубчатой железной дороги с разноцветными вагонами; задник продолжает разворачиваться, на вершине противоположной горы видна маленькая Эйфелева башня, улетающий в небо красный воздушный шар, голубое озеро, водопад, станция канатной дороги, видна небольшая ракета с мигающими огоньками и т.д., потом вновь — леса с деревьями и цветами.

Разглядывая все это, семья Беранже ничего не комментирует, лишь восклицая: «Ах! Ох! Смотри, какая красота!»

Тем временем в направлении, противоположном перемещению задника, передвигаются англичане, разговаривая между собой.

1-я англичанка. Он был черен, черен, черен. Вы не можете себе представить, как он был черен. Черный, как лондонский снег. Это мое собственное сравнение.

2-я англичанка. Я тоже иногда видела во сне, что гуляю по сказочным городам. Одна, совершенно одна.

Англичанки уходят. Входят Журналист и Джон Буль.

Марта. Ах, какая прелесть!

Журналист. Существует человек созерцательный: он стремится приспособиться к миру. Существует человек деятельный, этот стремится приспособить мир к себе. Каково же решение верное?

Джон Буль. Нужно, чтобы и мир, и человек сделали шаг навстречу друг другу.

Уходят.

Жозефина. Просто чудесно!

1-й англичанин (*вновь появляясь вместе со 2-м англичанином*). Раньше, чтобы добраться до малых островов, нужно было много времени. Путешествие на острова! Недели в пути. Климат, в которыйходишь постепенно, не сразу. Там говорили на неизвестных языках. И лица у них были удивительные. Даже на поезде уходило много времени. В мире было просторно, ничего не скажешь.

2-й англичанин. Теперь простор нужно искать в другом месте.

Беранже. О!

1-й англичанин. И лица все одинаковые. Как у гусей.

Уходят.

2-я пожилая англичанка (*вновь появляясь с 1-й пожилой англичанкой*). Наверное, не чувствуешь, как стареешь. Об этом вам должны сказать другие. Сама не замечаешь. Когда это случится, я хочу, чтобы мне сказали. Хочу знать.

1-я пожилая англичанка. Нужно привыкнуть к мысли о том, что умрешь. Это прилично. Надо уходить воспитанно. Надо иметь время попрощаться. И не очень плакать.

Жозефина (*глядя вокруг в лорнет*). О!

2-я пожилая англичанка. Дорогая, говорят это совсем несложно. Привыкаешь сразу. Даже удивительно. Можно сразу, мгновенно от всего отказаться, в любой момент.

Семья Беранже (*вместе*). О-о-о! Посмотри, как красиво!

1-я пожилая англичанка. Невероятно. Вы так думаете?

Жозефина (*смотря вокруг*). Невероятно.

2-я пожилая англичанка. Уверяю вас, это очень просто. Надо только закрыть глаза. И все постепенно уйдет.

Беранже (*смотря вокруг*). О!

Марта (*смотря вокруг*). О! А!

1-я пожилая англичанка. Нет, я не могу к этому привыкнуть. Может, вы и правы, может быть... Но я не могу привыкнуть. Разумеется, просто момент еще не наступил, а позже я привыкну. Когда состарюсь.

Уходят.

Жозефина (*останавливается, по-прежнему глядя в лорнет*). Как все-таки красиво.

Все англичане, вышедшие ранее, возвращаются на сцену, кто с правой стороны, кто — с левой. Среди них, сначала незаметный, — Прохожий из антимира, одетый по старинной моде, с седыми бакенбардами.

Тем временем на левом краю сцены появляется скамейка, на которую лицом к зрителям садится семья Беранже — сам Беранже посередине. Они держат руки на коленях, как на провинциальных семейных фото начала века.

Англичане встречаются в центре сцены, обмениваются приветствиями, расходятся. Дети вслед за родителями уходят со сцены. Те, кто проходят мимо скамейки, приветствуют семью Беранже.

На сцене остаются семейство Беранже и Прохожий из антимира, которого никто до сих пор не замечал. Прохожий медленно направляется к скамейке, вот рту у него — перевернутая трубка.

Марта. Посмотрите, этот господин не такой, как все.

Жозефина. Какой господин?

Марта. Вот этот одинокий господин.

Беранже. Действительно. (*По мере неторопливого приближения Прохожего.*) Он одет по старинной моде.

Жозефина. Да о каком господине вы говорите?

Марта. Об этом старом господине. У него седые бакенбарды.

Беранже. Да, у него седые бакенбарды. (*Прохожий совсем рядом с Беранже, приближается к ним, их не замечая, и проходит так близко, что все, кроме Жозефины, откидываются и подбирают ноги под скамейку.*) Осторожно!

Марта. Видишь, он невежливый, этот господин. Мог бы извиниться. Обычно англичане вежливее.

Прохожий, все не замечая семьи Беранже, в таком же темпе возвращается обратно.

Жозефина. О каком господине вы говорите? У вас галлюцинации.

Марта. Да нет же, нет. Ты что, не видишь его — с перевернутой трубкой? И дым еще идет вниз, а не вверх?

Беранже. А, я знаю!

Прохожий идет вглубь и внезапно исчезает в долине.

Марта. Он растаял в воздухе.
Жозефина. Видите, это галлюцинации.
Беранже. И да, и нет, и да, и нет.
Марта. Может, он упал?

Перед тем, как Прохожий из антимира исчез, все трое Беранже встали со скамейки и сделали к нему несколько шагов.

Беранже. Он не растаял в воздухе. И не упал. «Упал» — это только так говорится. Он идет дальше. Мы больше не можем его видеть. Это существо не из нашего мира. Он рядом с нами, но он не из нас. Он из антимира; он прошел сквозь стену.

Жозефина. Какую стену?

Беранже. Через невидимую стену. Невидимую, но и непрозрачную.

Прохожий из антимира ненадолго появляется над долиной, он заложил руки за спину, потом опять скрывается из виду.

Марта. Опять! Смотри!

Беранже. Теперь ты его видела?

Жозефина. Вы меня с ума сведете.

Марта. Он опять пропал!

Беранже. Он перешел границу. Вернулся к себе.

Жозефина. Куда это, к себе? И кто он?

Беранже. Этот господин — из антимира. Он вернулся в свой мир, в антимир. Я иногда замечаю его по утрам, должно быть, в то время, когда он совершает свою ежедневную прогулку и ему, по всей видимости, приходится проходить через какое-то место, где в его антимире есть просвет, дыра, нейтральная полоса, междумирье. (Марте.) Ты теперь понимаешь, почему он нас не видит и почему не извинился, проходя мимо?

Жозефина. В любом случае, его существование нельзя принимать во внимание. Даже если оно реально. Это несерьезное знакомство.

Марта. Что такое антимир, папа?

Беранже. Антимир, антимир, как объяснить? Нет доказательств, что он существует, но, думая о нем, находишь его в своих собственных мыслях... Антимир не один. Существует много миров, переходящих один в другой.

Марта. Сколько?

Беранже. Огромное множество. Неопределенное количество множеств. Эти миры взаимопроникают, накладываются друг на друга, не соприкасаясь, так как они могут сосуществовать в одном и том же пространстве.

Жозефина. Как так?

Беранже. Это трудно представить, конечно. Но это так.

Марта. Это так, раз он говорит.

Жозефина. Так как же можно обнаружить пришельца из этих миров?

Беранже. Вообще это случается очень редко и происходит, насколько я знаю, из-за какой-то ошибки в переводе стрелки на пугтах.

Марта. Каждый может ошибиться, переводя стрелку... Любой — в любом мире.

Слева входит 1-я англичанка.

Жозефина. Этого недостаточно. Нет ли других доказательств?

Беранже. Я же тебе говорю, что доказательства — в уме, в том, к чему мы приходим, размышляя.

Марта. Мы к ним приходим, размышляя, мы вымышляем эти миры, он же сказал.

1-я англичанка. Вы ищете доказательства? Извините, что вмешиваюсь в беседу. Я хочу вам помочь. Существуют видимые доказательства.

Жозефина. Спасибо.

1-я англичанка. Я сама видела в Ирландии и в Шотландии в зеркалах очертания местностей не из нашего мира.

Марта. Правда?

Беранже. Вот видишь?

Жозефина. А какие они, эти местности? Вы нам можете их описать?

1-я англичанка. Они неопишуты.

Жозефина. Надо было, чтобы вы нам принесли одно из таких зеркал.

1-я англичанка. А зачем? В Ирландии у воздуха, а в Шотландии у воды есть определенные свойства, позволяющие отражать картины. Если посмотреть в это зеркало за пределами Ирландии или Шотландии, этот феномен исчезает.

Жозефина. Странно. Так хочется. Однако эти исчезновения и явления, которые вновь исчезают...

Беранже. Чтобы получить более точные объяснения, надо обратиться к ученому. Мне нечего больше об этом сказать.

Справа входит 1-й англичанин.

1-я англичанка. Это мой муж. (Мужу.) Покажи свое ирландское зеркальце.

1-й англичанин вынимает из кармана зеркальце. Остальные смотрят на него с некоторого расстояния.

Жозефина. Ничего не видно.

Беранже. Конечно, ничего не видно. Это доказывает, что нужно ехать в Ирландию, чтобы увидеть эти неопишутые пейзажи в зеркалах. Это доказывает, что доказательства существуют.

Марта. Конечно, это доказательство, которого ты хотела.

1-й англичанин с женой уходят, подзывая своего сына.

1-я англичанка. Тони, будь умником. Не дергай маленькую певицу за волосы.

1-й англичанин. Иначе я тебе надеру уши.

Уходят.

Семейство Беранже продолжает прогуливаться. Они идут очень медленно; задник разворачивается быстрее. Одновременно с уходом англичан на другой стороне сцены появляются и тут же исчезают профиль, трубка и рука Прохожего из антимира.

Жозефина. Смотрите! Это он? Я его видела!

Марта. Да, это он.

Беранже. А, заметила!

Жозефина. Но все же очень просто. Я могу его описать. Не понимаю, почему эта англичанка говорила, что то, что она видела,—неописуемо. Это доказательство против нее. Значит, это не настоящее доказательство. Я видела руку, трубку, профиль, кепку...

Марта. Нет, не кепку. Большую шляпу.

Беранже. Тише, этот человек не такой, каким мы его видим. Мы не можем знать, какой он в действительности.

Входит Джон Буль с толстой сигарой во рту. Он пересекает сцену и уходит, не произнеся ни слова.

Даже если он из самого близкого к нам антимира, даже в этом случае у него не могут быть седые волосы — только черные. Мы можем уловить лишь его негативное изображение. Если нам он кажется старым, то, вполне возможно, на самом деле он молод. К тому же, что значит «на самом деле» или «в действительности»? Давайте говорить только о нашем мире.

Последние слова он произносит, глядя на дочь.

Жозефина. Так будет лучше.

Беранже. Ты еще слишком мала, чтобы все это понять. К тому же воскресенье не самый подходящий день для философствования.

Марта. Но раз мы его видим, значит он — привидение?

Слева входят две пожилые англичанки.

Беранже. Существует поверье, что, когда люди умирают, они отправляются в антимир.

1-я пожилая англичанка. Имеются факты, подтверждающие это поверье. Как только человек умирает и его кладут в гроб, труп исчезает.

2-я пожилая англичанка. Этим объясняется то, что гробы такие легкие. Куда деваются трупы?

Слева входят 2-й англичанин и 2-я англичанка.

2-й англичанин. Куда деваются трупы? Привидений не бывает.

Справа входят 1-й англичанин и 1-я англичанка.

1-я англичанка. Привидений не бывает.

Беранже. Те, кто покидают этот мир, навсегда уходят — «уходят», это только так говорится, — в антимир, где живут с антиголовами...

2-я англичанка. У них антиголовы.

Слева входит Джон Буль.

Джон Буль. Антиголовы, антиконечности, антиодежда, античувства, антисердца.

Беранже. Если и удастся кого заметить, то только случайно, — как этого псевдогосподина, который только что тут прошел.

1-я англичанка. Если не бывает привидений, то бывают пришельцы.

2-я пожилая англичанка. Или переходжане.

1-я пожилая англичанка. Они переходят случайно через маленький кусочек нашего мира, всего за несколько секунд, даже не замечая этого.

1-я англичанка. А может быть, мы сами в этот момент переходим через их мир.

2-я англичанка. Не замечая этого.

Джон Буль. В таком случае, какими мы им кажемся? Никакими, никакими.

Жозефина. Эти пришельцы — лишь образы, порожденные фантазией ветра.

Все англичане (*вместе*). Судя по всему, эти пришельцы — лишь образы, порожденные фантазией ветра.

1-я англичанка. Образы, порожденные фантазией ветра.

Англичане расходятся и уходят со сцены.

Беранже. Да нет, нет же. Негатив нашей вселенной существует, и у нас есть доказательства, или, вернее, свидетельства, языковые доказательства.

Жозефина. Какие языковые доказательства?

Беранже. Ну, например, выражение «мир иной»... Хотя большинство людей не знают происхождения этой фразы...

Беранже, Жозефина и Марта стоят в центре сцены.
На авансцене, между Беранже и зрителями, или на заднике, появляются предметы, которые называет Беранже.

...Может быть, удастся получить смутное представление об этом мире, когда видишь отражающиеся в воде башни замка, муху, сидящую на потолке вниз головой, текст, написанный справа налево и снизу вверх, анаграмму (*она может быть представлена картиной из переплетенных заглавных букв*), жонглера, акробата или солнечных лучи, которые преломляются, разбиваются, рассыпаются в цветную пыль, пройдя через хрустальную призму, чтобы вновь собраться, видишь, на этой стене, на этом экране, на твоём лице, как яркий ровный свет... и наоборот... К счастью, центр нашей вселенной не сталкивается с центром антимира...

Марта. А что было бы?

Беранже. В это мгновение была бы аннигиляция, полное взаимное уничтожение. Пессимисты считают, что одна за одной будут уничтожены все вселенные. Может быть, так все и закончится.

Марта. Ты думаешь? Это ужасно. И что? Ничего не будет?

Беранже. Все начнется с начала.

Жозефина. Послушай, дорогой, по-моему в последнее время ты слишком много пьешь. Это мешает тебе работать.

Беранже. Отнюдь. Что я сейчас делаю?

Жозефина. Или же на тебя влияет та низкопробная литература, пример которой ты нам привел.

Марта. Оставь его. Он свободный человек.

Жозефина. Хватит болтать, давай лучше походим по траве. Трава освежает мысли.

Беранже. Погуляем, давайте погуляем.

Он берет за руки Жозефину и Марту. Они идут в глубь сцены, где стоит дерево или куст в цвету. Жозефина — слева от Беранже, Марта — справа. Вдруг слева от Жозефины появляется небольшая, украшенная цветами розовая колонна.

Жозефина (*слегка испуганно*). Что это такое?

Беранже. Колонна, ты же видишь.

Марта. Она шатается.

Беранже. Она учится стоять.

Жозефина. Ее только что здесь не было.

Беранже. Конечно, она возникла из небытия. Видишь, она еще совсем свеженькая.

Жозефина. Что такое небытие?

Беранже. Это рабочая космическая гипотеза.

Пока он говорит, Марта собирает маргаритки вокруг.

Нельзя сказать, что оно существует, ибо, если бы оно существовало, оно бы не было небытием. Это что-то вроде ящика, в который входят и из которого выходят все миры. И вместе с тем, он очень маленький, меньше, чем самая маленькая ямка, меньше, чем на-

персток, меньше, чем сама малость, потому что у него нет изменений. Понимаешь, эти разрушенные дворцы, от которых остались одни руины, исчезнут со временем полностью, но, может быть, — и в этом и скрыта надежда — пройдя через небытие, все восстановится, возродится на той стороне. Но, разумеется, наоборот, потому что это будет другая сторона. Процесс возрождения, вероятно, уже начался; руины, камни исчезают, чтобы восстановиться в том мире. И вещи это чувствуют, иначе чем же еще объясняется эта атмосфера веселья, атмосфера торжества вокруг (*обводит рукой*), красота этого дня?

Дерево, стоящее в глубине, к которому направлялось семейство Беранже, внезапно исчезает.

Марта. Дерево исчезло. Куда оно делось?

Беранже. Его, вне всякого сомнения, засосало небытие.

Жозефина. Это уж слишком!..

Беранже. Напротив, вполне естественно.

Жозефина. Как ты это объяснишь?

Беранже. Так восстанавливается равновесие.

Жозефина. Какое равновесие?

Беранже. Я хочу сказать, мировое и сверхмировое равновесие. Когда что-нибудь исчезает (*колонна исчезает*), другое должно появиться (*появляется дерево*). Ибо все эти предметы принадлежат космосу, они посчитаны, существует множество бесконечностей, но внутри бесконечностей содержатся конечные пределы... границы бесконечного.

Марта. Я поняла, мама. Папа нам рассказывает о множественно-универсальном исчислении.

Вновь исчезает дерево и появляется колонна.

Беранже. Исчисление в действии: раз (*колонна исчезает*), два (*появляется дерево*). Раз, два!

Марта. Как забавно!

Жозефина. Ты находишь?

Беранже. Раз! (*Одновременно исчезают дерево и куст.*) Смотрите! Два! (*Дерево и куст появляются.*) Ошибка в счете, учетчик дал промашку... или бутафор.

Появляется Прохожий из антимира.

Марта. Это из-за него, из-за него все запуталось.

Жозефина. Вот бессмыслица.

Прохожий из антимира пропадает, дерево и колонна тоже.

Нет, смотрите, все не по правилам, правила нельзя установить.

Беранже. Все-таки можно. Раз!

Жозефина. Да нет, посмотри же.

Возникает дерево.

Беранже. Вот видишь, я говорил.
Марта. Папа тебе говорил.

Два или три раза по очереди исчезают и появляются дерево и колонна.

Жозефина. Все же это раздражает. Что они делают?

Беранже. Ты сама должна выбрать. Решайся, это несложно.
Что тебе больше нравится?

Жозефина. Вот это. *(Показывает на колонну — и колонна остается.)*

Беранже. Тогда оставь себе эту колонну. Я тебе ее дарю.

Жозефина. Спасибо. А как ее удержать?

Марта. Твое желание способно удержать ее!

Беранже. Граница небытия невидима, ее можно легко перешагнуть. Гляди. *(Появляются, затем вновь исчезают нога и трубка Прохожего из антимира.)* Смотри. *(Появляется и исчезает Прохожий из антимира, без головы и без трубки.)* Видишь.

Жозефина. Хватит докучать мне с ним, я уже говорила тебе, что не хочу его видеть.

Беранже *(в сторону)*. Подумать только, что некоторые представляют себе небытие как громадную черную пустоту, бездонную пустоту. А ведь небытие — ни черное, ни белое, для того, чтобы быть бездонным, ему понадобилась бы уйма пространства.

Жозефина. Я тебе уже сказала, не хочу его больше видеть. Из нашего он мира или из какого другого, но он раздражает меня со своей трубкой.

Беранже *(по-прежнему в сторону)*. Небытие — ни черное, ни белое, оно не существует, оно повсюду.

Жозефина. Где вы, друг мой? В небытии или уже по ту сторону? Я с вами говорю, а вы не отвечаете.

Беранже. Как тебе удастся проникать в мои мысли?

Жозефина. Я ведь внимательная. Я слушаю тебя. Я-то тебя слушаю.

Беранже. Однако я ничего вслух не говорил. Даже губами не шевелил.

Жозефина. Это не мешает слышать, когда очень хочешь.

Марта *(подходит с букетом маргариток)*. На тебя достаточно посмотреть, чтобы угадать все твои мысли. У тебя такое выразительное лицо. Тебе нужно было стать киноактером, или мимом, или обезьянкой. Мои цветы тебе нравятся?

Беранже. Они такие живые и трепетные.

Марта. Хочешь цветок? *(Вставляет ему цветок в петлицу.)* Это самый красивый. *(Поворачивается к Жозефине.)* А ты хочешь один или два? *(Прикрепляет цветы к шляпке Жозефины.)*

Беранже. Не могу устоять перед проявлениями нежности.

Ах, если бы все были как ты! Мы бы жили безмятежно. Жизнь стала бы возможной, и умереть можно было бы мирно, без сожалений. Когда живешь весело, можно весело и умереть. Нужно всегда любить друг друга.

Жозефина. Такое иногда случается.

Марта. Я вот всегда люблю.

Беранже. Что ты любишь?

Марта. Люблю... Не знаю что... Но люблю. Все так прекрасно вокруг.

Беранже. Ты права. Но это забывается. Чаще всего об этом не помнишь. Напомни мне, когда увидишь, что мы с мамой озабочены.

Жозефина (*Марте*). Не урони цветы. (*Беранже*.) А куда мы дома поставим колонну? На балкон или во двор?

Беранже. Я еще никогда не чувствовал себя таким отдохнувшим, таким счастливым. Никогда не ощущал такой легкости. Что со мной? (*Пока он говорит с Мартой, пейзаж изменяется, колонны незаметно исчезают*.) Это благодаря тебе. Ты права.

Жозефина. Я думаю, тебе пошел на пользу воздух. Кислород. Тебе надо почаще жить за городом. Врач тебе говорил. А потом ходьба помогает, это известно.

Беранже. Конечно, ты права, конечно, ты права. Я вижу все будто в первый раз. Я только что родился.

Жозефина. Отныне тебе нужно лишь смотреть вокруг широко раскрытыми глазами.

Беранже. Это как бы одна из забытых радостей жизни, забытых, но хорошо известных, как что-то, что всегда мне принадлежало, что я теряю каждый день и что все-таки никогда не теряется. А когда нахожу, то сразу узнаю. Именно так.

Жозефина (*Беранже*). Успокойся. Незачем скакать как ребенок.

Марта. Ах, это неважно. Его никто не видит. Англичане ушли.

Жозефина (*Беранже*). Ты говоришь немного непонятно.

Беранже. Наоборот, я говорю вполне конкретно. Это физическая легкость. Я ее ощущаю вот здесь. Мои легкие наполняются воздухом более невесомым, чем обычный воздух. Пары ударяют мне в голову. Дивное опьянение! Дивное опьянение! Вы его тоже чувствуете? Вы его тоже чувствуете?

Жозефина. Может быть, в некоторой степени.

Марта. А я сильно.

Жозефина. Тебя это не тревожит? Боюсь, есть в этом что-то тревожное.

Беранже. Меня сейчас ничто больше не тревожит. Абсолютно ничто.

Жозефина. Тем лучше для тебя. Подольше бы так.

Беранже. Я опьянен уверенностью.

Жозефина. Какой уверенностью?

Марта. Не задавай ему больше вопросов, мама, это может поколебать его уверенность.

Беранже. Уверенность, уверенность, сам не знаю, какая уверенность. Я уверен в том, что это — уверенность.

Жозефина. Значит, это не уверенность, поскольку она неуверенна и неопределенна. Для уверенности характерна точность.

Беранже. А для меня, а для меня точно очерченная уверенность таковой больше не является, поскольку у нее есть границы, поскольку она под угрозой отрицания. К тому же нет ничего менее точного, чем точность.

Жозефина. Ты должен перечитать Декарта.

Беранже. Что значит слово «точность»?

Жозефина. Ты говоришь на очень странном языке. У тебя слова теряют смысл. Их не узнаешь.

Марта. Я узнаю.

Жозефина. Замолчи. Ты не должна бездумно соглашаться со всем, что он говорит, только потому, что это твой отец. (Беранже.) Лишь ты сам можешь себя понять, да и то...

Марта. Я его понимаю.

Жозефина. Ты безнадежна.

Беранже. Ну и что, если я сам себя не понимаю? Я был бы менее счастлив, если бы понимал.

Жозефина. Должна же быть какая-то причина всего этого.

Беранже. Может, и есть причина. Пошли, пошли.

Марта. Пошли. Дай мне руку, папа, дай руку, мама.

Они подходят друг к другу, берутся за руки и делают несколько шагов в глубь сцены. На заднике, который разворачивался, пока они разговаривали, были видны разные пейзажи; сейчас на нем показался очень большой серебряный мост.

Беранже. Вот она, вот она, причина! Все из-за нее. Смотрите! Смотрите!

Беранже отбегает на несколько шагов в сторону моста.

Жозефина. Куда ты?

Марта. Подожди нас. Куда ты бежишь? Не уходи!

Жозефина. Подожди нас!

Жозефина и Марта замечают мост, вскрикивают.

Жозефина и Марта. О! Какая красота!

Жозефина. Прелесть!

Марта. Видишь, он был прав.

Жозефина. Да, Беранже, ты не ошибся.

Серебряный арочный мост, переливающийся на свету, перекинут через пропасть. Он похож на корабль, воздушен, кажется подвешенным очень высоко над рекой, над сверкающими холмами.

Марта и Жозефина подходят и любуются.
Англичане с детьми входят слева и справа. Тоже смотрят на мост. Однако они спокойнее, гораздо спокойнее, и комментарии их рассудительны.

Беранже. Теперь я понимаю, понимаю причину этой радости. Вот почему я вдруг почувствовал себя таким легким.

1-й англичанин (*входя слева*). О!

1-я англичанка. А!

2-й англичанин (*входя справа*). А!

2-я англичанка. О!

Джон Буль (*входя слева*). А! О!

Мальчик (*входит с родителями*). Что это за махина?

1-я пожилая англичанка. Не надо говорить «махина». Нужно сказать «большой серебряный мост».

Журналист (*входит справа*). А, вы здесь, господин Беранже? Можете что-нибудь сказать про мост?

Жозефина. Оставьте его, мсье, он не инженер и не архитектор и не разбирается в конструкциях.

Журналист. Извините, мадам, очень жаль. (*Отходит.*)

Марта. Ничего не видно. Англичане заслонили.

Жозефина. Отойдите, дамы и господа, мы его первые заметили.

Все англичане, один за другим, произносят: «Ай эм сорри» и отходят в сторону. Девочка тоже говорит: «Ай эм сорри». Мальчик молчит.

1-я англичанка. Или ты скажешь: «Ай эм сорри», или я тебя отшлепаю.

Мальчик. Не хочу говорить: «Ай эм сорри».

1-я англичанка (*Жозефине*). Ай эм сорри.

Серебряный мост, который был заслонен англичанами, появляется снова, еще ярче и красивее. По ту сторону холма, недалеко от опоры моста, видна станция канатной дороги, разноцветные вагончики. Серебряная арка должна усиливать и отражать свет солнца, свет неба.

Жозефина. Почему они так удивлены? Этот мост ведь у них, они могут на него смотреть каждый день.

1-й англичанин. Мы смотрим на него только в праздничные дни, этого достаточно.

2-й англичанин. А во Франции на него бы вообще не посмотрели.

Маленькие машины начинают на большой скорости снова через мост. Солнечный свет отражается от их стекол тысячью многоцветных бликов.

Марта. Что это за огоньки? Они похожи на сверкающие движущиеся бриллианты.

Беранже. Это, без сомнения, знаменитые светящиеся частицы, которые ученые называют «фотонами».

Журналист. Вообще-то говорят, что все французы ротозеи.

Марта. Это правда?

1-я англичанка. В Америке тоже есть гигантские мосты, но американцы переезжают через них с закрытыми глазами.

Жозефина. Ты сделаешь ее еще глупее, чем она есть. Она принимает твои слова всерьез.

2-я пожилая англичанка. Поэтому и происходит столько несчастных случаев, и они падают.

Марта. Я прекрасно знаю, что он шутит.

1-я пожилая англичанка. В России тоже такие есть.

Джон Буль. Я еще видел два таких в Австралии.

Жозефина. Когда он не шутит? Вообще-то лучше, чтобы он шутил. Если он не говорит глупости, значит, загрузил.

1-я пожилая англичанка. Но здесь таких нет. Похоже, никто ими не интересуется.

Джон Буль. Интересуются только пользой, которую они приносят.

Марта. Ты часто грустишь? Ох, я тоже грущу, когда тебе грустно.

1-я англичанка. И получается, что моста больше нет.

2-я англичанка. Осознание полезности разрушительно.

Беранже. Я грущу, когда думаю, что годы уходят впустую, как мешки, из которых все высыпали. Я грущу, когда думаю, что нам придется расставаться друг с другом и с самими собой. Но грусть бесплодна. (*Весело, подпрыгивая.*) Сегодня меня переполняет счастье, я лопаюсь от радости.

Говоря все это, Беранже подпрыгивает и размахивает руками, как крыльями.

2-я англичанка. В каком смысле разрушительно?

2-й англичанин. Оно все разрушает.

Джон Буль. Восхитительное английское сооружение.

Журналист. Эпохи Марии Стюарт.

Жозефина (*вынув из сумочки лорнет, чтобы придать себе внушительности*). Осторожней! Осторожней! На тебя смотрят.

Действительно, англичане повернулись лицом к публике и смотрят на Беранже довольно неодобрительно.

Успокойся. Ты перевозбудился. Для этих широт у тебя слишком южный темперамент. Здесь так не принято. Это смешно.

Журналист. Его, наверное, отравировали.

1-я пожилая англичанка. В наше время таких не строят.

Беранже (*скачет, прыгает*). Извини, Жозефина. Извини. Извините меня, дамы и господа. Я не могу больше сдержаться своей радости. Она меня переполняет.

Джон Буль. Он не может сдержать радости.

1-й англичанин. Радость его переполняет.

Беранже. Она меня влечет за собой и уносит.

Англичане. Радость его влечет за собой.

Англичанки. Она его уносит.

1-я англичанка (*мальчику*). Видишь, этот господин — француз.

Девочка. Почему этот господин подпрыгивает?

Беранже. Я переполнен, увлечен, я унесен и приподнят над землей.

Действительно, ноги Беранже на несколько сантиметров оторвались от земли.

Жозефина. Не кричи так, Беранже.

Беранже. Мои подошвы едва касаются травинок на лужайке!

Жозефина. Да что ты делаешь? Остановись!

Беранже (*англичанам*). Вы заметили?

1-й англичанин. Он выглядит счастливым.

1-я англичанка. Что он делает?

Журналист. Он очень быстро идет.

2-я англичанка. Он будто скользит. Да, он скользит.

2-й англичанин. Полагаю, он изображает лыжника или конькобежца.

1-я пожилая англичанка. Он веселится, потому что сегодня воскресенье.

2-я пожилая англичанка. В воскресенье надлежит веселиться. Но он не должен делать таких безрассудных жестов.

Жозефина. Они говорят, что ты лишился рассудка.

Мальчик. Кажется, он стал выше ростом. Те, кто уже выросли, тоже растут. (*Своей матери*.) Когда вырос, еще растешь?

Джон Буль. Не исключено. Не исключено, что он подрос на шесть-семь сантиметров, не больше. В Англии такое бывает. (*Жозефине*.) Не беспокойтесь, мадам.

Жозефина. Это невозможно. Безумие какое-то.

Журналист. У нас никто этого и не заметит. Мы в большинстве своем очень высокие. Гораздо выше, чем он.

2-й англичанин. До нас он никогда не дорастет.

1-й англичанин. А если, в крайнем случае, и дорастет, то ненадолго. (*Беранже вновь стоит на земле*.) Видите, он опять среднего роста. (*Беранже опять приподнялся над землей*.)

Марта. Как забавно! Папа ходит над полянкой. На самом деле, над полянкой.

Жозефина. Замолчи. Ты с ума сошла. Над нами будут смеяться.

Дети начинают слегка подпрыгивать.

1-я англичанка (*сыну*). Веди себя хорошо. Что ты делаешь?

2-я англичанка (*дочери*). Не нужно скакать, воспитанные люди так не поступают.

1-й англичанин. Всему виной плохое воспитание в наших школах. Не то что раньше.

Жозефина. Беранже, ты показываешь очень дурной пример.

Марта. Да, да, он идет над полянкой. (*Жозефина смотрит в лорнет на ноги Беранже.*) Посмотри на траву, посмотри на его ноги.

Жозефина. И верно. (*Беранже.*) Это же неприлично, послушай, что все это значит? Перестань, Эрбер!

1-я пожилая англичанка. Он так выражает свой восторг. (*Жозефине.*) Оставьте его, мадам, ведь ему это доставляет удовольствие.

Джон Буль. Есть тысяча способов выразить восторг. С другой стороны, его не должно выражать.

1-й англичанин. Мы предпочитаем сдержанность.

Журналист. Это черта его характера. Запишу.

1-я англичанка. Он художник.

1-я пожилая англичанка. Я нахожу это оригинальным. Очаровательным.

Джон Буль. Я другого мнения.

1-й англичанин. Он гость.

Жозефина. Эрбер! Эрбер!

1-й англичанин. Он гость, не надо настаивать.

Жозефина. Тридцать сантиметров над землей! Над нами будут смеяться! Ты нас выставляешь на посмешище.

Джон Буль. Я нахожу, что это все-таки неблагоприятно.

Пожилые англичанки подпрыгивают, как птички.

1-й англичанин. Странно для человека с континента. Он должен был бы твердо стоять на земле.

2-й англичанин. Может быть, это болезнь, которую они называют пляской Святого Витта?

1-й англичанин (*Журналисту*). Что вы об этом думаете?

Журналист. Современный человек неуравновешен; подобные проявления тому доказательство.

Джон Буль (*глядя на пожилых англичанок*). А эти похожи на старых куриц. Видите, это заразная болезнь.

1-я англичанка. Не представляю себе, как можно дойти до такого, чтобы выставлять себя напоказ. (*Начинает по-птичьему подпрыгивать и говорит мальчику, который не двигается.*) Довольно! Довольно вам, довольно!

2-я англичанка. Я тоже не понимаю. (*Подпрыгивает.*)

1-й англичанин. Наши жены потеряли голову.

2-й англичанин. Преступная ветреность.

Оба англичанина начинают подпрыгивать.

2-я англичанка (*подпрыгивая, девочке, которая стоит неподвижно*). Хватит! Хватит!

Журналист. Надо сажать иностранцев в карантин или делать им прививки при въезде с континента. (*Подпрыгивает.*)

Джон Буль. Вот что бывает, когда нетвердо стоишь на земле. Это крайне заразно.

Тяжело подпрыгивает, как и другие.

Беранже и его семья единственные не подпрыгивают. Дети и все другие подпрыгивают еще какое-то время.

Жозефина (*Беранже*). Все тебе говорят. Это очень невоспитанно. (*Марте.*) Главное, не подражай ему.

Марта. Все пытаются ему подражать. Но ни у кого не получается. Папа изящней всех.

Жозефина. Это они просто из вежливости. (*Беранже.*) Ты невоспитан.

Джон Буль (*низким голосом, немного нараспев*). Да-да, это не от избытка воспитания.

Беранже. У меня сейчас еще выше получится.

Жозефина. Тебя осудят все газеты. Ты больше не получишь английской визы.

Все англичане (*хором*). Да-да, вот такая невоспитанность. (*Перестают подпрыгивать.*)

Беранже. Я чувствую, что радость меня переполняет и уносит.

Жозефина (*Марте*). Что он говорит?

Марта. Ты не слышишь? Его радость растет, она его переполняет и уносит.

Все реплики в следующей сцене действующие лица поют.

Джон Буль. Что он говорит?

Две пожилые англичанки. Что он говорит?

Двое англичан и Журналист. Что он говорит?

Девочка (*соло*). Радость его переполняет и уносит. В этом нет ничего предосудительного.

Беранже передвигается скачками и как будто скользит по воде. Конец пения.

1-я пожилая англичанка. Он шагает над землей...

2-я пожилая англичанка. Может показаться, что он перемещается по воде, на спине огромного морского конька.

1-я англичанка. По океанским глубинам.

Журналист. Сегодня утром воздух плотный, как вода.

2-й англичанин. И небо голубое...

Джон Буль (*поет*). И наше английское голубое небо кажется глубоким, как море.

Жозефина. Ты мог бы нам все это объяснить?

Журналист. Его странные повадки, эти эксцентричные жесты нуждаются в объяснениях.

2-й англичанин (*Беранже*). Прошу простить, мсье, позво-

лю себе сказать, что, по моему мнению, вы должны были бы объяснить.

1-я англичанка. Он сейчас объяснится.

Все англичане (*речитативом*). Заморский гость хочет объяснить.

Жозефина. Объяснись, Эрбер, объяснись.

Англичане. Объяснитесь, господин иностранец.

Пожилые англичанки. Объяснитесь, мсье и уважаемый гость.

Англичанки. Объяснитесь.

Прекращают петь.

Журналист. Не завезли ли вы нам новую эпидемию?

У Беранже такой вид, будто ему очень трудно удерживаться на земле. Время от времени он слегка подпрыгивает.

Беранже. Да нет, вы же видите, я улетаю.

Журналист. Он говорит, что улетаю.

Беранже. Я нашел средство, забытое средство.

Подпрыгивает на один метр.

1-й англичанин. Он говорит, что нашел средство.

2-й англичанин. Какое средство?

Журналист. Он говорит, что нашел средство улететь.

Беранже подпрыгивает на два метра.

Жозефина. Ну, прекрати. Ты ведь не бабочка.

Джон Буль. Это противоестественно.

Марта (*Жозефине*). Ну, он же и не гусеница.

1-й англичанин. Да, это противоестественно.

Беранже. Уверю вас, я все делаю по наитию. Оно само находит.

1-я пожилая англичанка. Может быть, это и естественно, раз находит само.

Жозефина. Ты теряешь голову.

Беранже (*перестает прыгать*). Человеку совершенно необходимо летать.

Джон Буль. Я вам не верю.

Беранже. Это так же необходимо и естественно, как дышать.

1-й англичанин. Прежде всего, нам нужно есть.

2-й англичанин. Затем пить.

Журналист. Затем философствовать.

1-я англичанка. А если время останется...

2-я англичанка. Тогда можно было бы и полетать для развлечения.

Жозефина. Все тебя осуждают.

Беранже. Да нет же, нет, все должны уметь летать. Это врожденная способность. Все просто забывают об этом. Как я мог забыть? Это просто, радостно, по-детски. Не летать хуже, чем голодать. Потому-то мы и чувствуем себя несчастными.

1-я англичанка. Я отнюдь не чувствую себя несчастной.

2-я англичанка. Сказать по правде, можно было бы значительно сэкономить, умей мы летать.

Джон Буль. Это означало бы гибель промышленности.

Беранже. Вы несчастны, сами о том не подозревая. Отсюда все людские беды — от того, что люди не умеют летать, от того, что они забыли. Что бы вы сказали, если бы разучились плавать, ходить, стоять, сидеть?

Джон Буль. Для счастья мне достаточно сидеть. Стоять я тоже люблю. Или лежать на животе, задницей вверх.

2-я пожилая англичанка. Допустим, мы умели летать раньше, мсье, но теперь уж не научишься, слишком поздно.

Жозефина. Слишком поздно.

Беранже. Никогда не поздно. Надо просто вспомнить.

Журналист. В наше время наука больше не позволяет полагаться на одну только память. Лучше на нее вообще не рассчитывать. Она ненадежна. Обманчива.

1-й англичанин. Если и есть летающие люди, то это могут быть только сумасшедшие.

Журналист. Еще бы!

2-й англичанин. Во всяком случае, не все.

Журналист. Те, кто совсем потерял голову.

Джон Буль. Неизлечимые, неисправимые.

Жозефина. Я раньше никогда не видела, чтобы он так себя вел. Удивительно, что после стольких лет брака он еще способен меня удивить.

Беранже. Если я чаще всего и не умею летать, я сохранил сознание того, что летать — мне необходимо. Я понимаю, из-за чего мне плохо. Дело тут в здоровье. Кто не летает, тот калека.

1-я пожилая англичанка. Действительно, господа, можно утверждать, что люди изобретают ракеты, самолеты, межпланетные корабли потому, что человечество чувствует потребность летать.

2-я пожилая англичанка. Оно старается удовлетворить эту потребность.

Журналист. Техника удовлетворила ее блестяще и в достаточной степени.

Жозефина. С техникой тебе не сравняться.

Беранже. Разве паралитик ходит в своей инвалидной коляске?

Марта. Его возят.

Беранже. А ходит ли водитель автомобиля?

Журналист. Он едет, мсье.

Беранже. Он заперт в машине, как в ящике. Машина едет и его везет.

1-й англичанин. Ну, а летчик, разве можно сказать, что летчик не летает?

1-я англичанка. Мой муж прав. Можно ли сказать, что летчик не летает?

Беранже. Он не летает.

Мальчик. Нет, мсье, он летает.

1-й англичанин. Замолчи.

1-я англичанка. Невежливо вмешиваться в разговор взрослых.

Беранже. Нет, он не летает. Летит его летательный аппарат.

Жозефина. Ты никогда не сможешь соперничать с авиацией.

Джон Буль. Он бы хотел, чтобы мы разрушили наши самолеты, потопили наши корабли.

2-я англичанка (*Журналисту*). Может, это враг Англии, шпион?

1-й англичанин. Куда это нас приведет?

2-й англичанин. К чудовищной катастрофе.

Беранже. Летать — как дышать.

Журналист. Нет, нельзя летать как дышать.

Беранже. Нет, можно.

Марта. Я тоже думаю, что можно летать как дышать.

Жозефина. Ты с ума сошла, это невозможно.

Джон Буль. Даже если бы было возможно, не следовало бы этого делать.

2-я пожилая англичанка. Следовало бы, раз это естественно.

1-я пожилая англичанка. Очень сомневаюсь, что это естественно, дорогая.

2-я пожилая англичанка. Все, что естественно, хорошо.

Джон Буль. Надо быть выше своих инстинктов.

Беранже. Оказываешься выше них, когда над ними пролетаешь. Надо летать самому, самому.

1-й англичанин. Нет.

1-я пожилая англичанка. А может, да.

2-й англичанин. Нет, мадам.

Девочка. Да.

2-й англичанин. Нет.

1-я пожилая англичанка. Да.

Джон Буль. Нет.

Обе пожилые англичанки (*вместе*). Да, да.

Англичане. Нет.

Обе пожилые англичанки. Конечно, да.

Англичанки. Может быть, и да.

Журналист. Даже если это было возможно, то позволило бы лишь перепрыгивать через дороги, сады и ручьи, как мы только что видели...

1-й англичанин. ...через кусты и невысокие дома...

2-й англичанин. Как кузнечик какой-нибудь.

Джон Буль. Человек не кузнечик.

Беранже. Человек может взлететь гораздо выше, чем кузнечик. Раньше это хорошо умели. Надо лишь возродить эту привычку, говорю я вам, возродить эту привычку.

Марта. Может быть, мы ее и потеряли, потому что ленивы.

Беранже. Ходить на костылях — это не прогресс. Так и вообще ходить разучишься. А это уже началось. Мы теряем все свои возможности.

Журналист. Наоборот, техника их приумножает.

Беранже. Теперь на дорогах одни автомобили.

1-я пожилая англичанка. Действительно, пешеходы нынче редкость.

2-я пожилая англичанка. А те, что остались, не в чести.

1-я пожилая англичанка. Они скоро совсем исчезнут.

2-я пожилая англичанка. Мы исчезнем.

Беранже. А я хочу быть и земным, и небесным пешеходом. *(Подпрыгивает.)* Хочу ходить по воздуху без помощи механических средств. *(Еще раз подпрыгивает.)*

1-я англичанка. Господи! Он опять за свое!

Марта. Как ты это делаешь? Научи меня.

Журналист. Выше у него не получится.

1-й англичанин. Мы уже видели все, что он умеет.

2-й англичанин. И ничего выдающегося в этом нет.

Джон Буль. Ну что ж, если он утверждает, что может подняться выше, пусть докажет.

Жозефина. Все тебе говорят, что выше тебе не подняться. И не пытайся даже. Не стоит. Успокойся.

Беранже. Да нет же, нет. Вы все это можете. Мы все это можем. Я сейчас скажу вам, что надо делать.

1-я пожилая англичанка. Он сейчас скажет нам, что надо делать.

2-я пожилая англичанка. Что он говорит?

1-я пожилая англичанка. Он говорит, что сейчас скажет нам, что надо делать.

Джон Буль. В той мере, в какой мне позволяет воспитание, позволю себе сказать, что мы позволим себе посмеяться над этим.

Беранже. Это очень просто. Достаточно захотеть, надо почувствовать уверенность. Опускаешься только тогда, когда теряешь уверенность. Но, кстати, даже при этом камнем вниз не падаешь.

2-я пожилая англичанка. Верно. Я вспоминаю.

Журналист. Вам лишь кажется, будто вы вспоминаете.

Беранже. Вот еще доказательство того, что летать — естественно. Когда паришь над самыми высокими деревьями, над озером, над долиной, никогда не бывает страшно. И наоборот, в самолете можно испугаться.

1-я англичанка. И даже когда едешь по канатной дороге.

1-я пожилая англичанка. А мне даже у себя на балконе страшно, голова кружится.

Беранже. Но иногда сам удивляешься, когда летишь над горными вершинами, над собором, над крышами домов.

2-й англичанин. И что происходит, когда не можешь сдерживать удивления?

Беранже. Если тебе приходит в голову мысль, что летать без пропеллера и крыльев ненормально, вера ослабевает, теряешь высоту и опускаешься, но не быстрее, чем на лифте. Иногда усилием воли можно заставить себя вновь подняться повыше, как будто ты сбросил балласт. Но ненадолго. Достаточно лишь мизерного неверия — и скольжение вниз убыстряется. Сколько раз, вспоминая этот секрет, я говорил себе, устремляясь вверх: «Теперь я знаю, не забуду никогда, я же не могу забыть, как вижу и слышу». (*С колосников на сцену медленно опускается детский воздушный шарик.*) Теперь уж я действительно не забуду. Буду все время помнить, напоминать себе. Все необходимые движения запишу в блокнот. И когда захочу, смогу все сделать как надо. (*Легонько подпрыгивает.*) Я не могу больше сдерживаться. Мне хочется подняться в воздух, взлететь намного выше. Я перелечу через эту долину. Я хочу увидеть другие долины, я хочу знать, что за этими холмами.

1-я пожилая англичанка. Он с трудом сдерживается.

1-я англичанка. Как норовистый конь, который бьет копытом.

2-я англичанка. Смотрите! Он едва касается ногами земли!

1-я англичанка. Он поднимается.

Беранже поднимается сантиметров на пятьдесят и снова опускается.

1-й англичанин. Он опускается.

2-я пожилая англичанка. Снова поднимается.

2-й англичанин. Снова опускается.

Жозефина (*Марте*). Скажи ему, чтобы он перестал. Меня он не слушает. (*Беранже.*) Эрбер, пошли домой. Мы опоздаем на поезд.

Марта (*отцу*). Как ты это делаешь?

Беранже. Очень просто, я тебя научу.

Жозефина. Только этого не хватало.

Беранже. Сейчас увидишь. Это как игра. Детская игра. Конечно, нужно соблюдать определенные правила, но они простые. Существует столько всяких способов. Можно плыть по воздуху. Но это утомительно. Можно лежать на спине. Но так высоко не поднимаешься. Можно ехать, как на велосипеде, если все равно ты уже умеешь кататься на велосипеде. Велосипед — это тоже машина, но раз мы все к нему привыкли, именно его можно реко-

мендовать начинающему. Машина заменяет человека и его функции. Обретем же истинные наши функции, исказив их до неузнаваемости.

Из-за кулис выкатывается белый цирковой велосипед. Беранже его подхватывает. В то же время появляются скамьи, как в цирке, на которые садятся англичане и Жозефина. Они стали как бы зрителями в цирке. Марта стоит на авансцене слева, спиной к скамьям.

Цирк строить не надо. Его достаточно обозначить некоторыми элементами. Справа может появиться часть цирковой декорации, пратикабль, над головами зрителей возникнут цирковые обручи, можно использовать нейлоновые лонжи. По мере того как Беранже говорит, он показывает, что нужно делать. Садится на велосипед.

Смотри: ты двигаешь ногами, будто хочешь раскрутить колеса. Сидишь прямо, как в седле, руки вперед, как на руле. Крутишь педали семь-восемь раз и тихонько трогаешься с места.

Беранже делает круг по тропинке.

Жозефина. Отойди немножко в сторону, ты мешаешь людям смотреть.

Джон Буль. Это несложно.

Журналист. Подождем, что будет дальше.

Беранже. И вдруг ты оказываешься на высоте шкафа, вишневого деревца... дерева побольше.

Мальчик. Этот господин — воздушный шарик?

Англичанки. О!

Англичане. О!

Беранже делает круг по сцене, затем, используя цирковую декорацию, поднимается чуть выше, так что зрители смотрят немного вверх. На секунду исчезнет из виду, затем появится снова, над остальными действующими лицами.

Акробатический номер: у велосипеда остается лишь одно колесо, исчезает руль. Беранже продолжает крутить педали. Потом он опустится. В этот момент исчезнут все элементы цирковой декорации.

Беранже. ...деревца побольше. Вот так. Поняла? Попробуй.

Пока Беранже ездил на велосипеде над сценой по часовой стрелке, Марта внизу ездил на другом велосипеде в обратном направлении.

Жозефина. Осторожней! Осторожней! Не слушай его.

После того как исчезли оба велосипеда и номер закончился, англичане принялись аплодировать. Беранже благодарит их, подняв руку, словно чемпион.

Мальчик. Бис!

Беранже (*Mappe*). Видишь, летать — не сложнее, чем кататься на велосипеде.

1-й англичанин. Еще нужно уметь ездить на велосипеде. Я не умею.

1-я пожилая англичанка. А я умею.

Девочка. Научиться можно в любом возрасте.

Беранже (всем). Просто нужно держать равновесие.

Джон Буль. И я не умею кататься на велосипеде.

1-я англичанка. Но вы же ездите верхом.

2-й англичанин. У лошадей нет крыльев.

2-я пожилая англичанка. У многих есть. У моего мужа в конюшне было две крылатые лошади.

Жозефина. Он на них летал?

2-я пожилая англичанка. Нет, они были для красоты.

Джон Буль. Никогда не видал лошадей с крыльями! А уж у меня лошадей было немало.

2-й англичанин. Но, кажется, они существуют.

Журналист. Это особая разновидность, большая редкость.

Цирковые принадлежности исчезли.

Продолжая разговаривать, англичане встают.

Вновь все залито ослепительным светом. По-прежнему виден серебряный мост. Декораций на заднем плане больше нет. Только небо или какое-то голубое пространство.

Англичане окружают Беранже, оставаясь, однако, на почтительном расстоянии и от него, и друг от друга.

Джон Буль. В общем, он, как и все, использует механические средства.

1-й англичанин. Тоже мне хитрость, велосипед!

2-й англичанин. Множество людей умеют ездить на велосипеде. Впрочем, я им не завидую.

1-я англичанка. Это ненастоящий велосипед.

Джон Буль. Совсем неинтересно.

1-й англичанин. У велосипеда колеса крутятся, вертятся, даже если он летит.

Журналист. Вымышленный велосипед не лучше настоящего.

Беранже. Есть и более естественный способ.

1-я пожилая англичанка. Он говорит, что есть и более естественные способы.

Беранже. Как гимнастика. (Марта.) Смотри внимательно.

С колосников спускаются трапезии, если возможно, нейлоновые, или Беранже может подниматься в воздух на нейлоновой петле. Как и раньше, Беранже будет делать все, о чем рассказывает.

Марта. Да, папа.

Беранже. Значит, так. Ты подпрыгиваешь как можно выше, подняв руки. И вместо того чтобы приземлиться, ты хватаешься за воображаемую ветку, как будто лезешь на дерево. (Подпрыгивает и повисает примерно в метре от земли.) Затем ты подтягиваешься на руках и цепляешься за следующую ветку. (Показывает.) И так взбираешься от одной воображаемой ветки к другой. (Постепенно поднимается еще вы-

ше.) Так ты можешь залезть на любую высоту. Потому что воображаемое дерево — высотой с твое желание. Стоит только захотеть, и оно станет бесконечным. Стоит только захотеть, и ты не остановишься никогда. Попробуй.

Марта (*пробуя*). Трудно. Я не смогу.

Жозефина. Для нее это слишком тяжело. Она же не тренировалась. У нее всегда с гимнастикой были нелады.

Мальчик пробует тоже, но и у него ничего не получается.

Беранже. Вот так. (*Он поднимается еще выше, потом медленно опускается.*) Действительно, сначала трудно, утомительно, но чем выше ты залез, тем легче лезть дальше. Вас подталкивает какая-то сила, вы перестаете чувствовать собственный вес. Подняться можно и на одной руке. И на одном пальце. А потом хватит и одной только мысли. (*Он вновь слегка подпрыгивает и медленно опускается.*) Хотеть — значит мочь. Хотеть — значит мочь.

Джон Буль. Это нетрудно.

2-я пожилая англичанка. Тогда попробуйте сами.

Джон Буль. Просто нужно быть легче воздуха. Это единственное условие. Я выше этого.

Журналист. К тому же это рискованно, опасно. Естественное сопротивление воздуха мешает подниматься вверх. Не нужно с ним бороться.

1-й англичанин. И надо сохранить силы на спуск, иначе есть риск опьянеть от высоты, как пьянеют от глубины.

2-я англичанка. И можно навсегда исчезнуть.

1-й англичанин. Не нужно бороться с силами природы.

Беранже. Но необязательно им сопротивляться, необязательно им сопротивляться. (*Всем.*) Хотите попробовать? Хотите попробовать? Хотите полететь вместе со мной? (*Англичане, протестуя, подаются назад, крик детей, которых родители тянут за руку.*) Не бойтесь. (*Жозефине и Марте.*) Я могу вас взять под руки, если вы не хотите летать сами.

Жозефина. Ты не потащишь нас силой.

1-й англичанин. Вы не потащите эту женщину силой.

Марта. Не знаю... Мне очень хочется.

Жозефина. Я тебе запрещаю.

Джон Буль. Мы — против.

Журналист. Мы — против, всем нашим весом.

Англичане (*хором*). Мы — против, всем нашим весом.

Внезапно Беранже, слишком сильно оттолкнувшись от земли, очень быстро взлетает и мгновенно исчезает под колосниками.

Жозефина. Он не нарочно. Я уверена, что на этот раз он не нарочно.

Марта. Нет, нарочно.

Англичане (вместе, глядя в небо). О! А! О!

Девочка начинает петь что-то вроде английского религиозного гимна.

1-я пожилая англичанка. Он оттолкнулся от земли сильнее, чем хотел.

1-я англичанка. Посмотрите, как он быстро поднимается.

2-я англичанка. Его, вероятно, увлекает восходящий воздушный поток.

Жозефина. Он сошел с ума. Он сошел с ума.

Марта (Жозефине). Успокойся.

2-я пожилая англичанка. Его уносит вихрь.

1-й англичанин. Он замедляет движение.

2-й англичанин. Поворачивает.

1-я англичанка. Он достиг спокойной воздушной зоны.

2-я англичанка. Летит параллельно арке моста.

Мальчик. Это шарик. Воздушный шарик.

1-я пожилая англичанка. Но гораздо выше.

2-я пожилая англичанка. Гораздо выше.

Журналист. Он может больше не делать сложных движений.

1-й англичанин. Он вообще больше не делает движений.

1-я англичанка. Он держится в воздухе совершенно прямо и неподвижно.

Джон Буль. Что он делает? Что он делает?

Жозефина. А что он может делать?

1-я пожилая англичанка. Он медленно направляется к противоположному холму.

1-й англичанин. Как это он не теряет направление?

2-я пожилая англичанка. Он смотрит. И взгляд ведет его в нужном направлении.

Марта. Прекрасно, папа, браво!

Журналист. Он поднимается еще выше.

1-й англичанин. Ложится на спину.

2-й англичанин. Стремительно летит в горизонтальном положении.

1-я англичанка. Поворачивает направо.

2-я англичанка. Он исчез.

1-я пожилая англичанка. Появляется слева.

2-я пожилая англичанка. Вон он, в центре.

Англичане забавно вертят головами и крутятся сами, чтобы не упустить его из виду.

Журналист. Снова исчез.

1-й англичанин. Снова появился.

2-я пожилая англичанка. Вот он.

Журналист (Жозефине). Что вы думаете, мадам, о подвиге вашего мужа?

Жозефина. Я взволнована. Но я в него верю.

Англичане и англичанки. Исчез. Появился. Снова исчез. Снова появился.

Виден какой-то светящийся шар или ракета, как во время салюта. Шар появляется, исчезает, его скорость все увеличивается, он летит справа налево, слева направо.

Джон Буль. Тридцать шесть оборотов, тридцать шесть оборотов.

2-я англичанка. Сорок пять.

1-я пожилая англичанка. Девяносто семь.

1-й англичанин. Нет, девяносто пять.

1-я пожилая англичанка. Девяносто семь.

2-я англичанка. Невозможно сосчитать. Он уже не меньше двух раз описал полный круг.

Марта. Он движется так быстро, что кажется, будто он неподвижен.

Шар останавливается посередине «неба».

Джон Буль. Действительно, он больше не мечется. Поднимается точно по прямой. Он на полдороге между двумя холмами.

1-й англичанин. Останавливается. Похоже, останавливается.

1-я англичанка. Да, останавливается.

1-я пожилая англичанка. Останавливается, чтобы осмотреть окрестности.

Больше не видно ни шара, ни его самого, разве что виднеется крошечная кукла — Беранже в миниатюре.

2-я пожилая англичанка. Он смотрит по сторонам.

Журналист. Он выше горизонта.

Жозефина (*полуиспуганно, полувосхищенно*). Не думала, что он способен на такое. Все-таки он собой что-то представляет. Но это опасно.

2-й англичанин. Он поднимается еще выше.

2-я англичанка. Еще выше.

1-й англичанин. Еще выше.

2-я англичанка. Еще выше!

Мальчик. Это шарик. Воздушный шарик.

1-я пожилая англичанка. Он подает знаки бедствия.

Жозефина. Господи! Он не упадет?

Марта. Успокойся. Ты же знаешь, он сказал, что не может упасть.

Журналист. Держится, не падает.

2-я пожилая англичанка. Он недоволен.

Беранже (*маленькая кукла*) увеличивается.

1-я пожилая англичанка. Что он там увидел?

Джон Буль. Что-то не клеится.

1-я пожилая англичанка. Что он увидел?

Жозефина. Что он там мог увидеть?

1-й англичанин. Что он увидел?

2-я пожилая англичанка. Его больше не видно.

Жозефина. Его больше не видно. Он исчез.

Сцена медленно погружается в темноту.

Красные, кровавые отсветы. Громкие звуки грома или бомбардировки. В тишине и полумраке луч прожектора постепенно высвечивает Жозефину.

Что за мания оставлять меня в одиночестве! Он пользуется любой возможностью, чтобы меня покинуть. А ведь он знает, что я боюсь... Прекрасно знает. У меня нет никого во всем свете, никого, никого, никого.

Марта (*в стороне, меньше освещена, чем Жозефина*). Папа есть.

Жозефина. Я одна. Совсем одна, покинутая во мраке, брошенная.

Марта. Но посмотри, ведь я здесь.

Жозефина. Я совсем одна в огромном лесу, далеко от всех. Мне страшно.

Журналист и 2-й англичанин, достаточно преображенные, чтобы вызывать удивление у зрителей, но все-таки узнаваемые, кажутся какими-то персонажами сновидения. Может быть, этого эффекта можно добиться игрой освещения. Может быть, они наденут маски с собственными лицами. Такое решение представляется наилучшим. В любом случае, освещением можно изменить цвет их одежды.

Журналист и 2-й англичанин пересекают сцену и разговаривают.

Журналист. Понимаете, дружба — это надувательство. К тому же она медленно убивает. Презрение — вот благоприятная атмосфера для жизни. Лишь оно может придать нам силы. Презрение — это энергия. Воплощенная энергия.

2-й англичанин. Значит, нужно презирать друг друга? А я могу вас презирать вежливо?

Журналист. Так удобнее, но мы презирали друг друга всегда, дружба служила лишь маской для нашей слабости и подавленного, робкого презрения. Мы живем в рациональную научную эпоху. Надо тщательно всматриваться друг в друга, в наши лица, в истину. Для того чтобы хорошо видеть, надо смотреть друг на друга с определенного расстояния. (*На ходу слегка задевает локтем 2-го англичанина.*) О, извините! Я вас задел. Простите.

2-й англичанин. Ничего, уверяю вас, ничего страшного.

Журналист. Понимаете?.. Эта сентиментальность в наше время... В нее уже невозможно верить, мы же не дети. Это смешное и лицемерное слово — дружба — должно быть навсегда вычеркнуто из нашей жизни.

2-й англичанин. Думаю, вы правы, друг мой.

Уходят.

Марта. Говорю же тебе, я здесь. Ты меня не слышишь?

Жозефина. Никого вокруг.

Марта. Ты не хочешь меня слышать? Мама, я здесь. И вокруг люди.

Жозефина. Да нет, я слышу. Не надо так кричать.

Марта. Вокруг много людей.

Жозефина. Каких людей?

Марта. Друзей, у нас столько друзей!

Жозефина. Ты их называешь друзьями? Кто я для них? Кто они для меня? Нет, нет, это не друзья. Пустые предметы в пустом пространстве. Чудовищно непроницаемые, безразличные, эгоистичные, жестокие. Замкнутые в своей скорлупе.

Марта. О!

Жозефина. Нет, нет, Марта, конечно, это не о тебе. Но что ты можешь сделать? Ты еще маленькая... Что ты можешь?.. Я совсем крошечная в этом огромном мире. Я заблудившийся испуганный муравей, который ищет своих. Мой отец умер, мать умерла, все родственники умерли. Соседи, которые нас знали, уехали из моего родного города, разбрелись по свету. От них никогда не было ни весточки. Никого, никого больше нет.

Марта. Есть другие, все остальные. Есть много людей.

Жозефина. Я их не знаю. Они меня не знают. Чужие... У меня были большие и сильные родители. Они вели меня по жизни за руку. Они ничего не боялись. Шли прямо вперед. С ними мне никогда не было страшно... Раньше мне не было страшно, не было страшно... Только страшно было их потерять. Я все время думала о том, что потеряю их, иначе не бывает. Я знала, знала. И этот день настал скоро, увы, слишком скоро! Я уже давно, так давно одна, они так давно оставили меня одну... Я не привыкла к их отсутствию. И никогда не привыкну. Никогда, никогда... Меня бросили. Мне страшно, так страшно... Я одна, я заблудилась. Меня никто не знает, не любит, я ничего собой не представляю для окружающих. Я для них ничего не значу. Ничего не значу.

Марта. Я вырасту, стану такой же сильной, как твоя мать, и буду тебя защищать.

Жозефина. Я защищаюсь, как могу, от этой тревоги. Страх научил меня. Защищаюсь зубами... у меня выросли когти.

Марта. Люби людей. Если ты их полюбишь, они перестанут быть чужими. Если ты их не боишься, они перестают быть чудовищами. Им ведь тоже страшно в их скорлупе. Полюби их. И аду придет конец.

Марту больше не видно. В полумраке появляется стена. Пробегает испуганный ребенок, похожий на мальчика-англичанина. Он пытается перелезть через стену. У него ничего не получается. Появляется толстый человек, похожий на Джона Буля, он гонится за ребенком. Джон Буль и мальчик тоже преобразены, как во сне.

Толстяк. Эй, негодник!

Ребенок. Не трогайте меня... Простите меня.

Толстяк. Сорванец проклятый! Ты хотел нас бросить? А? Хотел сбежать? Почему? Скажи, почему?

Ребенок. Простите меня. Я хотел погулять в лучах света. Мне хотелось, чтобы было много неба.

Толстяк. Ах ты, сладкоежка. Бандит. *(Дает ему пощечину и тащит его за ухо. Ребенок плачет.)* Думал, я тебя не поймаю...

Мальчик. Только не в карцер, я не хочу обратно в карцер.

Толстяк. Дурень, теперь узнаешь, что свет гораздо красивее, когда на него глядишь со дна черного провала, и что небо куда чище, когда видишь его через решетку.

Мальчик. Только не в карцер, не хочу возвращаться в карцер.

Толстяк *(уводя его)*. Мы тебе покажем. Мы тебя научим. Мы займемся твоим воспитанием. В конце концов поймешь... или покоришься.

Уходят.

В луче света появляются странные фигуры; вскоре становится понятно, что это 1-й англичанин и 1-я англичанка, 2-й англичанин и Журналист, с несколько измененной внешностью, как бы слегка карикатурной. Бурно жестикулируя, они подходят к Жозефине.

Журналист. О, мадам, мадам, мы всем сердцем с вами.

Трое англичан *(вместе)*. Всем сердцем с вами. Всем сердцем.

1-й англичанин. Если вы нуждаетесь в чем бы то ни было...

2-й англичанин. Скажите нам.

Жозефина. Вы очень добры.

1-я англичанка. Я знаю, что такое быть одной за границей; все мы через это прошли. Вам поможет мой муж, и все наши любовники в вашем распоряжении.

Жозефина. О, как вы добры, чрезмерно добры.

Журналист. Мы в вашем полном распоряжении.

Жозефина. Благодарю, я так смущена.

1-й англичанин. Что она говорит?

2-й англичанин. Она говорит, что смущена. Представляете? Говорит, что смущена.

Трое англичан и англичанка уходят, говоря:

1-я англичанка. Она смущена, она вам сказала, что смущена?

Журналист. Она еще сказала: «Благодарю, благодарю, как я смущена».

1-й англичанин *(изображая Жозефину)*. Благодарю, я смущена.

2-й англичанин. Наивность этой дамы граничит с глупостью.

Журналист. Потому она и смущена. Хи-хи!

Двое англичан. Хи! Хи!

1-я англичанка. Вы могли бы извлечь пользу из ситуации.

Журналист. Никакой пользы из нее не выжмешь.

Перед тем как уйти, они в последний раз поворачиваются к Жозефине, иронически ее приветствуют, смеясь, преувеличенно жестикулируя и гримасничая.

Жозефина, которая стоит к ним спиной, этого не замечает.

Жозефина остается одна; она стоит у самого правого края сцены.

Жозефина (*изменившимся тоном*). А он, он, куда он вечно уходит? Что он делает? Он мог бы мне помочь. Должен был помочь... Он меня бросил, как все остальные, не думает обо мне... Обо мне не думают...

В алом свете появляется огромная, огромная фигура, одетая в длинную красную мантию, в квадратном красном колпаке. Фигура может быть двух, трех метров ростом, она может стоять на платформе на колесиках, которую скрывает мантия. Это Судья... у него может быть голова куклы, но, в то же время, огромная, гротескная; он, разумеется, ужасен.

Огромный Судья приближается к Жозефине и останавливается прямо перед ней.

Ей приходится запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо.

Справа и слева от Судьи — два заседателя, также одетые в красное, но не такие большие. Они сидят, стоит лишь Судья.

Это суд, вся эта декорация может двигаться на платформе. Медленно подъезав к Жозефине, они так же потом отъезжают обратно.

В тот момент, когда они приблизятся к Жозефине, один из заседателей, толстый, с багровым, налитым кровью лицом, звонит в колокольчик. У второго — на голове капюшон с прорезями для глаз. Пауза.

Жозефина. Я ничего дурного не сделала, господин Председатель суда... В чем меня обвиняют? Я ничего не сделала.

Марта (*или голос Марты*). Мама, не бойся. Это лишь видение, кошмар. Это не настоящее. Все станет настоящим, только если ты в это поверишь. Все станет настоящим, только если ты будешь об этом думать. Все станет настоящим, только если ты этого захочешь. Не верь в это.

Жозефина. Ну как же? Это Судья. Я его узнала.

Марта. Ты его никогда не видела. Его нет.

Жозефина. Увы, есть: Это Судья.

Марта. Галлюцинация, видение, уверяю тебя... Проснись, проснись. И он исчезнет.

Жозефина. Нет, нет... Это все правда.

Марта. Неправда, бедная моя мамочка, это тебе снится... Снится, говорю тебе...

Марта вновь исчезает.

Жозефина. Господин Председатель суда, я никому ничего плохого не сделала... Зачем вы пришли? Что вы от меня хотите?

1-й заседатель (*звоня в колокольчик*). Молчать! Отвечать! Здесь мы задаем вопросы.

Жозефина. Мне нечего сказать. Моя совесть чиста. Я думаю, но мне нечего вам сказать, я ничего не скрываю. Клянусь, я не понимаю, не понимаю... (*Суд безмолвствует.*) Если нужно всех судить, то почему меня первую? Почему выбрали именно меня? Конечно, потому, что я менее защищена, чем все остальные. У меня нет адвокатов. (*Суд безмолвствует.*) Я ни в чем не виновата. Может, поэтому я так уязвима? Я ни в чем не виновата, ни в чем. Я ничего не делала. Господин Председатель суда, скажите палачу, чтобы он меня не убивал. (*Суд безмолвствует.*) Что такое я могла сделать? В чем можно меня упрекнуть? Меня не в чем упрекнуть. Я всегда была верна... Добродетельна... Всегда исполняла свой долг, всегда... Я осталась здесь, благоразумная, грустная, покорная и несчастная... (*Рыдает.*) Несчастливая... Вы хотите меня наказать за то, что я несчастна?... Вы хотите наказать добродетель? Ведь нет?.. Конечно же, нет?.. Я вас не понимаю, я вас не понимаю, господин Председатель суда. Карайте волков. Я ягненок.

Судья грозит Жозефине пальцем. Заседатели одобрительно кивают головами. Движения того, кто в капюшоне, ярче выражены, они гротескны.

Они меня осудят. Они мне не верят... Нет, нет, нет...

Марта. Это не на самом деле, не бойся, это всего лишь образы твоего страха. Клянусь, это все не взаправду. Скажи себе, что все это неправда. Ты выдумываешь, фантазируешь.

Жозефина. Не хочу... Не хочу... Что я сделала? Я ничего плохого не сделала. (*Рыдает.*)

Марта (*обнимая Жозефину*). Бедная мамочка, спрячь лицо в моих ладонях, и ты их больше не увидишь.

Жозефина. Нет, нет, нет, это невозможно. (*Суду.*) Я не хочу.

Марта. Конечно, невозможно. Конечно, это неправда.

2-й заседатель снимает капюшон. Его роль играет тот же актер, что играет Джона Буля.

2-й заседатель. Доводы истинного правосудия — это не доводы сердца, не доводы логики. Правосудие вам представляется неправым потому, что оно беспристрастно.

Суд медленно, в молчании, отъезжает назад и исчезает.

Марта. Я же тебе говорила. Это просто видение. Безобидное. Их больше здесь нет, этих судебных злыдней... Успокойся, мамочка, детка моя...

Слева выходит Джон Буль с автоматом, который будет стрелять беззвучно. С ним двое англичан и Журналист.

Справа появляются дети-англичане с матерями в сопровождении Слушающего похоронного бюро из начала пьесы и Доктора.

Джон Буль. Лучше на несколько лет раньше, чем на пару минут позже... Правда, дамы?

1-я англичанка. Правда.

2-я англичанка. Совершеннейшая правда, мсье. Совершенно с вами согласна, мсье.

Слева появляется испуганная 2-я пожилая англичанка.

2-я пожилая англичанка. Не думайте, что я боюсь. Совсем нет. Просто я возмущена. В высшей степени возмущена.

Джон Буль (двум англичанам). Ну, раз ваши супруги разделяют ваше мнение... (Журналисту.) Раз все идет хорошо... приступим.

Журналист. Приступайте.

Служащий похоронного бюро. Приступайте.

1-й англичанин. Раз так надо, приступайте.

2-й англичанин. Да, тогда приступайте.

2-я пожилая англичанка. Я решительно протестую...

Служащий похоронного бюро. Лучше в этом возрасте, чем позже... Сейчас они еще ничего не понимают. Позже они бы мучались, возражали.

Журналист. Это для их же блага.

Джон Буль (приставив к плечу автомат или ружье). Дамы, закройте глаза.

1-я англичанка. Закроем глаза.

2-я пожилая англичанка. Я протестую.

Джон Буль (пожилой англичанке). Отойдите в сторону. Вам уже все равно.

Джон Буль прицеливается, стреляет, оба ребенка падают.

2-я пожилая англичанка (отойдя). Я решительно протестую...

Джон Буль. Дамы, откройте глаза.

1-я англичанка. Уже всё?

2-я англичанка. Как вы быстро!

Служащий похоронного бюро. Это как эутаназия. Не совсем то же самое, а скорее превентивная эутаназия.

2-я пожилая англичанка. Я решительно, очень решительно протестую.

Журналист (двум англичанкам). Можете подобрать своих детей.

Служащий похоронного бюро. Не стоит трудиться. Предоставьте это мне. Это мое дело. Я ими займусь...

2-я англичанка. Мы исполнили свой долг.

Джон Буль. А мы свой. Доктор, засвидетельствуйте, что эти дети хорошо и достойно скончались.

2-я пожилая англичанка. Я протестую, это недопустимо.

Так быть не должно. (*Дядюшке-доктору.*) Как вы, врач, соглашаетесь на такое?

Дядюшка-доктор. Я не соглашаюсь, я покоряюсь.

Жозефина. Дядюшка-доктор, как же так? Вы с ними заодно?

Дядюшка-доктор (*Жозефине*). Таким образом, понимаешь, меня не будут судить...

Джон Буль (*англичанкам, с некоторой любезностью.*) Поскольку вам больше не придется воспитывать детей, пожалуйста... Теперь ваша очередь. Вперед, прошу вас, вперед.

1-я англичанка. Мы не против.

Жозефина (*Доктору*). Я никогда не думала, что вы способны на пособничество в таком ужасном деле.

Дядюшка-доктор. Чего же ты хочешь, бедная моя Жозефина, с годами становишься разумнее. К тому же так даже лучше. Это все равно бы случилось. Лучше раньше, чем позже, лучше на тридцать лет раньше, чем на две секунды позже.

Жозефина. Вы, спасший столько человеческих жизней, тысячи детей...

Дядюшка-доктор. Это искупление.

Джон Буль (*англичанкам*). Ну да... вместе с мужьями. Ваши мужья ни на шаг от вас не отойдут, не беспокойтесь. (*Англичанам.*) Господа, только после вас.

Англичане слегка колеблются.

Англичанки, затем англичане идут вперед, Джон Буль позади, направив автомат им в спину.

Марта (*Жозефине*). Это все неправда, не пугайся... все это неправда.

Служащий похоронного бюро поднимает тела детей. Пожилые англичанки, дети, Дядюшка-доктор, Служащий похоронного бюро, англичане и англичанки, Джон Буль, Журналист уходят в правую и левую кулисы.

Появляется высокий Человек в белом.

Используются те же сценические приемы, что и для суда. Справа от Человека в белом — Палач тоже в белом, с белым капюшоном на голове. Справа от палача — виселица.

Задник изображает сумеречное небо и красное солнце.

Человек в белом и Палач приблизились к Жозефине и остановились. Пауза.

Жозефина. Нет, нет.

Марта (*Жозефине*). Не поддавайся. Надо просто не верить.

Человек в белом (*показывая Жозефине виселицу*). Мадам, не хотите ли? Решайтесь.

Жозефина в ужасе, но сохраняет светскую вежливость, как и Человек в белом; кошмар вперемешку с салонными манерами.

Жозефина. Нет. Оставьте меня. Простите, мсье. Я не хочу, право, не хочу.

Человек в белом. Я вам очень советую.

Марта. Говорят вам, она не хочет. Не хочет.

Человек в белом (*Жозефине*). Подумайте. Действительно не хотите? Смелее!

Жозефина. Нет, нет. Не сейчас.

Человек в белом. В любом случае, рано или поздно этого не избежать.

Жозефина. Нет-нет. Завтра посмотрим. Нет, прошу вас, лучше послезавтра. Не сегодня. Пока мне еще ничего не понятно.

Марта. Ей еще не понятно, вы же видите.

Палач (*Жозефине*). Мадам, зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Вы бы отделились — раз и навсегда.

Марта (*Палачу*). Не вмешивайтесь в разговор. Оставьте ее.

Жозефина. Нет.

Человек в белом. Вы же знаете, что этого не избежать. Знаете, что все через это проходят. Выигрываете какие-то пустяки, немного времени.

Жозефина. Завтра, завтра, завтра. Еще чуть-чуть, Господин в белом... Еще чуть-чуть, господин Палач.

Человек в белом. Ну, как хотите. Вы не правы. Но раз вам так не хочется, мы пока что не торопимся.

Палач. Все дураки одинаковы. Попробуй вразуми их... (*Жозефине*.) Вы же видели, англичане согласились. Даже дети.

Марта. У них не спрашивали согласия. Не спрашивали согласия!

Человек в белом подает знак; виселица, Палач и сам Человек в белом уезжают в левую кулису.

Видишь, мама, это неправда. Неправда — если ты решишь, что этого не хочешь. Все зависит от тебя. Обещай мне, что у тебя больше не будет кошмаров. Кошмар закончился... Они ушли, их не было!

Жозефина. Не знаю, понимаешь, ничего больше не знаю.

Изменение освещения. Выходят, как вначале, англичане, англичанки, Джон Буль, Журналист.

Марта. Видишь, английские детки опять здесь.

Сцена постепенно погружается во тьму. Красные, кровавые отсветы. Громкие звуки грома или бомбардировки.

И сцена освещается снова. На этот раз освещение иное — оно создает серую, скучную, сумеречную атмосферу. В глубине могут быть видны горящие руины, собор, дымящийся вулкан.

Голос Беранже (*встревоженный*). Увы, я все вижу! Больше нет надежды. Это невозможно. Невозможно. И все-таки... Если бы это был всего лишь сон!.. Нет, нет, не сон. Боже мой!

1-я пожилая англичанка. Он медленно вращается вокруг собственной оси.

Джон Буль. Как волчок.

2-я пожилая англичанка. Похоже, он спускается.

2-я англичанка. Спускается.

Марта (*Жозефине*). Смотри, он спускается. Он возвращается.

Жозефина. Слава Богу. Я буду меньше волноваться.

1-я англичанка. Он мог бы оставаться в вышине, сколько хотел.

1-я пожилая англичанка. Я бы не вернулась.

2-я англичанка. Но ведь у него семья.

1-й англичанин. Он приближается. Его лучше видно.

2-й англичанин. Он жестикулирует. Похоже, говорит что-то.

1-я пожилая англичанка. Ничего не слышно.

Журналист. Он медленно спускается.

2-я пожилая англичанка (*Жозефине*). Вы можете гордиться своим мужем.

Марта. Как-то грустно он спускается. У него подавленный вид.

1-я пожилая англичанка (*дает девочке букет цветов*). Подари цветы этому господину.

Жозефина (*Марте*). С чего ты взяла, что у него грустный вид? Он победил.

2-я пожилая англичанка (*дает мальчику грязноватый и рваный флажок*). Когда он вернется, ты пойдешь впереди него и понесешь вот это.

Джон Буль. По-моему, это не такая уж победа.

Марта. Да, он грустный. Это видно по его жестам и движениям.

1-й англичанин. Он все ближе и ближе.

Шумы постепенно стихают. Теперь это всего лишь взрывы петард, фейерверк в сумеречном, может быть, красноватом свете. Иногда видны красные и кровавые ракеты фейерверка. Также издали доносится музыка, похоже, это бал в честь 14 июля. Музыка ничтожного триумфа.

1-я англичанка. Он опускается шаг за шагом.

1-я пожилая англичанка. Как по невидимым ступеням.

2-я пожилая англичанка. Вот и он. (*Жозефине*.) Вот ваш муж, мадам.

2-я англичанка. Где вы его видите?

1-й англичанин (*показывая пальцем*). Там, где мой палец!

1-я англичанка. Над верхушкой дерева, он ее коснулся.

2-й англичанин. Не торопится. Срывает листок.

Журналист. Машинально.

Видно, как на сцену падает, кружась, лист дерева.

Джон Буль. Вот он.

2-я пожилая англичанка. Браво, мадам Беранже.

Появляется, медленно опускаясь, Беранже. Все идут к нему.

Девочка. Браво, мсье Беранже.

Мальчик (у него в руках игрушечная труба, в которую он торжественно трубит. До этого он дал Беранже флажок, который тот роняет. Беранже не берет и цветы у девочки, и они тоже падают). Браво!

Жозефина. У него совершенно растерянный вид. (Беранже.) Что ты видел? Ты устал?

Англичане размахивают разноцветными носовыми платками, аплодируют и кричат: «Да здравствует Беранже!» Затем умолкают. Отметим, что перед самым спуском Беранже чуть не задел ногами головы англичан, но те успели расступиться.

Журналист. Поделитесь своими впечатлениями, господин Беранже.

Жозефина. Я рада, что ты вернулся. По правде говоря, я все-таки испугалась. Нужно было меня предупредить. Расскажи о своих впечатлениях господину Журналисту.

Беранже. Я... я... (Замолкает.)

Джон Буль. Позвольте вас спросить, мсье, как это вам удалось?

1-й англичанин. И что вы для этого сделали?

2-я пожилая англичанка. Вы же видели, он летал...

Беранже. Да, я летал, летал...

1-я пожилая англичанка. Вы же сами видели.

Журналист. Зачем вы летали?

Беранже. Не знаю... Я не мог по-другому.

Джон Буль. Мы хотим сказать, с какой целью вы летали. Что вы хотели доказать этим подвигом?

1-й англичанин. Неправда. Вы не летали. Мы на вас внимательно смотрели — вы шли по невидимой арке. По чему-то твердому.

1-я англичанка. Да нет! Никакой арки не было.

1-я пожилая англичанка. Не бывает невидимых арок.

Журналист. Это вполне возможно. Невидимая арка возникает из-за сгущения воздуха.

2-й англичанин. Так каждый сумеет.

2-я англичанка (своему мужу). Ты преувеличиваешь.

1-я пожилая англичанка. А почему бы вам не попробовать?

2-я пожилая англичанка. Действительно, могли бы попробовать.

2-й англичанин. Так все могут. Абсолютно все.

1-й англичанин. Достаточно указать нам точное местонахождение такого невидимого воздушного моста.

Беранже. Нет никакой арки. Я летал, уверяю вас, просто летал.

Джон Буль (*другим англичанам*). В любом случае, в его поступке нет ничего из ряда вон выходящего.

2-й англичанин. Разумеется. Воздушный змей делает то же самое.

2-я англичанка. Человек, летающий, как воздушный змей, — это все-таки нечто особенное.

Джон Буль. Зачем столько хлопот, когда через долину можно переехать на автомобиле по мосту за несколько минут?

1-й англичанин. Или перелететь на наших самолетах.

2-й англичанин. Или на наших ракетах.

Журналист. А ему потребовалось не меньше пяти минут, чтобы проделать половину пути.

1-я пожилая англичанка (*Жозефине*). Не слушайте их, мадам.

2-я пожилая англичанка. Люди завистливы.

Журналист. Пять минут, а то и шесть! Это очень долго! Теряется уйма времени.

1-й англичанин. У нас времени нет.

Джон Буль (*Беранже*). Мы не запатентуем вашу систему.

Журналист. Из соображений профессиональной добросовестности я все-таки прошу вас изложить нам ваши впечатления.

Беранже. Что вам сказать? Что я могу вам сказать?

2-я англичанка (*Джону Булю*). А я думаю, что запатентовать стоит.

1-й англичанин. У техники есть достижения получше, мадам. Гораздо лучше. Возвращение к естественным процессам противоречит прогрессу и эволюции разума.

Марта. Bravo, папа, bravo, bravo. Ах, он действительно как в воду опущенный.

Жозефина. Что с тобой?

2-й англичанин (*1-й англичанке*). Уверяю вас, мадам, в этом нет ничего героического. Любой англичанин, немного потренировавшись, немного потренировавшись...

Жозефина. Что с тобой? Ты должен гордиться! Что за характер! У тебя недовольный вид, как всегда недовольный.

2-я англичанка. Защищайтесь, мсье, объяснитесь.

1-я пожилая англичанка. Объясните им важность вашего поступка.

1-я англичанка. Мы вами восхищаемся.

Жозефина (*Беранже*). Видишь.

Джон Буль (*англичанам*). Послушайте, это не представляет никакого интереса.

Журналист. Это ребячество, это в высшей степени смешно.

Жозефина. Поверь мне, это победа. Критики всегда найдутся.

2-я пожилая англичанка. Вы поднялись так высоко, так не поддавайтесь же.

1-я англичанка. Говорите, мсье, говорите.

Марта. Он растерян, замучен. У него блуждающий взгляд.

Жозефина. О, Боже! Какой взгляд! Что же ты увидел на той стороне?

1-й англичанин. Он ничего не мог увидеть на такой скорости без точных приборов.

1-я англичанка. Что вы увидели по ту сторону, мсье? Расскажите. Что вы увидели?

Англичанки (вместе). Что вы видели?

Беранже. Я видел... видел... гусей...

Джон Буль. Он видел гусей. Ну и шутник...

Беранже. Люди с гусиными головами.

Журналист. И это все? Негусто.

Беранже. Людей, которые лизали задницу обезьян, пьющих свиную мочу.

Журналист. Мсье, мсье, что за непристойности!

Джон Буль. Вас слушают невинные детские уши.

1-й англичанин. Какая гнусность.

Жозефина. Выбирай выражения, Эрбер.

Услышав слова Беранже, Мальчик спрашивает: «Ты слышала, что он сказал?»

А Девочка отвечает: «Он сказал задница обезьян, свиная моча».

Беранже. Я видел колонны гильотинированных, которые шли без голов... колонны гильотинированных по бесконечным просторам. И еще, еще, не знаю, гигантскую саранчу, поверженных ангелов, побежденных архангелов.

Джон Буль. Вот затейник.

Беранже. Я видел тысячи людей, которых хлестали кнутами, а они говорили: «Так нам и надо, так нам и надо»...

Журналист. Ничего он не видел. Он все это прочитал в Апокалипсисе.

1-я англичанка (Мальчику). Нет, это не для тебя. Это недетская книга.

Беранже. Я видел райские континенты в огне. Там горели праведники.

Журналист. Если вам больше нечего рассказать, мсье, я не буду записывать.

2-я англичанка. Постарайтесь для нас, господин Беранже, ведь мы так вами восхищаемся. Расскажите нам о вашем путешествии.

Беранже. Я пытаюсь.

1-я англичанка. Что-нибудь поинтересней и посовременней.

Беранже. Я видел ножи, я видел могилы...

1-й англичанин. Он хочет нас удивить всем этим. У нас у самих повсюду производят ножи и много кладбищ.

Жозефина. А в других местах, в других...

Беранже. В других местах земля разверзается... Горы рушатся, океаны крови... грязи, крови и грязи...

Джон Буль. Небогатое воображение. Если все это литература, то весьма посредственная.

Журналист. Не сравнить с нашими поэтами.

1-й англичанин. И даже с иностранными. Никто еще не превзошел Данте.

2-й англичанин. Все это мало интересно, мало интересно.

2-я пожилая англичанка. А меня это волнует, волнует.

Марта. Ну, а когда ты поднялся еще выше? Когда ты был совсем высоко?

Жозефина. Что ты еще видел?

Беранже. На самую большую высоту я попал, чтобы видеть, что происходит в других местах.

Журналист. Ну, а там что вы видели?

Джон Буль. Что самое захватывающее?

1-й англичанин. Менее вульгарное?

2-й англичанин. Более веселое?

Беранже. Я был на гребне невидимой крыши, к которой я прикоснулся лбом, там, где сходятся пространство и время. Я смотрел направо и налево, назад и вперед.

Когда он произносит последнюю фразу, 1-й англичанин говорит жене: «Ребенку пора спать».

1-я англичанка (*беря Мальчика за руку*). Пойдем домой.

1-й англичанин и Мальчик неторопливо уходят в левую кулису, где слабые звуки и неясные отсветы фейерверка намекают на грустный праздник.

Беранже. Бездонные пропасти, бомбардировки, бомбардировки, бездонные пропасти врезались в долины, уже давно разоренные и опустошенные.

2-й англичанин (*беря за руки жену и дочь*). Эти глупости могут их взволновать.

Они уходят медленно, прогуливаясь, в правую кулису, глядя на праздник.

Беранже. А потом, потом, потом...

Джон Буль. Могли бы нам привезти лисицу или эту самую свинью, чтобы мы поверили.

Журналист (*Джону Булю*). Идете? Паб открыт.

Медленно удаляются в глубину сцены, потом уходят вообще.

1-я пожилая англичанка (*2-й пожилой англичанке*). Уже поздно.

Беранже. ...миллионы исчезающих миров, миллионы взрывающихся светил.

2-я пожилая англичанка. Мне холодно. Пойдем выпьем чаю.

Две пожилые англичанки тихонько уходят.

Беранже. А затем, затем бесконечный огонь сменился льдом, а лед пламенем. Ледяные и огненные пустыни, вгрызаясь друг в друга, двигались к нам... двигались к нам.

Жозефина. Скажи это людям, расскажи им скорее, что ты видел. Послушайте, что он говорит.

Марта. Они не слушают.

Беранже. Никто не может мне поверить. Я так и знал, что никто мне не поверит... грязь, огонь, кровь... бескрайние завесы огня...

Марта. Я тебе верю. Мы верим тебе.

Беранже. И даже если бы мне поверили, даже если бы поверили...

Жозефина. Тогда чего ты ждешь? Возьми нас за руки, как ты уже делал, и полетим.

Марта. Улетим скорей!

Беранже. Куда?

Жозефина. Унеси нас за ту сторону, за пределы ада.

Беранже. Увы! Не могу, дороги мои. Дальше ничего нет.

Жозефина. Как ничего?

Беранже. Ничего. Дальше ничего больше нет, только безграничные пропасти... одни только пропасти.

Наступает кроваво-красный вечер, слышны взрывы петард, видны красные вспышки. Играет сельская праздничная музыка, грустная и веселая одновременно.

Марта. Слышишь? Видишь? Мне страшно.

Беранже. Это еще ничего, мои дорогие. Пока это всего лишь праздник, вроде английского 14 июля. *(Опустив головы, Беранже, Жозефина и Марта идут в сторону красных огней деревни.)* Сейчас еще ничего, пока ничего.

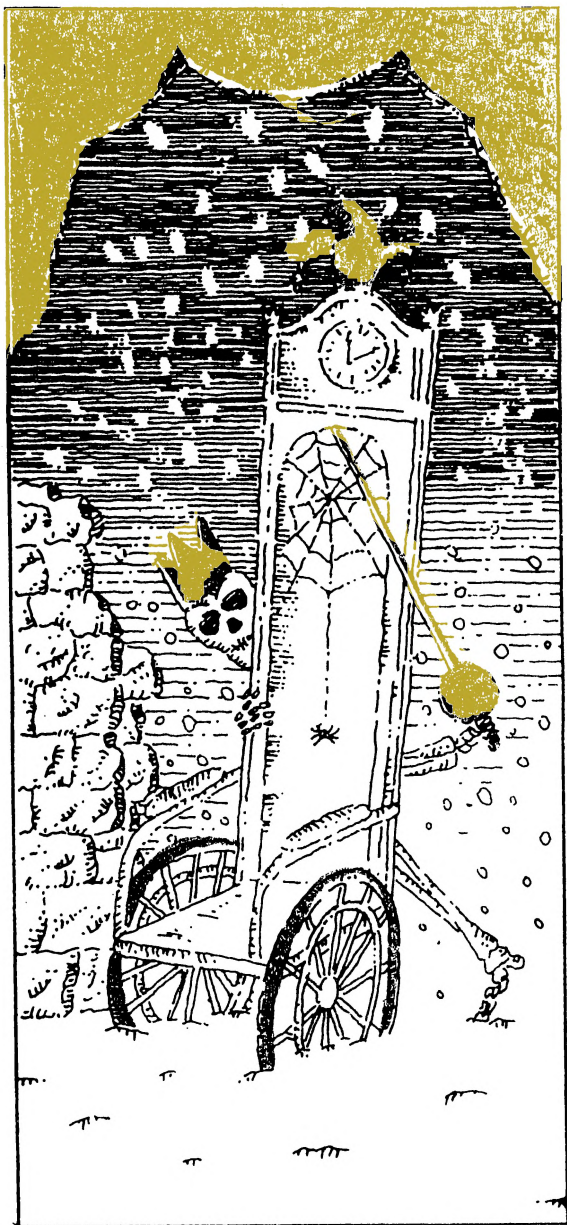
Марта. А может, ничего и не будет, кроме этих петард... может, все уладится... может быть, пламя погаснет... а лед растает... пропасти зарастут... быть может... сады... сады...

Уходят.

Занавес

Лето 1962 г.

Король умирает

Le Roi se meurt

Перевод О. Ильинской

Действующие лица

Беранже Первый, Король.
Королева Маргарита, первая супруга Короля Беранже Первого.
Королева Мария, вторая супруга Короля Беранже Первого.
Доктор, также хирург, палач, бактериолог и астролог.
Джюльетта, служанка, сиделка.
Страж.

Декорации

Тронный зал, немного запущенный, в слегка готическом стиле. Посредине, на возвышении, трон Короля. По бокам два трона поменьше для обеих Королев. Справа, в глубине сцены, маленькая дверь, ведущая в апартаменты Короля. Слева, в глубине, другая, небольшая дверь. Ближе к зрителям, тоже слева, — большая дверь. Между этой большой дверью и дверью поменьше — стрельчатое окно. Еще одно окно — небольшое — с правой стороны сцены; возле него, ближе к зрителям, — маленькая дверь. Около большой двери стоит старый Страж с алебардой.

Перед поднятием занавеса, в момент его открытия и еще несколько секунд после этого, звучит что-то вроде королевской музыки, имитирующей «Утренний выход Короля» XVII века.

Страж (объявляет). Его Величество Король Беранже Первый. Да здравствует Король!

Король быстрой походкой пересекает сцену. Он выходит из маленькой двери слева и уходит в правую дверь. На нем красная мантия, на голове корона, в руке скипетр.

Страж (объявляет). Ее Величество Королева Маргарита — первая супруга Короля. В сопровождении служанки и сиделки Их Величеств Джюльетты. Да здравствует Королева!

Маргарита, сопровождаемая Джюльеттой, выходит из правой, ближней к зрителям двери и уходит в большую дверь.

Страж (объявляет). Ее Величество Королева Мария — вторая супруга Короля, но первая в его сердце! В сопровождении служанки и сиделки Их Величеств Джюльетты. Да здравствует Королева!

Мария, сопровождаемая Джюльеттой, входит через большую дверь слева и уходит в правую, ближнюю к зрителям дверь. На ней корона, пурпурная мантия и драгоценности. Она моложе и красивее Маргариты. Из дальней левой двери выходит Доктор.

Страж (объявляет). Его высокопревосходительство господин королевский Доктор, хирург, палач, бактериолог и придворный астролог. (Доктор доходит до середины сцены. Потом, будто вспомнив что-то, поворачивает обратно и уходит в ту же дверь. Страж некоторое время молчит. У него усталый вид. Он прислоняет алебарду к стене, дует на руки, пытаясь их согреть.)

А ведь уже должно быть тепло. Отопление, включись! Ничего не поделаешь, не работает. Отопление, включись! Батарея не нагревается. Я не виноват. Он не сказал мне, что снимает с меня командование огнем! По крайней мере, официально не сказал. Их же никогда не поймешь. *(Хватает алебарду. Маргарита вновь появляется из дальней левой двери в сопровождении Джульетты. На ней корона и несвежая пурпурная мантия. У нее несколько суровый вид. Она останавливается посреди сцены.)* Да здравствует Королева!

Маргарита *(оглядевшись, Джульетте)*. Здесь мусор и пыль! Окурки валяются.

Джульетта. Я только что доила корову, Ваше Величество. Она почти не дает молока. Я не успела убрать в гостиной.

Маргарита. Это не гостиная. Это тронный зал. Сколько раз тебе говорить!

Джульетта. Ладно, Ваше Величество, пусть тронный зал. Я не успела убрать в гостиной.

Маргарита. Как здесь холодно.

Страж. Я пытался развести огонь, Ваше Величество. Не получилось. Батареи не слушаются. Небо в тучах, и вряд ли скоро прояснится. Солнце задерживается. А ведь я слышал, как Его Величество Король приказал ему появиться.

Маргарита. Вот как? Солнце больше не слушается?

Страж. Сегодня ночью я слышал потрескивание. На стене появилась трещина.

Маргарита. Как, уже? Так быстро? Не думала, что все сразу начнется.

Страж. Мы с Джульеттой пытались ее замазать.

Джульетта. Он разбудил меня среди ночи. А я так хорошо спала.

Страж. Трещина появилась снова. Попробовать опять ее замазать?

Маргарита. Не стоит. Ее не замазать. *(Джульетте.)* Где Королева Мария?

Джульетта. Она, вероятно, еще одевается.

Маргарита. Наверняка.

Джульетта. Она проснулась еще на рассвете.

Маргарита. А! Все-таки!

Джульетта. Я слышала, как она плачет у себя в комнате.

Маргарита. Смеяться и плакать — вот все, что она умеет. *(Джульетте.)* Пусть она немедленно придет. Приведи ее ко мне.

И в этот самый момент входит Мария, одетая, как раньше.

Страж. Да здравствует Королева!

Маргарита *(Марии)*. У вас красные глаза, дорогая. Это вредит вашей красоте.

Мария. Знаю.

Маргарита. Не вздумайте разрыдаться снова.

Мария. Мне трудно удержаться.

Маргарита. Не сходите с ума. Это ни к чему не приведет. Все идет как должно, не правда ли? Вы этого ждали. Вы этого больше не ждете.

Мария. А вы ждали только этого.

Маргарита. К счастью. Итак, все ясно. (*Джюльетте.*) Дай ей носовой платок.

Мария. И все-таки я надеялась...

Маргарита. Это напрасная трата времени. Надеяться, надеяться! (*Пожимает плечами.*) Только об этом и говорят — и еще рыдают. Ну и нравы!

Мария. Вы видели Доктора? Что он сказал?

Маргарита. Только то, что вы уже знаете.

Мария. Может быть, он ошибается?

Маргарита. У вас снова приступ надежды? Симптомы не обманывают.

Мария. Но, может быть, он в них не разобрался?

Маргарита. Симптомы — вещь объективная, они не обманывают. Вы это знаете.

Мария (*смотрит на стену*). Ах эта трещина!

Маргарита. Видите? И это далеко не все. Ваша вина, что он не подготовлен, ваша вина, что он будет застигнут врасплох. Вы позволили ему махнуть на себя рукой, более того, вы помогли ему забыть обо всем! Ах, сладость жизни! Ваши балы, ваши забавы, ваши процессии, ваши званые обеды, ваши шутки и ваши шутихи, свадьбы и ваши свадебные путешествия! Сколько свадебных путешествий вы совершили с ним?

Мария. Мы отмечали годовщины нашей свадьбы.

Маргарита. Вы их отмечали четыре раза в год. «Жить надо весело», — говорили вы...

Мария. Он так любит праздники!

Маргарита. Люди знают. А ведут себя так, будто не знают об этом! Знают и забывают. Но он — Король! Он не должен забывать. Его долг — смотреть вперед, точно рассчитывать все этапы пути. И видеть его конец.

Мария. Мой бедный, милый, маленький Король!

Маргарита (*Джюльетте*). Дай ей еще один носовой платок. (*Марии.*) Ну, послушайте, выше нос. Вы заразите его своими слезами. Он и так уже слаб. Вы на него отвратительно влияете. Но что поделаться? Он вас предпочел мне. Я не ревновала, о нет! Просто я поняла, что ревновать неразумно. Вы уже ничем не можете ему помочь. И теперь вы обливаетесь слезами, опускаете передо мной голову. Вы уже не смотрите на меня с вызовом. Куда делась ваша дерзость, ваша ироничная улыбка, ваши насмешки? Ну, возьмите себя в руки. Вот ваше место, постарайтесь сидеть прямо. Ага! На

вас все же ваше прекрасное кольцо. Ну, садитесь на свое место.

Мария (*садясь*). Я не смогу ему сказать.

Маргарита. Я это беру на себя. Я привыкла выполнять самое трудное.

Мария. Нет! Нет! Не говорите ему! Умоляю. Не говорите ему ничего. Прошу вас!

Маргарита. А я вас прошу мне не мешать. Но ничего не поделаешь. Мы нуждаемся в вас, чтобы церемония прошла как должно. Вы ведь любите церемонии?

Мария. Только не эту.

Маргарита (*Джюльетте*). Приведи в порядок наши шлейфы.

Джюльетта. Слушаюсь, Ваше Величество.

Джюльетта выполняет приказ.

Маргарита. Она, конечно, менее забавна, чем ваши детские балы, ваши балы для стариков, балы для молодоженов, балы для спасшихся при кораблекрушении, балы для награжденных, балы для женщин-писательниц, балы для устроителей балов и всякие другие балы. Этот бал будет проходить в семейной обстановке. Без танцоров и плясок.

Мария. Нет, не говорите ему ничего. Пусть он ни о чем не догадывается.

Маргарита. ...И пусть все завершится веселой песенкой? Это невозможно.

Мария. У вас нет сердца!

Маргарита. Есть. Оно бьется.

Мария. Вы бесчеловечны.

Маргарита. Что это значит?

Мария. Это ужасно. Он не готов.

Маргарита. А это — ваша вина. Он — как путник, который застрял на постоялом дворе и забыл, что цель путешествия не постоянный двор. Когда я вам напоминала, что королевский долг выше радостей бытия, вы говорили про меня, что я синий чулок и что все это слишком напыщенно.

Джюльетта (*в сторону*). Но это действительно слишком напыщенно.

Мария. Раз уж это неотвратимо, надо сказать ему об этом как можно мягче, со всеми предосторожностями.

Маргарита. Он должен был быть давно готов, всегда готов. Он мог напоминать себе об этом каждый день. Сколько времени потеряно зря! (*Джюльетте*.) Что ты смотришь на нас растерянными глазами? Надеюсь, ты не собираешься рыдать. Можешь идти. Но недалеко. Тебя позовут.

Джюльетта. Так что, мне не убирать в гостиной?

Маргарита. Слишком поздно. Что ж делать. Можешь идти.

Джюльетта уходит в правую дверь.

Мария. Я вас очень прошу, скажите ему это осторожно. Не торопитесь. У него может остановиться сердце.

Маргарита. У нас нет времени не торопиться. Кончились ваши безумства, кончилось ваше ничегонеделание, кончились прекрасные деньки, кончились ваши пирушки, кончился ваш стриптиз. Вы дотянули до последнего момента. Мы не смеем больше терять ни минуты именно потому, что каждая может оказаться последней. У нас всего несколько мгновений, чтобы сделать то, что должно было делаться годами и годами. Когда понадобится оставить меня с ним наедине, я скажу. Успокойтесь, вам еще предстоит сыграть свою роль. Потом я ему помогу.

Мария. Как это будет тяжело, как тяжело.

Маргарита. Так же, как мне и ему. Не хнычьте. Говорю вам. Советую. Приказываю!

Мария. Он откажется.

Маргарита. Сначала.

Мария. И я его поддержу.

Маргарита. Пусть он не увилывает. Иначе и вам будет плохо. Надо, чтобы все прошло пристойно. Чтобы была победа. Триумф! Давно уже у него не было побед. Его дворец — в руинах. Его земли разорены. Горы оседают. Море прорвало плотины и затопляет страну. Он больше не может его удерживать. Вы заставили его обо всем забыть в ваших объятиях. Как мне отвратительны ваши духи! Какой дурной вкус! Впрочем, у него всегда такой был. Вместо того чтобы укреплять почву, он позволяет бездонной пучине проглатывать гектар за гектаром.

Мария. Какая вы холодная и расчетливая! Во-первых, с землетрясениями бороться невозможно.

Маргарита. Как вы мне надоели! Он мог укрепить почву, сажая на песках хвойные леса. Бетонировать опасные участки. Но нет. Теперь все королевство в дырах, как огромный швейцарский сыр.

Мария. Как бороться с судьбой, с эрозией почвы?!

Маргарита. Не говоря уж о всех этих проигранных войнах?! Пока его пьяные солдаты дрыхли после сытой казарменной еды, соседи передвигали границы. Территория страны сузилась. Наши солдаты не хотели сражаться.

Мария. Они отказывались по религиозным убеждениям.

Маргарита. Да, так у нас говорили. А враги называли их трусами и дезертирами — и расстреливали. В результате баснословные убытки, города, стертые с лица земли, сожженные бассейны, опустевшие кабаки. Молодежь эмигрирует массами. В начале его царствования у нас было девять миллиардов жителей.

Мария. Это было даже слишком много. Им не хватало места.

Маргарита. А теперь осталась какая-нибудь тысяча стариков. И они мрут, пока я вам это говорю.

Мария. Кроме того, есть сорок пять молодых людей.

Маргарита. Это те, которых не пожелали принять другие страны. Их силой отправили к нам обратно. К тому же они страшно быстро стареют. Двадцатилетним юношам через два-три дня исполняется восемьдесят. Вы же не станете утверждать, что это нормально.

Мария. Но Король! Он еще молод.

Маргарита. Да. Вчера был таким. И сегодня ночью. А вот посмотрим на него сейчас.

Страж (*объявляет*). Возвращается его знаменитость, его знаменитость, его знаменитость, господин Доктор.

Доктор входит через большую дверь слева, которая сама открывается и закрывается. Он похож одновременно и на астролога и на палача. На голове у него остроконечный колпак с наклеенными звездами. Одет он в красное, капюшон палача с прорезями для глаз закинут за спину. В руке — большая подозрительная труба.

Доктор (*Маргарите*). Здравствуйте, Ваше Величество! (*Марии*.) Здравствуйте, Ваше Величество! Прошу Ваши Величества извинить меня за небольшое опоздание. Я прямо из больницы, где сделал ряд хирургических операций, представляющих большой интерес для науки.

Мария. Короля нельзя оперировать.

Маргарита. В самом деле. Уже нельзя.

Доктор (*смотрит сначала на Маргариту, потом на Марию*). Я знаю. Его Величество — нельзя.

Мария. Доктор, есть ли новости? Не правда ли, ему стало лучше? Ведь улучшение не исключено?

Доктор. Состояние, в общем, остается неизменным.

Мария. Действительно, надежды нет, надежды нет. (*Смотрит на Маргариту*.) Она не хочет, чтобы я надеялась. Она мне это запрещает.

Маргарита. У многих людей мания величия. У вас же — мания собственного ничтожества. Свет не видывал такой королевы! Мне стыдно за вас. Ах! Она сейчас снова заплачет.

Доктор. Вообще-то новости есть, если вам интересно.

Мария. Какие новости?

Доктор. Новости заключаются в том, что все происходящее лишь подтверждает прежние заключения. Марс и Сатурн столкнулись.

Маргарита. Этого следовало ожидать.

Доктор. Обе планеты взорвались.

Маргарита. Это логично.

Доктор. Солнце потеряло от пятидесяти до семидесяти пяти процентов своей силы.

Маргарита. Так и должно было быть.

Доктор. На северном полюсе солнца идет снег. Млечный Путь свернулся. Комета обессилела, она состарилась, оберну-

лась своим хвостом, свернулась в клубок, как умирающая собака.

Мария (*Доктору*). Не может быть, вы преувеличиваете. Да-да! Вы преувеличиваете.

Доктор. Посмотрите в трубу. Хотите?

Маргарита (*Доктору*). Не стоит. Вам верят. А еще что?

Доктор. Весна, которая была здесь еще вчера вечером, покинула нас два часа тридцать минут назад. Сейчас у нас ноябрь. За нашими границами вырастает первая трава. Там зеленеют деревья и все коровы телятся два раза в день — один утром, другой после полудня, часов в пять-пять с четвертью. У нас листья засохли и падают. Деревья вздыхают и умирают. Вся земля в трещинах — больше обычного.

Страж (*объявляет*). Метеорологический институт королевства отмечает, что погода плохая.

Мария. Я слышу, как трескается земля, увы, слышу.

Доктор. Молнии застывают в небе. Из туч сыплются лягушки. Гром грохочет. Его не слышно, потому что он беззвучен. Двадцать пять жителей расплавились, двенадцать потеряли голову. Обезглавлены. На этот раз без моего вмешательства.

Маргарита. Это, конечно, знамения!

Доктор. С другой стороны...

Маргарита (*прерывая*). Не продолжайте, достаточно. В этих случаях всегда так бывает. Мы знаем.

Страж (*объявляет*). Его Величество Король. (*Музыка.*) Внимание! Его Величество Король! Да здравствует Король!

Король входит через дальнюю правую дверь. Он босиком. За ним входит Джульетта.

Маргарита. Где он оставил свои туфли?

Джульетта. Государь! Вот они.

Маргарита (*Королю*). Какая плохая привычка — ходить босиком.

Мария (*Джульетте*). Наденьте ему скорей туфли. Он простудится.

Маргарита. Простудится он или нет, не имеет значения. Просто это дурная привычка.

Пока Джульетта надевает Королю туфли, а Мария идет ему навстречу, играет музыка.

Доктор (*униженно и подобострастно кланяясь*). Позволю себе пожелать доброго утра Вашему Величеству. Примите мои самые лучшие пожелания.

Король (*Марии, затем Маргарите*). Здравствуй, Мария! Здравствуй, Маргарита! Ты все здесь? То есть ты уже здесь? Как дела? Мои неважно. Я точно не знаю, что со мной, у

меня что-то онемели конечности, я с трудом встал, болят ноги. Хочу сменить туфли. Может, я вырос? Я плохо спал. Эта земля, которая все время трещит, границы сужаются, скот мычит, сирены воют. Что-то уж слишком шумно. Придется мне навести порядок. Ай, бок болит! (*Доктору.*) Здравствуйте, Доктор. Может, это люмбаго? (*Остальным.*) Я жду одного инженера... иностранца. Наши ничего не стоят. Им все безразлично. Кроме того, их у нас нет. Почему закрыли политехническую школу? Ах да. Она же провалилась под землю. Зачем строить другие, если они все подряд проваливаются? К тому же голова болит. И эти тучи. Я же запретил тучи. Тучи! Довольно дождя. Я говорю — довольно! А, все равно. Идет и идет. Идиотская туча. Все льет свои недоразвитые капли. Будто у нее недержание мочи. (*Джюльетте.*) Что ты на меня уставилась? Ты сегодня какая-то красная. У меня в спальне полно паутины. Иди убери ее.

Джюльетта. Я ее всю сняла, пока вы спали, Ваше Величество. Не знаю, откуда она взялась снова. Она все появляется и появляется.

Доктор (*Маргарите*). Видите, Ваше Величество? Все новые подтверждения.

Король (*Марии*). Что с тобой, моя красавица?

Мария (*бормочет*). Не знаю... Ничего... Со мной ничего.

Король. У тебя круги под глазами. Ты плакала. Почему?

Мария. Боже мой!

Король (*Маргарите*). Я запрещаю ее огорчать. Почему она сказала «Боже мой»?

Маргарита. Ну просто так. Это распространенное выражение. (*Джюльетте.*) Ступай, вымети паутину из спальни Короля.

Король. Ах да! Эта паутина отвратительна. У меня от нее кошмары.

Маргарита (*Джюльетте*). Торопись же! Что ты еле тащишься? Может, забыла, как обращаться со шваброй?

Джюльетта. Моя швабра вся стерлась. Нужна новая. Нужна дюжина швабр. (*Уходит.*)

Король. Почему вы все на меня так смотрите? Разве что-нибудь не в порядке? Не может быть ничего ненормального, потому что все ненормальное давно стало обычным. Так что все в порядке.

Мария (*бросаясь к Королю*). Мой Король, вы хромаете?

Король (*делает два-три шага, слегка прихрамывая*). Я хромаю? Я не хромаю. Я хромаю совсем немного.

Мария. Вам больно. Я вас поддержу.

Король. Мне не больно. Почему мне должно быть больно? Разве совсем чуть-чуть. Это ничего. Я не хочу, чтобы меня поддерживали. Впрочем, я всегда рад, когда ты меня поддерживаешь.

Маргарита (*направляясь к Королю*). Государы! Я должна вести вас в курс дела.

Мария. Нет! Молчите!

Маргарита (*Марии*). Это вы молчите.

Мария (*Королю*). То, что она сейчас скажет, это неправда!

Король. В курс чего? Что — неправда? Мария! Почему у тебя такой трагический вид? Что с вами?

Маргарита (*Королю*). Государы! Вас ставят в известность, что вы умрете.

Доктор. Увы, это так, Ваше Величество.

Король. Но я это знаю. Само собой разумеется. Мы все это знаем. Вы мне об этом напомните, когда придет время. Что за странная манера у вас, Маргарита, говорить мне неприятности с раннего утра.

Маргарита. Уже полдень.

Король. Нет, не полдень. Ах да, действительно полдень. Но это неважно. Для меня утро. Я еще ничего не ел. Пусть принесут мой завтрак. Откровенно сказать, я не очень голоден. Доктор, надо чтобы вы дали мне пилюли для возбуждения аппетита и облегчения печени. У меня, наверное, обложен язык. (*Показывает язык Доктору.*)

Доктор. В самом деле, Ваше Величество.

Король. У меня печень никуда не годится. Я ничего не пил вчера вечером, а у меня во рту дурной вкус.

Доктор. Королева Маргарита сказала правду. Вы умрете, Ваше Величество.

Король. Опять! Вы мне надоели. Я умру. Да, умру. Через сорок лет, через пятьдесят лет. Через триста лет. Позднее. Когда захочу. Когда у меня найдется для этого время. Когда я решу это сделать. А пока займемся делами государства. (*Поднимается по ступеням к трону.*) Ах, мои ноги, мои почки. Я простудился в этом холодном дворце с оторванной черепицей, пропускающей и дождь, и сквозняки. Заменили на крыше сорванную ветром черепицу? Никто больше не работает. Всем приходится заниматься самому. А у меня полно других дел. Ни на кого нельзя положиться. (*Марии, пытающейся его поддержать.*) Нет, я сам. (*Опирается на скипетр, как на палку.*) Этот скипетр еще на что-то годен. (*С трудом взбирается на трон при помощи королевы Марии.*) Нет. Нет!.. Я и сам могу... Наконец-то. Уфф! Этот трон стал ужасно жестким. Его надо обить. Как обстоят дела в стране сегодня утром?

Маргарита. В ее остатках?

Король. Остатки тоже хороши. При любых обстоятельствах надо ими заниматься. Это дисциплинирует мысли. Пусть позовут министров.

Появляется Джульетта.

(Джюльетте.) Иди позови министров. Они наверняка еще спят. Воображают, что больше нет никакой работы.

Джюльетта. Они уехали на каникулы. Правда, недалеко. Ведь границы сузились и сблизились. Они на другом конце королевства, то есть в трех шагах, на опушке леса, на берегу ручья. Надеются наловить рыбы, чтобы накормить население.

Король. Отправляйся на опушку и приведи их.

Джюльетта. Они не придут. У них отпуск. Все же пойду посмотрю. (Идет и смотрит в окно.)

Король. Какая недисциплинированность!

Джюльетта. Они упали в ручей.

Мария. Постарайся их вытащить.

Джюльетта уходит.

Король. Если бы у меня была пара других специалистов по управлению государством, я бы заменил министров.

Мария. Найдем.

Доктор. Других уже не найти, Ваше Величество.

Маргарита. Других уже не найти, Беранже.

Мария. Может, поискать среди школьников, когда они подрастут? Надо только немного подождать. А когда выловят из ручья этих двоих, они смогут заняться текущими вопросами.

Доктор. В школе остались только кретины, монголоиды, гидроцефалы и больные базедовой болезнью.

Король. Раса действительно не в очень хорошем состоянии. Постарайтесь их вылечить, Доктор, или хоть немного привести в порядок. Надо, чтобы они выучили хотя бы четыре-пять первых букв алфавита. Прежде таких убивали.

Доктор. Ваше Величество не может больше себе этого позволить. Иначе вы останетесь без подданных.

Король. Так сделайте что-нибудь!

Маргарита. Ничто уже нельзя привести в порядок, никого нельзя больше вылечить. Даже вас.

Доктор. Государь! Вас вылечить невозможно.

Король. Я не болен.

Мария. Он хорошо себя чувствует. (Королю.) Не правда ли?

Король. Если не считать небольшого недомогания. Это ерунда. И сейчас мне гораздо лучше.

Мария. Видите? Видите? Он говорит, что ему гораздо лучше.

Король. Даже намного лучше.

Маргарита. Ты умрешь через полтора часа. Ты умрешь в конце спектакля.

Король. Что вы говорите, дорогая? Это даже не смешно.

Маргарита. Ты умрешь в конце спектакля.

Мария. Боже мой!

Доктор. Да, Государь. Вы умрете. Вы не будете вкушать ваш завтрак завтра утром. А также ужинать сегодня вечером. Повар выключил газ и сдал фардук. Он сейчас навсегда укладывает ска-терти и салфетки в стенной шкаф.

Мария. Не говорите так быстро. Не говорите так громко.

Король. Кто посмел отдать такие распоряжения, не спросив моего согласия? Я чувствую себя прекрасно. Вы издеваетесь надо мной. Лжете. (*Маргарите.*) Ты всегда хотела моей смерти. (*Марии.*) Я умру, когда захочу. Я — Король, и я решаю.

Доктор. Вы утратили способность решать единолично, Ваше Величество.

Маргарита. Ты не можешь приказать даже самому себе стать здоровым.

Король. Я здоров. (*Марии.*) Ты же сама сказала, что я здоров. И я по-прежнему красив.

Маргарита. А твои боли?

Король. У меня их больше нет.

Маргарита. Попробуй подвигайся. И ты увидишь.

Король (*только что снова сел, привстает*). Ай!.. Это потому, что у меня не было времени для самовнушения. У меня не было времени подумать! Я подумаю — и вылечусь. Король вылечивает себя сам. Я просто был слишком занят делами королевства.

Маргарита. А в каком состоянии твое королевство! Ты не можешь им управлять. Ты сам видишь, но не хочешь это признать. У тебя нет власти над собой, нет власти над стихиями. Ты не можешь больше противиться распаду. У тебя нет власти над нами.

Мария. Ты всегда будешь иметь власть надо мной.

Маргарита. Он утратил власть даже над вами.

Входит Джульетта.

Джульетта. Министров не выловить. Ручей, в который они свалились, унес их в бездну вместе с берегами и ивами, что росли по берегам.

Король. Понимаю. Это заговор. Вы хотите, чтобы я отрекся?

Маргарита. Это было бы лучше. Отрекайся по доброй воле.

Доктор. Отрекитесь, Государь, так будет лучше.

Король. Чтобы я отрекся?!

Маргарита. Да. Отрекись морально и официально.

Доктор. И физически.

Мария. Не соглашайся. Не слушай их.

Король. Они сумасшедшие или предатели.

Джульетта. Государы! Бедный Государы! Государы! Бедный Государы!

Мария (*Королю*). Их надо арестовать!

Король (*Стражу*). Страж! Арестуй их.

Мария. Страж! Арестуй их! (*Королю*.) Именно так. Отдавай приказы!

Король (*Стражу*). Арестуй их всех и заточи в башню. Хотя нет. Башня обвалилась. Запри их на ключ в погребе в одиночных камерах. Или в крольчатнике. Арестуй их всех. Я приказываю.

Страж (*недвижим*). Именем Его Величества... Я вас... я вас арестовываю.

Мария (*Стражу*). Да шевелись же.

Джюльетта. Он не их запер, а сам замер.

Король (*Стражу*). Сделай это! Ну, страж!

Маргарита. Ты же видишь, он не может шевельнуться. У него подагра. Или ревматизм.

Доктор (*указывая на Стража*). Государы! Армия парализована. Неизвестный вирус пробрался в ее мозг и саботирует приказы.

Маргарита (*Королю*). Твои собственные приказы его парализуют.

Мария (*Королю*). Не верь ей. Она хочет тебя загипнотизировать. Все зависит от силы воли. Мобилизуй всю свою волю.

Страж. Я вас... именем Короля... Я вас... (*Замирает с открытым ртом*.)

Король (*Стражу*). Что с тобой? Говори! Двигайся! Ты же не статуя.

Мария (*Королю*). Не спрашивай. Не спорь. Приказывай. Подчини его своей воле.

Доктор. Страж не может больше двигаться. Видите, Ваше Величество, он не может больше говорить, он окаменел. Он вас больше не слушает. Это характерный симптом. Медицине вся ясно.

Король. Сейчас мы увидим, есть у меня власть или нет.

Мария (*Королю*). Докажи, что есть. Ты сможешь, если захочешь.

Король. Я докажу, что хочу, докажу, что могу.

Мария. Прежде всего встань.

Король. Я встаю. (*С гримасой делает огромное усилие*.)

Мария. Ты видишь, как это просто?

Король. Вы видите, как это просто? Вы, узурпаторы, заговорщики, большевики. (*Идет к Марии, которая хочет ему помочь*.) Нет! Нет! Я сам. Я могу сам. (*Падает. Джульетта бросается к нему, чтобы его поднять*.) Я поднимусь сам.

Действительно, поднимается сам, с большим трудом.

Страж. Да здравствует Король! (*Король снова падает*.) Король умирает.

Мария. Да здравствует Король!

Король с трудом поднимается, опираясь на скипетр.

Страж. Да здравствует Король! (*Король снова падает.*) Король умер!

Мария. Да здравствует Король! Да здравствует Король! Маргарита. Какая комедия.

Король с трудом поднимается.

Джюльетта. Да здравствует Король!

Снова уходит. Король снова падает.

Страж. Король умирает.

Мария. Нет! Да здравствует Король! Встань. Да здравствует Король!

Джюльетта (*входит и чуть позже, когда Король поднимается, выходит*). Да здравствует Король!

Король с трудом поднимается.

Страж. Да здравствует Король!

Эта сцена должна быть сыграна в духе трагического гиньоля.

Мария. Вы теперь видите, что ему стало лучше?

Маргарита. Это улучшение перед концом. Не правда ли, Доктор?

Доктор (*Маргарите*). Да. Это всего лишь улучшение перед концом.

Король. Я просто поскользнулся. Это может случиться с каждым. Это бывает. Где моя корона? (*Когда Король падает, корона свалилась. Мария надевает Королю корону.*) Это плохая примета.

Мария. Не верь.

Скипетр Короля падает.

Король. Это плохой признак.

Мария. Не верь. (*Подает Королю скипетр*). Держи его крепче. Сожми руку в кулак.

Страж. Да здравствует... Да здравствует... (*Замолкает.*)

Доктор (*Королю*). Ваше Величество...

Маргарита (*Доктору, указывая на Марию*). Ее нужно успокоить, она то и дело лезет со своими разговорами. Она не должна больше ничего говорить без нашего разрешения.

Мария застывает.

(Доктору, указывая на Короля.) Попробуйте теперь объяснить ему.

Доктор (Королю). Ваше Величество! Десятки лет, точнее, еще три дня назад ваша империя процветала. За три дня вы проиграли все войны, которые прежде выиграли, а проигранные проиграли еще раз. После того как сгнили на корню все посевы и засуха охватила наш континент, растения зеленеют лишь в соседних странах, которые до последнего четверга были пустынями. Ракеты, которые вы хотите запустить, не взлетают. А если и взлетают, то тут же плюхаются на землю.

Король. Технические неполадки.

Доктор. Прежде их не бывало.

Маргарита. Время удач кончилось. Ты должен отдавать себе в этом отчет.

Доктор. Ваши боли, упадок сил...

Король. У меня никогда ничего подобного не было. Сегодня — в первый раз.

Доктор. Вот именно. Это симптом. Ведь все началось неожиданно, правда?

Маргарита. Ты должен был ожидать этого.

Доктор. Все началось неожиданно, вы больше не можете владеть собой. Вы чувствуете, Государь. Признайтесь же, ну, соберитесь с духом.

Король. Я же поднялся. Вы лжете. Я встал!

Доктор. Вам очень больно, и вы не сможете сделать еще одно усилие.

Маргарита. Надолго ли? (Королю.) Способен ли ты вообще что-нибудь сделать? Дать приказание, которое будет выполнено? Можешь ли ты изменить что-нибудь? Попробуй.

Король. Разброд наступил, потому что я не мобилизовал всю силу воли. Простая небрежность. Все наладится. Все заработает, обновится. Я еще покажу, на что я способен. Страж, двигайся. Приблизься сюда!

Маргарита. Он не может. Теперь он будет слушаться только других. Страж! Сделай два шага. (Страж приближается на два шага.) Страж! Два шага назад!

Страж отступает на два шага.

Король. Пусть голова Стража упадет, пусть она упадет! (Голова Стража склоняется немного вправо и немного влево.) Она сейчас упадет!

Маргарита. Нет. Она просто слегка качается. Как и раньше.

Король. Пусть упадет голова Доктора. Пусть она упадет сейчас же. Ну! Ну же!

Маргарита. Никогда еще голова Доктора не держалась столь прочно у него на плечах.

Доктор. Мне ужасно неловко. Я в полном смущении, Ваше Величество.

Король. Пусть корона Королевы Маргариты упадет на пол, пусть упадет ее корона.

Вновь падает корона Короля. Маргарита ее поднимает.

Маргарита. Так и быть, я тебе ее подниму. На, держи.

Король. Спасибо. Что за колдовство?! Каким образом вы ускользаете из-под моей власти? Не думайте, что так будет долго продолжаться. Я найду причину этого непослушания. Что-то застряло в государственном механизме. Какая-нибудь мелкая деталь.

Маргарита (*Марии*). Теперь ты можешь говорить. Мы отдаем его тебе.

Мария (*Королю*). Прикажи мне сделать что-либо. Я сделаю. Приказывай, Государь, приказывай. Я послушаюсь.

Маргарита (*Доктору*). Она думает, будто то, что она называет любовью, может совершить невозможное. Сентиментальный предрассудок. Все изменилось. Об этом и речи быть не может. Мы уже выше этого. Выше.

Мария (*пытится к правой стороне сцены, пока не оказывается у окна*). Прикажи, мой Король! Прикажи, моя любовь. Взгляни, как я прекрасна. Прикажи, чтобы я подошла. Чтобы я тебя поцеловала.

Король (*Марии*). Подойди ко мне. Поцелуй меня. (*Мария остается неподвижной.*) Ты слышишь?

Мария. Да. Слышу. Я сейчас это сделаю.

Король. Иди ко мне.

Мария. Я бы очень хотела это сделать. Я хочу это сделать. У меня опускаются руки.

Король. Танцуй. (*Мария не двигается.*) Танцуй. Тогда вернись хотя бы к окну, открой его и снова закрой.

Мария. Не могу.

Король. Значит, у тебя ревматизм. У тебя ревматизм. Приблизься ко мне.

Мария. Да, Государь.

Король. Приблизься ко мне, улыбаясь.

Мария. Я больше не умею ходить. Я вдруг забыла, как это делается.

Маргарита (*Марии*). Сделай несколько шагов к нему.

Мария немного приближается к Королю.

Король. Вот видите. Она подходит.

Маргарита. Она слушается меня. (*Марии.*) Стой. Остановись.

Мария. Простите, Ваше Величество. Это не моя вина.

Маргарита (*Королю*). Тебе нужны еще доказательства?

Король. Я приказываю, чтобы из паркета росли деревья. (*Пауза.*) Я приказываю, чтобы исчезла крыша. (*Пауза.*) Что? Ничего не происходит? Я приказываю, чтобы пошел дождь. (*Пауза. По-прежнему ничего.*) Я приказываю, чтобы загремела гроза и в моих руках оказался бы пучок молний. (*Пауза.*) Я приказываю, чтобы вновь зазеленели листья. (*Подходит к окну.*) Что? Снова ничего? Я приказываю Джульетте войти сюда из большой двери. (*Джульетта входит через маленькую дверь справа, в глубине. Джульетте.*) Я приказываю тебе остаться здесь. (*Джульетта уходит.*) Я приказываю, чтобы затрубили в рога и ударили в колокола. Я приказываю, чтобы раздался сто двадцать один оружейный залп в мою честь. (*Прислушивается.*) Ничего!.. Ах нет, я слышу что-то...

Доктор. Это у вас шумит в ушах, Государь.

Маргарита (*Королю*). Не пробуй больше. Ты становишься смешным.

Мария (*Королю*). Ты утомился, мой милый Король. Не отчаивайся. Ты весь вспотел. Отдохни немного. Мы снова попробуем через час. И через час у нас все получится.

Маргарита (*Королю*). Ты умрешь через час двадцать пять минут.

Доктор. Да, Государь. Через час двадцать четыре минуты пятьдесят секунд.

Король (*Марии*). Мария!

Маргарита. Через час двадцать четыре минуты сорок одну секунду. (*Королю.*) Приготовься.

Мария. Не давайся.

Маргарита (*Марии*). Не пытайся его отвлечь. Не протягивай к нему руки. Ты не сможешь его удержать. Программа будет выполнена от точки до точки.

Страж (*объявляет*). Церемония начинается.

Общее движение. Все занимают свои места. Король на троне. Мария рядом.

Король. Если бы время вернулось назад...

Мария. Хотя бы на двадцать лет...

Король. Если бы сейчас была прошлая неделя...

Мария. Если бы сейчас было вчерашний вечер... Время! Вернись назад! Время, остановись!

Маргарита. Больше нет времени. Время растаяло у него в руке.

Доктор (*Маргарите, посмотрев в подзорную трубу, направленную вертикально вверх*). В мою трубу сквозь стены и крыши можно заметить пустоту, образовавшуюся в небе над местом королевского созвездия. В реестрах Вселенной Его Величество уже числится как покойник.

Страж. Король умер. Да здравствует Король!

Маргарита (*Стражу*). Идиот! Уж лучше бы ты молчал.

Доктор. Действительно, Его Величество скорее мертв, чем жив.

Король. Нет. Я не хочу умирать. Я вас прошу, не дайте мне умереть. Будьте добры, не позволяйте мне умереть. Я не хочу.

Мария. Как придать ему силы для сопротивления? Я сама слабею. Он мне больше не верит. Он верит только им. (*Королю.*) Все же надейся. Еще есть надежда.

Маргарита (*Марии*). Не путай его. Ты ему только хуже делаешь.

Король. Я не хочу! Не хочу!

Доктор. Этот кризис был предвиден заранее. Все идет нормально.

Мария (*Маргарите*). Кризис скоро кончится.

Страж (*возвещает*). Король скоро кончится!

Доктор. Мы очень сожалеем, Ваше Величество. Но так пред-
решено.

Король. Я не хочу умирать.

Мария. Его волосы поседели в одно мгновение. (*Действительно, волосы Короля стали седыми.*) На лице, на лбу появляются морщины. Он неожиданно постарел на четырнадцать столетий.

Доктор. Так быстро устарел.

Король. Короли должны быть бессмертными.

Маргарита. У них временное бессмертие.

Король. Мне обещали, что я не умру, пока не решу сделать это сам.

Маргарита. Надеялись, что ты решишься на это раньше. У тебя появился вкус к власти, приходится заставлять тебя решать силой. Ты погряз в теплой жижке жизни. Теперь тебе предстоит застыть.

Король. Меня обманули. Меня должны были предупредить. Меня обманули.

Маргарита. Тебя предупреждали.

Король. Ты предупредила меня слишком рано, а теперь слишком уже поздно. Я не хочу умирать... Я не хотел бы умирать. Пусть меня спасают, если я не могу сделать это сам.

Маргарита. Ты сам виноват, если застигнут врасплох. Надо было подготовиться. А у тебя все не было времени. Ты был приговорен, надо было думать об этом с первого дня — и потом по пять минут в день. Это не так уж много. По пять минут в день. Затем по десять минут, по четверть часа, по полчаса... Так всегда тренируются.

Король. Я думал.

Маргарита. Ты никогда не думал серьезно, глубоко, всем своим существом.

Мария. Он жил.

Маргарита. Слишком долго. (*Королю.*) Ты должен был по-

стоянно хранить эту мысль, беречь, чтобы она стала основой всех других твоих мыслей.

Доктор. Он никогда не смотрел вперед. Он жил сегодняшним днем, как любой другой человек.

Маргарита. Ты все время давал себе отсрочку. В двадцать лет ты говорил, что дождешься сорокалетия, чтобы начать думать о смерти. В сорок лет...

Король. Я был здоров. Я был так молод.

Маргарита. В сорок лет ты решил дожидаться пятидесяти. В пятьдесят...

Король. Я был полон жизни. Ах, как я был полон жизни!

Маргарита. В пятьдесят ты хотел дожидаться шестидесяти. Тебе исполнилось шестьдесят, затем восемьдесят, затем сто двадцать пять, затем двести, четыреста лет. Ты откладывал подготовку к смерти уже не на десять, а на пятьдесят лет. Потом — на век, потом — еще на век.

Король. Я как раз сегодня утром решил начать готовиться. О, если бы у меня было столетие впереди. Тогда, наверное, у меня бы хватило времени.

Доктор. У вас остается немногим более часа, Государь. Надо сделать все за один час.

Мария. Он не успеет, это невозможно. Надо дать ему больше времени.

Маргарита. Это-то как раз и невозможно. За час он все успеет.

Доктор. Хорошо использованный час стоит столетий лени и нерадивости. Пяти минут достаточно. Десять секунд подойдут. А ему дают целый час: шестьдесят минут, три тысячи шестьсот секунд. Ему еще повезло.

Маргарита. Он бездельничал, никогда не торопился, шел по жизни прогуливаясь.

Мария. Мы царствовали, он работал, совершал подвиги!

Страж. Подвиги Геракла!

Маргарита. Чепуха.

Джульетта (входя). Бедное Его Величество, бедный Государь. Он прогуливал.

Король. Я как школьник, который пришел на экзамен, не подготовившись. Не выучив урока...

Маргарита (Королю). Не стоит беспокоиться.

Король. ...Как актер, не знающий своей роли в день премьеры. В памяти которого сплошные дыры, дыры, дыры. Как оратор, выпихнутый на трибуну, не знающий, о чем говорить и к кому обращаться. Я не знаю этой публики. И знать ее не хочу, мне нечего ей сказать. Вот в каком я состоянии!

Страж (объявляет). Король намекает на свое состояние!

Маргарита. Какое невежество.

Джульетта. Он не прочь еще несколько веков прогулять.

Король. Я бы хотел остаться на второй год.

Маргарита. Ты сдашь экзамен. Второгодников не бывает.

Доктор. Вы ничего не можете сделать, Ваше Величество, и мы ничего не можем. Здесь медицина бессильна, чудеса ей неподвластны.

Король. Знает ли об этом народ? Предупредили ли вы его? Я хочу, чтобы все знали, что Король скоро умрет. *(Бросается к окну, хромя больше прежнего, с большим усилием открывает.)* Добрые люди! Я скоро умру! Слушайте меня! Ваш Король скоро умрет!

Маргарита *(Доктору)*. Не надо, чтобы его слышали. Не давайте ему кричать.

Король. Не трогайте Короля! Я хочу, чтобы весь мир знал, что я умираю. *(Кричит.)*

Доктор. Это же скандал.

Король. Народ! Я должен умереть!

Маргарита. Это больше не Король. Это боров, которого режут.

Мария. Это всего лишь Король. Это всего лишь человек.

Доктор. Ваше Величество. Подумайте о смерти Людовика Четырнадцатого, Филиппа Второго, Карла Пятого, который двадцать лет проспал в гробу. Обязанность Вашего Величества — умереть достойно.

Король. Умереть достойно? *(В окно.)* На помощь! Ваш Король умирает!

Мария. Бедный Король! Мой бедный Король!

Джюльетта. Криком здесь не поможешь.

Издаലെка доносится слабое эхо: «Король умирает!»

Король. Вы слышите?

Мария. Я слышу. Слышу!

Король. Мне отвечают. Быть может, меня спасут.

Джюльетта. Там никого нет.

Вновь слышно эхо: «На помощь!»

Доктор. Это всего лишь запоздалое эхо.

Маргарита. В королевстве, где все разладилось, все обычно и запаздывает.

Король *(отходя от окна)*. Это невозможно. *(Вновь подходит к окну.)* Я боюсь! Это невозможно.

Маргарита. Ему кажется, что впервые кому-то приходится умирать.

Мария. Все люди умирают впервые.

Маргарита. Это мучительно.

Джюльетта. Он плачет, как простой человек.

Маргарита. От страха он говорит банальности. Я надеялась,

что он скажет несколько красивых афоризмов. (*Доктору.*) Поручаю вам: ему надо приписать чужие красивые слова. В крайнем случае придумаем сами.

Доктор. Мы ему припишем несколько поучительных предложений. (*Маргарите.*) Мы вырастим легенду о нем. (*Королю.*) Мы создадим легенду о вас, Ваше Величество.

Король (*у окна*). Народ, на помощь... Народ, на помощь!

Маргарита. Ну, может быть, хватит? Ты напрасно себя утомляешь.

Король (*в окно*). Кто хочет отдать за меня жизнь? Кто хочет умереть за Короля? За доброго Короля, бедного Короля?

Маргарита. Это непристойно!

Мария. Пусть он испробует все возможности. Даже самые невероятные.

Джюльетта. Тем более что в стране-то никого нет. (*Уходит.*)

Маргарита. Есть шпионы.

Доктор. Есть вражеские уши на границах.

Маргарита. Его страх нас всех позорит.

Доктор. Эхо больше не отвечает. Его голос никому больше не слышен. Пусть кричит, сколько хочет. Его крики не достигают даже ограды сада.

Маргарита (*в то время как Король стонет*). Он все орет.

Доктор. Слышим его только мы. Он сам себя больше не слышит.

Король поворачивается. Делает несколько шагов к центру сцены.

Король. Мне холодно. Мне страшно. Мне хочется плакать.

Мария. У него немеют руки и ноги.

Доктор (*Маргарите*). У него приступ ревматизма.

Джюльетта появляется с инвалидным креслом на колесиках. На его спинке корона и королевский герб.

Король. Я не хочу, чтобы мне делали укол.

Мария. Не надо укола.

Король. Я знаю, что это значит. (*Джюльетте.*) Я не приказывал прикатывать это кресло. Мне хочется погулять, подышать свежим воздухом.

Джюльетта ставит кресло в угол справа и выходит.

Маргарита. Сядь в кресло. Иначе ты упадешь.

Король действительно пошатывается.

Король. Я не согласен. Мне хочется стоять.

Джюльетта возвращается с одеялом.

Джюльетта. Вам будет удобнее в кресле с одеялом на коленях и грелкой. *(Выходит.)*

Король. Нет, я хочу стоять, я хочу вопить. Хочу вопить. *(Кричит.)*

Страж *(возвещает)*. Его Величество вопит!

Доктор *(Маргарите)*. Вопить он будет недолго. Это мне знакомо. Он скоро устанет, замолчит и будет нас слушать.

Джюльетта направляется к выходу с теплой одеждой и грелкой.

Король *(Джюльетте)*. Я тебе запрещаю.

Маргарита. Садись! Сейчас же садись!

Король. Я отказываюсь! *(Хочет взойти по ступеням на трон. Это ему не удается. Но все же он садится на левый трон одной из королев.)* Я падаю, помимо моей воли.

Джюльетта, все это время следовавшая за Королем с вещами в руках, кладет одежду и грелку в инвалидное кресло.

Маргарита *(Джюльетте)*. Возьми у него скипетр. Для него он слишком тяжел.

Король *(Джюльетте, которая направляется к нему с ночным колпаком)*. Я не хочу надевать колпак. *(Колпак ему не надевают.)*

Джюльетта. Это корона, только менее тяжелая.

Король. Оставь мне мой скипетр.

Маргарита. У тебя нет больше сил его держать.

Доктор. Вам незачем на него опираться. Вас отнесут или отвезут в кресле.

Король. Я хочу оставить скипетр себе.

Мария *(Джюльетте)*. Оставь ему скипетр, если он этого хочет.

Джюльетта вопросительно смотрит на Королеву Маргариту.

Маргарита. В конце концов, не вижу в этом ничего предосудительного.

Джюльетта отдает скипетр Королю.

Король. Может, это все неправда. Скажите мне, что это неправда. Это кошмар.

Все молчат.

Может, есть хоть один шанс из десяти? Один из тысячи?

Все молчат; Король всхлипывает.

Я часто выигрывал в лотерею.

Доктор. Ваше Величество!

Король. Я не хочу больше вас слушать. Я слишком боюсь.

Маргарита. Ты должен слушать, Государь.

Король. Я не хочу ваших слов. Они нагоняют на меня страх. Я не хочу, чтобы кто-нибудь говорил. (*Марии, которая хотела к нему приблизиться.*) И ты не подходи. Твоя жалость меня пугает.

Король снова стонет.

Мария. Он как маленький ребенок. Он снова стал ребенком.

Маргарита. Бородатый, морщинистый, уродливый ребенок. Как же вы снисходительны!

Джюльетта (*Маргарите*). Побыли бы вы на ее месте.

Король. Нет. Наоборот, говорите со мной. Говорите! Окружите! Держите меня! Поддержите меня. Нет, я хочу убежать отсюда. (*С трудом поднимается, идет и садится на другой небольшой трон справа.*)

Джюльетта. Его уже ноги не держат.

Король. Мне трудно пошевелить руками. Может быть, уже начинается? Нет. Зачем я родился, если родился не навсегда? Проклятые родители! Какая глупая, подлая шутка! Пять минут назад я родился, три минуты назад — женился.

Маргарита. Это было двести восемьдесят три года назад.

Король. А на трон я взшел две с половиной минуты назад.

Маргарита. Прошло двести семьдесят лет и три месяца.

Король. Не успеешь даже передохнуть. У меня не было времени узнать жизнь.

Маргарита (*Доктору*). Он не сделал для этого ни малейшего усилия.

Мария. Это была всего лишь короткая прогулка по цветущей аллее. Несдержанное обещание. Угасшая улыбка.

Маргарита. А ведь в его распоряжении были лучшие ученые, которые могли ему все объяснить. И теологи, и просто знающие люди, и книги, которые он так и не прочел.

Король. У меня не было времени.

Маргарита (*Королю*). Ты говорил, что времени у тебя полно.

Король. У меня не было времени, у меня не было времени, у меня не было времени.

Джульетта. Он повторяется.

Маргарита (*Доктору*). Все время одно и то же.

Доктор. Нет, пожалуй, лучше. Он стонет, плачет, но начинает понемногу рассуждать. Он жалеет себя, объясняет свою жизнь, протестует. Это значит, что он начинает примиряться.

Король. Я никогда не примирюсь!

Доктор. Его отказ от капитуляции — признак примирения. Он делает из примирения проблему. Он сам ставит проблему перед собой.

Маргарита. Наконец-то.

Доктор. Ваше Величество! Вы воевали сто восемьдесят раз. Во главе ваших армий вы участвовали в двух тысячах сражений. Сначала на белом коне с красно-белым султаном на голове — очень заметным. И вы не боялись. Затем, когда вы модернизировали армию, вы воевали, стоя на танке или на крыле самолета во главе больших подразделений.

Мария. Он был героем!

Доктор. Тысячу раз вы и смерть были рядом.

Король. Только рядом — не ближе. Она была не для меня. Я это чувствовал.

Мария. Ты был героем. Слышишь? Вспомни.

Маргарита. Ты руками этого доктора и палача, здесь присутствующего, убил...

Король. Казнил — не убил.

Доктор (*Маргарите*). Казнил, Ваше Величество, не убил. Я выполнял приказ. Я был простым орудием наказания, а не убийцей. Объектом приказа, а не предметом его. Я применил к ним эутаназию. Кроме того, я об этом сожалею. Простите.

Маргарита (*Королю*). Я говорю: ты приказал убить моих родителей, твоих братьев — соперников, наших кузенов и кузин, внучатых племянников, их семьи, их друзей, их скот. Ты выжег их земли.

Доктор. Его Величество говорили: так или иначе им все равно придется когда-нибудь умереть.

Король. Я делал все это во имя государственной необходимости.

Маргарита. Ты умрешь сегодня также по государственной необходимости.

Король. Но государство — это я! Оно — мое достояние!

Джульетта. Несчастный! В каком же он состоянии!

Мария. Он был законом превыше всех законов.

Король. Я больше не закон.

Доктор. Он это признает. Дело идет на лад.

Маргарита. Это облегчает задачу.

Король (*стонет*). Я уже больше не превыше законов. Я уже не превыше законов.

Страж (*оповещает*). Его Величество Король больше не превыше законов.

Джульетта. Он больше не превыше законов, бедный старик. Он как мы. Он похож на моего дедушку.

Мария. Бедный малютка. Мое бедное дитя.

Король. Дитя?! Дитя?! Значит, все начинается снова. Я хочу все начать снова. *(Марии.)* Я хочу быть младенцем. Ты будешь моей мамой. Значит, за мной не придут. Я еще не умею ни читать, ни писать, ни считать. Пусть меня поведут в школу с моими маленькими товарищами. Сколько будет два плюс два?

Джульетта. Два плюс два будет четыре.

Маргарита *(Королю)*. Ты это знаешь.

Король. Это она мне подсказала. Увы! Никак нельзя сплутовать. Увы, увы, столько людей рождается в эту самую минуту! Столько бесчисленных рождений в мире!

Маргарита. Но не у нас в стране.

Доктор. Рождаемость у нас сведена к нулю.

Джульетта. Даже салат не растет.

Маргарита *(Королю)*. Всеобщая стерильность. И все из-за тебя.

Мария. Не надо его огорчать.

Джульетта. Может, потом все снова начнет расти?

Маргарита. Когда он согласится. Без него.

Король. Без меня, без меня. Без меня люди будут смеяться, они будут жрать, они будут танцевать на моей могиле. Словно я никогда не существовал. Ах, если бы только меня вспоминали! Пусть плачут, пусть отчаиваются. Пусть увековечат мою память во всех учебниках истории. Пусть весь мир знает мою жизнь наизусть. Пусть все переживут ее вновь. Пускай у школьников не будет других предметов, кроме меня, моего царствования и моих подвигов. Пусть сожгут все другие книги и разобьют все статуи. А мои изображения воздвигнут на всех площадях. Мой портрет должен висеть во всех министерствах, кабинетах всех префектур, во всех налоговых инспекциях, в больницах. Пусть назовут моим именем все самолеты, корабли и паровозы. Я хочу, чтобы все другие короли, воины, поэты, теноры, философы были забыты. Только я — в памяти всех. Одно имя, одна фамилия для всех. Чтобы учили читать по моей фамилии: Бэ-е, Бе, Бе-ран-же. Чтобы я был на иконах, на миллионах крестов во всех храмах. Пусть служат мне мессы. Пусть я буду причастием. Пусть все освещенные окна формой и цветом напоминают мои глаза. Пусть излучины рек в долинах образуют мой профиль. Пусть меня вечно зовут, спрашивают, умоляют.

Мария. И, может быть, ты возвратишься?

Король. И, может быть, я возвращусь. Пусть сохраняют во дворце на троне мое тело нетленным. Пусть туда приносят еду. Пусть там играет музыка и девственницы валяются у моих охладевших ног. *(Король стоя произносит эту тираду.)*

Джульетта (*Маргарите*). У него бред, мадам.

Страж (*оповещает*). Его Величество Король бредит!

Маргарита. Нет еще. Он в сознании, но одновременно чрезмерном и недостаточном.

Доктор (*Королю*). Если такова ваша воля, ваше тело забальзамируют и будут хранить.

Джульетта. Пока можно.

Король. Какой ужас! Я не хочу, чтобы меня бальзамировали. Я не хочу быть трупом. Я не хочу, чтобы меня сжигали! Я не хочу, чтобы меня хоронили, не хочу, чтобы меня бросали стервятникам или хищникам. Я хочу, чтобы меня держали в горячих объятиях, в свежих, нежных, сильных объятиях.

Джульетта. Он сам не знает, чего хочет.

Маргарита. Мы решим за него. (*Марии*.) Не падайте в обморок.

Джульетта плачет.

И эта ревет. Обе одинаковы.

Король. Если обо мне будут помнить, то долго ли? Пусть помнят до конца времен. И даже после конца времен, через двадцать тысяч лет, через двести пятьдесят пять миллиардов лет... Но нет, меня забудут раньше. Все, все эгоисты, думают только о своей жизни, о своей шкуре, а не о моей. Если вся земля должна истощиться и провалиться в бездну, так и будет. Если все вселенные должны взорваться, они взорвутся, будь то завтра или многие столетия спустя — неважно. То, что должно кончиться, уже кончено.

Маргарита. Все уже стало вчерашним.

Джульетта. Даже сегодня — это вчера.

Доктор. Все уже прошло.

Мария. Мой дорогой, мой Король. Нет прошлого, нет будущего. Скажи же сам: есть только настоящее до самого последнего конца. Все настоящее. Будь настоящим! Будь настоящим!

Король. Увы! Я — настоящий лишь в прошлом.

Мария. Да нет же!

Маргарита (*Королю*). Да-да, взгляни на вещи трезво, Беранже.

Мария. Да, взгляни трезво, мой Король, мой дорогой. Не мучай себя больше. Жить — это всего лишь слово, умереть — это всего лишь слово. Это формулы, идеи, которые мы сами себе придумываем. Если ты это поймешь, ничто тебе не страшно. Возьми себя в руки, держись, не потеряй себя, погрузись в незнание всего помимо тебя. Ты есть, сейчас ты есть. Стань бесконечно вопрошающим: что это, что это... Невозможность ответа и есть сам ответ, она и есть само твое существо — расширяющееся, взрывающееся. Погрузись в удив-

ление, безграничное изумление — так ты сможешь стать безграничным, так ты сможешь быть вечным. Будь удивлен, будь ослеплен, все вокруг странное, неопределенное. Раздвинь решетки своей тюрьмы, пробей стены, забудь определения. И ты будешь дышать.

Доктор. Он задыхается.

Маргарита. Страх закрывает ему горизонт.

Мария. Пусть тебя затопят радость, свет, будь удивлен, будь ослеплен. Ослепление стремительным потоком войдет в плоть и кровь, как река ошеломляющего света. Если ты этого захочешь.

Джюльетта. Он бы не прочь.

Мария (*умоляюще сложив руки*). Вспомни, умоляю тебя, то июньское утро на берегу моря, когда мы были вместе. Радость освещала тебя, пронизывала тебя всего. Ты ведь ощутил эту радость, ты говорил, что чувствуешь ее — неизменную, плодотворную, незапятнанную. Если ты это говорил тогда, то можешь сказать и сейчас. Этот огненный рассвет был в тебе. И если он был тогда, он есть и сейчас. Найди его. Найди его в себе.

Король. Не понимаю.

Мария. Ты уже сам себя не понимаешь.

Маргарита. Он никогда не мог себя понять.

Мария. Возьми себя в руки.

Король. Как это сделать? Никто не может или не хочет мне помочь. А сам я не в силах себе помочь. О солнце, помоги мне, солнце! Прогони тьму, не пусти ночь. Солнце, солнце, освети все могилы, все темные уголки, ямы и закоулки, войди в меня. Ах! Мои ноги стынут, согрей меня, войди в мое тело, под кожу, войди в мои глаза. Зажги вновь в них гаснущий свет, чтобы я видел, чтобы я видел, чтобы я видел. Солнце, солнце, будешь ли ты оплакивать меня? Солнышко, доброе мое солнце, защити меня. Если тебе взамен нужна небольшая жертва, сожги и уничтожь весь мир. Пусть все умрут, лишь бы я жил вечно один в безграничной пустыне. С одиночеством я как-нибудь справлюсь. Я сохраню воспоминания о других людях и буду их искренне жалеть. Я смогу жить в громадной прозрачной пустоте. Лучше оплакивать других, чем самому быть оплаканным. К тому же меня оплакивать не будут. Светило дня, на помощь!

Доктор (*Марии*). Вы говорили совсем о другом свете. Вы советовали ему вспомнить совсем о другой пустыне. Он вас не понял и не может больше понять. Бедный угасший разум.

Маргарита. Все зря. Это не метод.

Король. Пусть я буду жить даже с зубной болью. Века и века. Увы! То, что должно кончиться, уже кончено.

Доктор. Тогда, Государь, чего же вы ждете?

Маргарита. Ничего не осталось, кроме его длинных моноло-

гов, которые никак не кончаются. (*Показывая на Королеву Марию и Джульетту.*) И этих двух плакальщиц. Они ему мешают, он медлит, увязает, задерживается.

Король. Нет! Вокруг недостаточно плачут. Меня мало жалеют. (*Маргарите.*) Не надо мешать плакать, вопить, рыдая о Короле. О юном Короле. О бедном маленьком Короле. О старом Короле. Я испытываю жалость к тем, кто меня жалеет. Ведь они не увидят меня больше, они будут покинуты, когда останутся одни. Опять я думаю за всех. Войдите в меня. Станьте мною. Влезьте в мою шкуру. Я умираю. Вы слышите? Я хочу сказать, что я умираю, но не могу это выразить. У меня получается все слишком литературно.

Маргарита. И еще как!

Доктор. Все эти речи недостойны записи. Ничего нового.

Король. Все кругом чужие. Я думал, что это моя семья. Мне страшно. Я куда-то погружаюсь, перевоплощаюсь, растворяюсь... Я ничего не знаю, меня никогда не было. Я умираю.

Маргарита. Это и есть литература.

Доктор. Он будет жить в ней до последней минуты. Жизнь всего только повод для литературы.

Мария. Если бы это могло облегчить его страдания.

Страж (*возглашает*). Литература несколько облегчает страдания Короля.

Король. Нет, нет. Я знаю, ничто мне ничего не облегчает. Она меня переполняет, она меня опустошает. (*Жалуется. Без декламации, словно он тихо стонет.*) Вы, бесчисленные, которые умерли до меня. Помогите мне. Скажите, как вам удалось умереть, примириться. Научите меня. Пусть ваш пример меня утешит, чтобы я мог опереться на вас, как на костыли, как на братские руки. Помогите мне перейти тот порог, который вы перешли. Вернитесь на минуту с той стороны. Помогите мне те, которые боялись и хотели жить. Как это происходило? Кто вас поддерживал? Кто вас научил, кто вас подтолкнул? Было ли вам страшно до самого конца? И вы, которые были сильны и смелы, вы, которые согласились умереть с безразличием и безмятежностью. Научите меня безразличию, научите меня безмятежности, научите меня смирению.

Реплики в следующей сцене должны проговариваться как ритуал, торжественно, почти певуче. Все следует сопровождать соответствующими жестами: протянутые руки, коленопреклонения и т. п.

Джульетта. Вы, статуи, вы, просветленные или затемненные, древние, вы, тени, вы, воспоминания...

Мария. Научите его безмятежности...

Страж. Научите его безразличию...

Доктор. Научите его смирению...

Маргарита. Заставьте его прислушаться к разуму. Успокойте его.

Король. Вы, самоубийцы. Внушите мне отвращение к жизни. Наградите меня усталостью. Какой наркотик нужен для этого?

Маргарита. Его от любого вырвет.

Джюльетта. Вы, воспоминания!..

Страж. Вы, старые образы...

Джюльетта. ...которые существуют только в памяти...

Страж. Воспоминания о воспоминаниях воспоминаний...

Маргарита. Чему он должен научиться — так это сначала немного уступить, а затем капитулировать полностью.

Страж. ...Мы вас заклинаем.

Мария. Вы, туманы... Вы, ночные росы...

Джюльетта. Вы, дымки... Вы, тучи...

Мария. Вы, святые, вы, мудрецы, вы, безумцы... Помогите ему, потому что я не могу ему помочь.

Джюльетта. Помогите ему.

Король. Вы, храбрецы, совершавшие подвиги и радостно встретившие свой конец...

Джюльетта. Помогите Королю!

Мария. Помогите ему вы все. Помогите ему, я вас молю!

Король. Вы, умиравшие счастливыми. Кого вы видели возле себя? Чья улыбка поддержала вас и заставила в ответ улыбнуться? Откуда шел последний луч, который вам светил?

Джюльетта. Помогите ему вы, миллиарды скончавшихся.

Страж. О великое Ничто! Помоги Королю!

Король. Миллиарды мертвых! Они умножают мою тоску. Я — их агония. Моя смерть бесчисленно множественна. Сколько вселенных гаснет во мне!

Маргарита. Жизнь — это изгнание.

Король. Я знаю, знаю.

Доктор. Одним словом, Ваше Величество, вы возвращаетесь к себе на родину.

Мария. Ты уйдешь туда, где ты был до рождения. Не бойся. Тебе же знакома та страна, хоть ты ее почти не помнишь.

Король. Мне нравится изгнание. Я не хочу туда возвращаться. Каков он, тот мир?

Маргарита. Вспомни его. Сделай усилие.

Король. Не вижу, ничего не вижу.

Маргарита. Вспомни, поразмышляй. Подумай! Думай же! Ты никогда не думал.

Доктор. Он никогда не думал об этом.

Мария. Другой мир. Утерянный мир, забытый, мир затонувший, поднимись на поверхность.

Джюльетта. Другая долина, другая гора, другое ущелье...

Мария. Напомни ему, кто ты.

Король. Ничего не помню о той родине.

Джульетта. Он не помнит свою родину.

Доктор. Он слишком ослаб. Он не в состоянии...

Король. Никакой ностальгии, даже в самой легкой форме.

Маргарита. Углубись в свои воспоминания. В отсутствие воспоминаний. За воспоминания. (Доктору.) Он жалеет только об этом мире.

Мария. Воспоминания за пределами воспоминаний, появиться, помогите ему.

Доктор. Подумайте, как трудно ему погрузиться в воспоминания.

Маргарита. Однако это необходимо.

Страж. Его Величество никогда не был батискафом.

Джульетта. Жаль. Вот он и не может погрузиться.

Маргарита. Ему придется изучить это ремесло.

Король. Самый маленький муравей отбивается, когда ему угрожает смерть. Он покинут. Он внезапно вырван из бытия. В нем угасает вся вселенная. Умирать — неестественно, если ты этого не хочешь. Я хочу быть.

Джульетта. Он хочет всегда быть. Только об этом и говорит.

Мария. Он всегда был.

Маргарита. Надо, чтобы он больше не смотрел вокруг, не цеплялся за образы. Надо, чтобы он вернулся в себя и заперся там. (Королю.) Не говори больше, помолчи, побудь в себе. Не смотри по сторонам, и тебе станет лучше.

Король. Такое улучшение мне не нужно.

Доктор (Маргарите). Пока еще не время. Он не может. Ваше Величество должны его подтолкнуть, немного, чуть-чуть.

Маргарита. Это будет нелегко, но терпение у нас есть.

Доктор. Мы уверены в результате.

Король. Доктор, Доктор, что — агония уже началась?.. Нет, вы ошибаетесь... еще нет... еще нет. (Вздыхает с облегчением.) Это еще не началось. Я жив. Я здесь и вижу: вот стены, вот вещи, вот воздух, вот лица. Я слышу голоса. Я вижу, думаю, вижу, слышу, вижу, слышу. Фанфары!

Слышен очень слабый звук, напоминающий фанфары. Король начинает идти.

Страж. Король идет. Да здоровствует Королю!

Король падает.

Джульетта. Он упал.

Страж. Король упал. Король умер!

Король поднимается.

Мария. Он встал.

Страж. Король встал. Да здравствует Король!

Мария. Он встал.

Страж. Да здравствует Король! (*Король падает.*) Король умер!

Мария. Он встал. (*Он действительно встает.*) Он жив.

Страж. Да здравствует Король!

Король направляется к своему трону.

Джульетта. Он хочет сесть на трон.

Мария. Он царствует! Он царствует!

Доктор. Вот это уже чистый бред.

Мария (*Королю, который, спотыкаясь, пытается взойти по ступеням трона*). Ступай тверже. Держись! (*Джульетте, пытающейся помочь Королю.*) Он сам. Он может сам.

Король не может подняться по ступенькам к трону.

Король. Но у меня же есть ноги.

Мария. Иди.

Маргарита. У нас осталось тридцать две минуты тридцать секунд.

Король. Я поднимаюсь.

Доктор (*Маргарите*). Это предпоследнее усилие.

Король падает в кресло на колесиках, которое как раз подкатила Джульетта. Его накрывают пледом, кладут грелку.

Король. Я поднимусь.

Мария. У тебя одышка. Ты устал. Отдохни. Ты еще успеешь подняться.

Маргарита (*Марии*). Не лгите. Это ему не поможет.

Король (*в кресле*). Я любил музыку Моцарта.

Маргарита. Ты ее забудешь.

Король (*Джульетте*). Ты зашила мои брюки? Может, ты думаешь, что теперь уже не стоит? В пурпурной мантии была дырка. Ты ее заштопала? Пришила ли ты пуговицы к моей пижаме? Отдала ли починить мои башмаки?

Джульетта. Нет. Я не подумала об этом.

Король. Не подумала! А о чем же ты думаешь? Скажи, что делаешь твой муж?

Джульетта (*надевает чепчик сиделки и белый фартук*). Я вдова.

Король. О чем ты думаешь, когда занимаешься хозяйством?
Джюльетта. Ни о чем, Ваше Величество.

Все, что Король будет говорить в этой сцене, он произносит с изумлением, каким-то обалдением, без всякой патетики.

Король. Откуда ты? Какая у тебя семья?

Маргарита (*Королю*). Тебя это никогда не интересовало.

Мария. У него никогда не было времени спросить ее об этом.
Маргарита (*Королю*). Тебя же это не интересует.

Доктор. Он хочет выиграть время.

Король (*Джюльетте*). Расскажи мне про твою жизнь. Как ты живешь?

Джюльетта. Я плохо живу, Государь.

Король. Жить плохо нельзя. Это противоречие.

Джюльетта. Жизнь у меня неважная.

Король. Это — жизнь.

Это не настоящий диалог. Король, скорее, говорит сам с собой.

Джюльетта. Зимой, когда я встаю, еще ночь. Я замерзаю.

Король. И я тоже. Но это разный холод. Ты не любишь, когда тебе холодно?

Джюльетта. Летом, когда я встаю, едва занимается заря. Свет еще тусклый.

Король (*с восторгом*). Свет тусклый! Сколько разновидностей света: голубой, розовый, белый, зеленый, тусклый...

Джюльетта. Я стираю белье в прачечной. У меня болят руки и трескается кожа.

Король (*с восторгом*). Это больно! Чувствуешь свою кожу. Разве тебе не купили стиральную машину? Маргарита, почему во дворце нет стиральной машины?

Маргарита. Ее отдали в счет государственного долга.

Джюльетта. Я выливаю ночные горшки. Убираю постели.

Король. Она убирает постели! В них ложатся, засыпают, пробуждаются. Заметила ли ты, что просыпаешься каждый день? Ежедневно просыпаться... Каждое утро рождаться вновь!

Джюльетта. Натираю паркет, мету, мету, мету. Это никогда не кончается.

Король (*с восторгом*). Это никогда не кончается!

Джюльетта. И у меня болит спина.

Король. Это верно. У нее есть спина. У нас есть спина.

Джюльетта. У меня болят почки.

Король. И почки!

Джульетта. С тех пор как у нас больше нет садовника, я копаю, разрыхляю землю, засеиваю ее.

Король. И посевы вырастают!

Джульетта. Я погибаю от усталости.

Король. Ты должна была нам сказать об этом раньше.

Джульетта. Я говорила.

Король. Верно. Сколько я не замечал! Я не все знал. Я не был повсюду. Моя жизнь могла быть более полной.

Джульетта. В моей комнате нет окна.

Король (с тем же восторгом). Нет окна! Ты выходишь на улицу. Ты ищешь свет. Ты его находишь. Ты ему улыбаешься. Чтобы выйти, ты поворачиваешь ключ в замочной скважине, открываешь дверь, снова поворачиваешь ключ, закрываешь дверь. Где ты живешь?

Джульетта. На чердаке.

Король. Чтобы спуститься, ты выходишь на лестницу, сначала спускаешься на одну ступеньку, потом еще на одну, потом еще на одну, потом еще на одну, потом еще на одну. Чтобы одеться, ты надеваешь чулки, туфли.

Джульетта. Туфли, купленные по дешевке!

Король. Платье. Потрясающе!..

Джульетта. Грошовой уродливое платье.

Король. Ты не понимаешь, что говоришь. Как это прекрасно — уродливое платье!

Джульетта. У меня во рту был абсцесс. Мне вырвали зуб.

Король. Испытываешь сильную боль. Потом она слабеет, проходит. Какое облегчение! Как хорошо после этого!

Джульетта. Я устала, устала.

Король. Потом можно отдохнуть. Это прекрасно.

Джульетта. У меня не бывает отдыха.

Король. Ты можешь надеяться, что он будет. Ты выходишь, берешь корзинку и идешь за покупками. Ты здороваешься с бакалейщиком.

Джульетта. Ужасный толстяк. Он отвратителен. Он так уродлив, что от него разбегаются кошки и разлетаются птицы.

Король. Какая прелесть! Ты вынимаешь кошелек и платишь, тебе дают сдачу. На рынке — еда всех цветов: зеленый салат, красные вишни, золотистый виноград, фиолетовые баклажаны... Настоящая радуга!.. Необыкновенная, невероятная. Волшебная сказка.

Джульетта. Потом я возвращаюсь той же дорогой.

Король. Два раза в день одной и той же дорогой! И небо над головой! Ты можешь смотреть на него дважды в день. Ты дышишь. Ты никогда не думаешь о том, что дышишь. Подумай об этом. Вспомни. Я уверен, что ты не обращаешь внимания. Ведь это чудо.

Джульетта. А потом, потом я мою вчерашнюю посуду,

тарелки, полные липкого жира. Затем мне надо готовить обед.

Король. Какая радости!

Джульетта. Наоборот. Это очень скучно. Мне надоело.

Король. Тебе скучно! Некоторых людей просто невозможно понять. Прекрасно все: скучать и не скучать, гневаться и не гневаться, быть довольным и недовольным, смиряться и мстить. Вы говорите — и с вами говорят, вы дотрагиваетесь — и до вас дотрагиваются. Это феерия. Бесконечный праздник.

Джульетта. Действительно, это никогда не кончается. Потом я должна прислуживать за столом.

Король (*с тем же восторгом*). Ты подаешь на стол! Ты подаешь на стол! Что же именно?

Джульетта. Еду, которую я приготовила.

Король. Например, что?

Джульетта. Не знаю. Дежурное блюдо. Жаркое.

Король (*мечтательно*). Жаркое!.. Жаркое!..

Джульетта. Полный обед.

Король. Я так любил жаркое. С овощами: с картошкой, капустой, морковью. Во все это кладут масло и давят вилкой, чтобы получилось пюре.

Джульетта. Ему можно принести пюре.

Король. Пусть мне принесут.

Маргарита. Нет.

Джульетта. Ему это доставит удовольствие.

Доктор. Он на диете. Ему это вредно.

Король. Я хочу жаркого.

Доктор. Его не рекомендуют умирающим.

Мария. Может, это его последнее желание.

Маргарита. Надо, чтобы он его преодолел.

Король (*мечтательно*). Бульон... Горячая картошка... Поджаренная морковь... И все накрыто крышкой... Все накрылось.

Джульетта. Он еще каламбурит.

Король (*устало*). Я никогда прежде не замечал, что морковь — это так прекрасно. (*Джульетте*.) Иди и убей двух пауков в моей спальне, я не хочу, чтобы они меня пережили. Нет, не убивай их. Может, они будут помнить обо мне... Он умер, и жаркого больше никогда не будет. Оно исчезло из вселенной. Никогда никакого жаркого не было.

Страж (*оповещает*). Жаркое запрещено на всей государственной территории.

Маргарита. Наконец! Одно дело сделано — он отказался. Надо начинать с самых незначительных желаний. За это надо браться осторожно. Да. Можно начинать. Осторожно, будто снимаешь повязку с раны, тихонько приподнимаешь сначала края подалше от большого места. (*Приближается к Королю*.) Утри ему пот, Джульетта, он взмок. (*Марии*.) Нет, не ты.

Доктор (*Маргарите*). Это его страх понемногу выходит

из пор. (Он осматривает больного. Мария может встать на колени, закрыв лицо руками.) Видите, температура снизилась, но мурашек почти нет. Волосы, всклокоченные ранее, легли гладкими прядями. Он еще не привык к страху, но уже может смотреть на него внутрь. Поэтому он осмеливается закрывать глаза. Он их откроет. Черты лица еще искажены, но смотрите, как на лицо ложатся морщины и старость. Он уже им не препятствует. Его еще будет бить дрожь, так быстро это не проходит. Но колик от страха больше не будет. Это было бы слишком постыдно. Он еще испытает ужас, чистый ужас, без осложнений животного порядка. Надеяться на образцовую смерть нельзя. Но она будет, в общем, пристойной. Он умрет естественной смертью, а не от страха. Все же следует ему помогать, Ваше Величество. Быть с ним до самой последней минуты, до последнего вдоха.

Маргарита. Я ему помогу. Я помогу ему испустить последний выдох. Я отпущу его. Развяжу все его узлы, распутаю весь невозможный клубок, отделю зерно от упрямых, огромных, всюду проникающих плевел.

Доктор. Это будет нелегко.

Маргарита. Где он мог набрать столько сорной, сумасшедшей травы?

Доктор. Понемногу повсюду. Она выросла с годами.

Маргарита. Ты становишься мудрым, Государь. Разве ты не спокоен?

Мария (встает с колен, Королю). Пока ты здесь, смерти нет. Когда она придет, тебя уже не будет. Ты с ней никогда не встретишься.

Маргарита. Ложь жизни, старые софизмы. Мы их знаем. Смерть всегда была здесь. Она сопутствовала тебе со дня рождения, со дня зачатия. Она — растущий побег, опадающий цветок, единственный плод.

Мария (Маргарите). Это тоже всем известная подлая истина.

Маргарита. Это подлинная истина. Первая и последняя. Не так ли, Доктор?

Доктор. Обе формулы истинны. Все зависит от точки зрения.

Мария (Королю). Ты раньше мне верил.

Король. Я умираю.

Доктор. Он передумал. Он сменил точку зрения.

Мария. Если нужно смотреть с разных точек зрения, посмотри и с моей.

Король. Я умираю. Не могу. Я умираю.

Мария. Ах! Я теряю свою власть над ним.

Маргарита (Марии). Ваша красота и ваше обаяние больше не действуют.

Страж (оповещает). Обаяние Королевы Марии больше не действует на Короля.

Мария (*Королю*). Ты меня любил, ты меня все еще любишь. Я тебя люблю по-прежнему.

Маргарита. Она думает только о себе.

Джюльетта. Это естественно.

Мария. Я тебя все еще люблю, я тебя люблю по-прежнему.

Король. Не знаю, это мне не помогает.

Доктор. Любовь безумна.

Мария (*Королю*). Любовь безумна. Если ты любишь безумно, если ты любишь безрассудно, если ты любишь всецело, смерть удаляется. Если ты любишь меня, если ты любишь все, страх отпускает тебя. Любовь несет тебя, ты забываешь себя, и страх уходит. Вселенная наполняется. Все воскресает. Пустота исчезает.

Король. Я полон дыр. Они разъедают меня. Дыры растут, они бездонны. У меня кружится голова, когда я смотрю в глубь собственных дыр. Я заканчиваю.

Мария. Ничто не заканчивается. Другие будут любить за тебя. Другие увидят небо за тебя.

Король. Я умираю.

Мария. Войди в других. Стань другими. Всегда будет... это, это.

Король. Что — это?

Мария. Все, все, что есть. Это не умирает.

Король. Всего... всего... всего так мало.

Мария. Новые поколения расширяют вселенную.

Король. Я умираю.

Мария. Завоеваны созвездия.

Король. Я умираю.

Мария. Отважные раскрывают врата небес.

Король. Пусть они их закроют.

Доктор. Они к тому же изобретают эликсир бессмертия.

Король (*Доктору*). Невозможно. Почему ты сам не изобрел его раньше?

Мария. На небе рождаются новые звезды.

Король. Я в гневе.

Мария. Это совсем новые звезды, девственно чистые.

Король. Они поблекнут. К тому же меня это не интересует.

Страж (*возглашает*). Ни старые, ни новые созвездия не интересуют больше Его Величество Короля Беранже!

Мария. Рождается новая наука.

Король. Я умираю.

Мария. Иная мудрость заменяет старую. Иное, еще большее безумие, иное, еще большее невежество, совсем другое и совсем такое же. Пусть тебя это утешит. Пусть тебя это радует.

Король. Мне страшно. Я умираю.

Мария. Ты сам подготовил все это.

Король. Я этого не сознавал.

Мария. Ты был предшественником, этапом, элементом. Ты

внес свой вклад. Ты помнишь. Тебя будут помнить. О тебе останется память.

Король. Я не буду памятником. Я умираю.

Мария. Все, что было, будет. Все, что будет, есть. Все, что будет, было. Ты навсегда вписан в реестр вселенной.

Король. Кто будет заглядывать в архив? Я умираю. Пусть и все умрет. Нет! Пусть останется. Нет! Пусть все умрет, поскольку моя смерть не сможет наполнить миры. Пусть все умрет. Нет, пусть все останется.

Страж. Его Величество Король хочет, чтобы все осталось!

Король. Нет! Пусть все умрет.

Страж. Его Величество Король хочет, чтобы все умерло!

Король. Пусть все умрет вместе со мной. Нет! Пусть все останется после меня. Нет, пусть все умрет. Нет, пусть все останется. Нет, пусть все умрет, все останется, все умрет.

Маргарита. Он не знает, чего хочет.

Джюльетта. По-моему, он больше не знает, чего хочет.

Доктор. Он не знает больше, чего хочет. Его мозг умирает. Это старческое слабоумие.

Страж (*объявляет*). У Его Величества старческое сла...

Маргарита (*перебивает Стража*). Дурак, замолчи! Нечего объявлять сообщения для прессы. Это вызовет хохот тех, кто еще может смеяться и слышать. Это обрадует других, они перехватят твои слова по телеграфу.

Страж (*объявляет*). Сообщения о здоровье Короля отменяются по приказу Ее Величества Королевы Маргариты!

Мария (*Королю*). Мой Король! Мой милый Король!..

Король. Когда у меня бывали кошмары и я плакал во сне, ты меня будила, целовала и успокаивала.

Маргарита. Она больше не сможет этого делать.

Король (*Марии*). Когда у меня бывала бессонница и я выходил из комнаты, ты тоже просыпалась и приходила за мной в тронный зал в розовой рубашке с цветами. Ты уводила меня за руку и укладывала спать.

Джюльетта. У меня с моим мужем было то же самое.

Король. Я делил с тобой насморк и грипп.

Маргарита. Больше насморка не будет.

Король (*Марии*). Мы одновременно открывали глаза по утрам. Мы думали одновременно об одном и том же. Ты произносила фразу, которую я сам только что хотел сказать. Я тебя звал, чтобы ты потерла мне спину в ванной. Ты выбирала мне галстуки. Они не всегда мне нравились. Мы ссорились из-за этого. Никто об этом не знал, и никто не узнает.

Доктор. Это все не имеет большого значения.

Маргарита. Какое мешанство! Действительно, об этом никто не должен знать.

Король (*Марии*). Тебе не нравилось, когда я взлохмачен. Ты меня причесывала.

Джульетта. Как все это трогательно.

Маргарита. Больше ты взлохмаченным не будешь.

Джульетта. Все равно это грустно.

Король (*Марии*). Ты смахивала пыль с моей короны и чистила жемчужины, чтобы они ярче блестели.

Мария (*Королю*). Ты любишь меня? Любишь? Я тебя люблю, как раньше. Ты меня еще любишь? Он меня еще любит. Ты сейчас меня любишь, в это мгновение? Я здесь... здесь... я существую... посмотри, посмотри... Взгляни на меня... хоть разок.

Король. Я люблю себя, как прежде. Несмотря ни на что, я люблю себя. Я себя еще ощущаю. Я себя вижу. Я смотрю на себя.

Маргарита (*Марии*). Довольно! (*Королю*.) Не оглядывайся больше. Тебе же советовали. Или давай быстрее. А то тебе сейчас прикажут. (*Марии*.) Вы только ухудшаете его состояние. Я вас предупреждала.

Доктор (*смотря на часы*). Он уже запаздывает... Он все время возвращается.

Маргарита. Это ничего. Не беспокойтесь, господин Доктор, господин палач. Эти возвращения, вращения и отвращения предсмотрены. Они включены в программу.

Доктор. При хорошем инфаркте у нас не было бы стольких осложнений.

Маргарита. Инфаркт. Это для деловых людей.

Доктор. Ну хотя бы двустороннее воспаление легких.

Маргарита. Это для бедняков, а не для королей.

Король. Я мог бы решить не умирать.

Джульетта. Вот видите, он не выздоровел.

Король. А если я решу не хотеть! Если я решу не хотеть! Если я решу не решаться!

Маргарита. Мы можем заставить тебя решиться.

Страж (*возвещает*). Королева и Доктор могут заставить Короля решиться!

Доктор. Это наш долг.

Король. Кто вам дал право решать за Короля да еще именем Короля?

Маргарита. Нам дала его сила обстоятельств, а это высший закон, высший приказ.

Доктор (*Маргарите*). Мы теперь и командуем, и приказываем.

Страж (*в то время как Джульетта катает Короля в кресле на колесиках вокруг сцены*). Государь! Мой главнокомандующий! Это он изобрел порох. Он украл огонь у богов и потом поджег порох. Все чуть не взлетело на воздух. Он удержал все в руках, все связал снова. Я помогал ему, это было нелегко. Он был нелегким человеком. Он построил первые

кузницы на земле. Он придумал производство стали. Он работал по восемнадцать часов в сутки. А нас он заставлял работать еще больше. Он был главным инженером. Господин инженер изобрел первый воздушный шар, потом дирижабль. Затем своими руками он создал первый самолет. Это не сразу получилось. Первые пилоты-испытатели — Икар и многие другие — падали в море. Это продолжалось до тех пор, пока он сам не сел за штурвал. Я был его механиком. Много раньше, когда он еще был маленьким дофином, он изобрел тачку. Я играл с ним. Рельсы, железная дорога, автомобили — тоже его изобретение. Он создал план Эйфелевой башни. Он придумал серп, плуг, жатку, тракторы. (*Королю.*) Вы это помните, господин Механик?

Король. Тракторы? Нет, я забыл.

Страж. Он гасил вулканы и зажигал новые. Он воздвиг Рим, Нью-Йорк, Москву, Женеву. Он основал Париж. Он устраивал революции и контрреволюции. Он проповедовал религии, проводил реформы и контрреформы.

Джюльетта. Вот уж не подумаешь, на него глядя.

Страж. Он написал «Илиаду» и «Одиссею».

Король. Что такое самолет?

Джюльетта (*продолжая катить кресло с Королем*). То, что само летает.

Страж. В то же время господин Историк составил лучшие комментарии к Гомеру и был знатоком его эпохи.

Доктор. В этом действительно ему не было равных.

Король. Неужели правда, что все это сделал я?

Страж. Он написал трагедии и комедии под псевдонимом Шекспир.

Джюльетта. Так это он был Шекспиром?

Доктор (*Стражу*). Вам следовало бы раньше рассказать нам об этом, а то все ломают голову, пытаясь понять, кто это был.

Страж. Я не мог. Он мне запретил. Он придумал телефон и телеграф. Он первый сделал их — собственными руками.

Джюльетта. А потом он уже ничего не умел делать сам. Для любой починки он вызывал водопроводчика.

Страж. Мой командир, вы все умели!

Маргарита. Он разучился одеваться и раздеваться.

Страж. Еще недавно он расщепил атом.

Джюльетта. Сейчас он не может зажечь и потушить лампу.

Страж. Ваше Величество! Мой командир! Учитель! Господин директор!..

Маргарита (*Стражу*). Мы все хорошо знаем его бывшие заслуги. Не надо перечислять.

Король (*пока его катают в кресле*). Что такое лошадь?.. Вот окна, вот стены, вот пол.

Джюльетта. Он узнает стены.

Король. Я создавал вещи. Что, сказали, я сделал? Я не помню больше, что я сделал. Забыл, забыл.

Его провозят мимо трона.

Вот трон.

Мария. Ты помнишь меня? Я здесь, я здесь.

Король. Я здесь. Я существую.

Джульетта. Он забыл даже, что такое лошадь.

Король. Я помню маленького рыжего кота.

Мария. Он помнит кота.

Король. У меня был маленький рыжий кот. Его называли котом-евреем. Я нашел его в поле, украл у его матери, настоящей дикарки. Ему было дней пятнадцать, может, больше, но он уже умел царапаться и кусаться. Он был очень злым. Я дал ему поесть, приласкал его, унес домой. Он стал очень ласковым. Однажды он спрятался в рукаве пальто одной дамы, которая пришла к нам в гости. Это было очень вежливое существо, олицетворение вежливости, настоящий принц. Когда мы поздно возвращались, он выходил навстречу, а потом, мурлыча, отправлялся спать. По утрам он нас будил, залезая в постель. Однажды мы заперли дверь. Он пытался ее открыть, толкал ее, рассердился, поднял ужасный шум; обиделся на целую неделю. Он очень боялся пылесоса. Он был трусом, поэтом. Ему купили заводную игрушечную мышь. Кот начал тревожно нюхать воздух. Когда мышь завели, он удрал и спрятался в шкафу. Когда он вырос, вокруг дворца стали ходить кошки. Они ждали его, звали. Это приводило его в ужас, он замирал и не двигался. Мы захотели показать ему мир. Мы посадили его на тротуар перед окном. Он припал к земле, и его окружили голуби. Он боялся голубей. Он в отчаянии звал меня, стонал, прижавшись к стене. Животные, другие кошки были для него странными чудовищами, которых он побаивался, или врагами, которых он боялся. Хорошо ему было только с нами. Мы были его семьей. Людей он не боялся. Он прыгал им на плечо и лизал волосы. Он считал, что мы — коты, а коты — это что-то другое. Один раз он все же решился выйти, и большая соседская собака разорвала его. Он был похож на поломанную куклу. Угасшие глаза, оторванная лапа. Да, на куклу, сломанную ребенком-садистом.

Мария (*Маргарите*). Это вы оставили тогда дверь открытой. Я же вас предупреждала.

Маргарита. Я ненавидела это сентиментальное трусливое животное.

Король. До чего же я его жалел! Он был добрым, красивым и умным. Он меня любил, он меня любил. Бедный мой кот. Мой единственный кот.

Монолог о коте произносится совершенно безразличным тоном. У Короля рассеянный вид, он в каком-то мечтательном оцепенении. Только последнюю фразу он, может быть, произносит с тоской.

Доктор. Я повторяю. Он задерживается.

Маргарита. Я за этим слежу. Он еще в допустимых пределах. Говорю вам, все предусмотрено.

Король. Я видел этого кота во сне... Что он улегся в камин на горячих углях. Мария удивилась, что он не горит. Я ответил: «Коты не горят. Они огнеупорны». Громко мяуча, он вылез из камина, от него валил густой дым. Но это был уже не тот кот. Какое превращение! Другой, уродливый, толстый, огромный, как его мать, дикая кошка. Он был похож на Маргариту.

Джюльетта выкатывает кресло с Королем на середину сцены лицом к публике.

Джюльетта. Все-таки жаль! Ужасно жалко. Он был такой хороший Король.

Доктор. Он не был приятным Королем. Он был злобным, злопамятным и жестоким.

Маргарита. Тщеславным.

Джюльетта. Бывали и более злые.

Мария. Он был кротким. Он был нежным.

Страж. Мы его любили.

Доктор (*Стражу и Джюльетте*). Однако вы оба на него жаловались.

Джюльетта. Это забывается.

Доктор. Мне приходилось несколько раз за вас заступаться.

Маргарита. Он слушал только Королеву Марию.

Доктор. Он был тверд и строг, но несправедлив.

Джюльетта. Мы так редко его видели. Хотя все-таки видели, видели достаточно часто.

Страж. Он был могуч. Это правда. Он приказывал рубить головы.

Джюльетта. Не так уж много.

Страж. Он это делал ради общественного блага.

Доктор. И в результате мы окружены врагами.

Маргарита. Вы видите, как все разваливается. У нас больше нет границ, огромная дыра отделяет нас от соседних стран.

Джюльетта. Так лучше. Теперь они не могут нас завоевать.

Маргарита. Бездна увеличивается. Внизу — дыра,верху — дыра.

Страж. А мы на поверхности.

Маргарита. Мы и есть всего лишь поверхность, и мы станем всего лишь пропастью.

Доктор. Это все его вина. Он ничего не хотел оставить

после себя. Он не подумал о своих преемниках. После него хоть потоп. Хуже, чем потоп. После него — ничего. Он неблагодарный эгоист.

Джюльетта. De mortuis nihil nisi bene*. Он был Королем великой державы.

Мария. Он был ее центром, ее сердцем.

Джюльетта. Он был ее сутью.

Страж. Королевство простиралось вокруг него очень, очень далеко. Границ не было видно.

Джюльетта. Оно не было ограничено в пространстве.

Маргарита. Но ограничено во времени. Одновременно бесконечное и эфемерное.

Джюльетта. Он был главой страны и ее первым гражданином. Он был ее отцом и сыном. Он был коронован в момент рождения королевства.

Мария. Они росли вместе, королевство и он.

Маргарита. Они и исчезнут вместе.

Джюльетта. Он был Королем, хозяином всей вселенной.

Доктор. Сомнительным хозяином. Он совершенно не знал своего королевства.

Маргарита. Он плохо его знал.

Мария. Оно было слишком обширно.

Джюльетта. Земля тает вместе с ним. Звезды гаснут. Вода исчезает. Исчезают огонь, воздух, вселенная, все вселенные. В каком сарае, в каком погребе, в какой камере хранения, в каком амбаре можно все это спрятать? Нужно много места.

Доктор. Когда короли умирают, они хватаются за стены, за деревья, за фонтаны, за луну; они цепляются...

Джюльетта. И все расщепляется.

Доктор. Все падает, все испаряется, не остается ни капли, ни пылинки, ни тени.

Джюльетта. Он уносит все это за собою в бездну.

Мария. Он хорошо организовал свою вселенную. Он не был полным ее хозяином, но мог им стать. Он умирает слишком рано. Он придумал четыре времени года. Он неплохо все устроил. Он вообразил деревья, цветы, запахи и цвета.

Страж. Мир под стать Королю!

Мария. Он придумал океаны и горы. Монблан высотой в пять тысяч метров.

Страж. И Гималаи высотой более восьми тысяч метров.

Мария. Листья падали с деревьев, а затем снова вырастали.

Джюльетта. Это было хитроумно.

Мария. Родившись, он сразу сотворил солнце.

Джюльетта. Это не удовлетворило его. Он приказал еще создать огонь.

---

* О мертвых — только хорошее (лат.).

Мария. Были безграничные пространства, были звезды, было небо, были океаны и горы, были долины, были города, люди, были лица, были здания, были комнаты, были кровати, был свет, была ночь, были войны, был мир.

Страж. И там был трон.

Мария. Была его рука.

Маргарита. Был взгляд. Было дыхание...

Джульетта. Он еще дышит.

Мария. Он еще дышит потому, что я здесь.

Маргарита (*Доктору*). Он еще дышит?

Доктор (*осматривая Короля*). Да, да, это очевидно. Он еще дышит. Почки уже отказали, но кровь циркулирует. Циркулирует — и все. У него крепкое сердце.

Маргарита. Надо, чтобы все это кончилось. Кому нужно сердце, которое бьется просто так?

Доктор. В самом деле. Сумасшедшее сердце. Вы слышите? (*Слышно сумасшедшее биение сердца Короля.*) Бьется, очень быстро бьется, теперь медленно, сейчас снова бешено колотится.

Удары сердца Короля разрушают дворец. Трещина на стене растет. Стена декорации может упасть или исчезнуть.

Джульетта. Боже мой! Все рушится!

Маргарита. Сумасшедшее сердце, сердце сумасшедшего!

Доктор. Сердце в панике. Оно передает свою панику всему миру.

Маргарита (*Джульетте*). Оно успокоится... Вскоре.

Доктор. Мы знаем все фазы. Так бывает всегда, когда гибнет вселенная.

Маргарита (*Марии*). Вот доказательство, что его вселенная не единственная.

Джульетта. Он в этом не сомневался.

Мария. Он меня забывает. Именно сейчас, в эту минуту, он меня забывает. Я чувствую, он покидает меня. Если он меня забудет, я стану ничем. Я не смогу дальше жить, если мне не будет места в его обезумевшем сердце. Держись, держись. Изо всех сил сожми руки. Не отпускай меня.

Джульетта. У него больше нет сил.

Мария. Сожми меня, не отпускай. Ты жив благодаря мне. Я даю жизнь тебе, а ты — мне. Понимаешь? Если ты меня забудешь, если ты меня покинешь, я не смогу больше существовать, я стану ничем.

Доктор. Он станет страницей книги среди миллионов томов в одной из библиотек среди миллионов других библиотек.

Джульетта. Трудно будет найти эту страницу.

Доктор. Да нет. Найти можно будет в алфавитном или предметном каталоге... до того дня, пока бумага не истлеет.

Если не сгорит раньше. В библиотеках постоянно случаются пожары.

Джульетта. Он сжимает кулаки. Он снова цепляется, сопротивляется. Он возвращается к жизни.

Мария. Он возвращается ко мне.

Джульетта (*Марии*). Его пробудил ваш голос. У него открылись глаза. Он на вас смотрит.

Доктор. Да. Его сердце еще сопротивляется.

Маргарита. Умиравший — а в каком состоянии! Он будто запутался в колючей проволоке. Как вытащить его? (*Королю*.) Ты увяз в грязи, ты в колючих терниях жизни.

Джульетта. Сам вылезет, а ботинки останутся.

Мария. Держи меня крепче, я держу тебя. Посмотри на меня, я смотрю на тебя.

Король на нее смотрит.

Маргарита. Она тебе мешает. Не думай больше о ней, тебе будет легче.

Доктор. Откажитесь, Ваше Величество. Отрекитесь, Ваше Величество.

Джульетта. Отрекитесь, раз нужно.

Останавливает кресло с Королем перед Марией.

Король. Я слышу, я вижу. Кто ты? Ты моя мать? Моя сестра? Моя жена или моя дочь? Моя племянница. Кузина?.. Я знаю тебя... Я ведь знаю тебя...

Кресло поворачивается к Маргарите.

Почему ты, безжалостная женщина, остаешься около меня? Зачем ты ко мне наклоняешься? Уходи. Уходи.

Мария. Не смотри на нее. Взгляни на меня, не закрывай глаза. Надейся. Я здесь. Вспомни. Я Мария.

Король (*Марии*). Мария?!

Мария. Если ты не помнишь меня больше, посмотри на меня, запомни заново, что я Мария, запомни мое лицо, мои волосы, мои руки.

Маргарита. Вы причиняете ему боль. Он не может больше запоминать.

Мария (*Королю*). Если я не могу тебя удержать, все равно, повернись ко мне. Я здесь. Сохрани мой образ. Унеси его с собой.

Маргарита. Он не сможет тащить его за собой, у него не хватит сил. Тени это будет не под силу. Не надо, чтобы за его тень цеплялись другие. Он рухнет под их тяжестью. Его тень ис-

течет кровью и не сможет идти дальше. Он должен быть легким. (Королю.) Освободись! Сбрось все лишнее.

Доктор. Он должен начать избавляться от балласта. Освобождайтесь, Ваше Величество.

Король встает, но у него уже другая походка, жесты становятся резкими и вообще вид у него, как у лунатика. Это сомнамбулическое поведение будет становиться все более и более ярко выраженным.

Король. Мария?

Маргарита (Марии). Видишь, он больше не понимает, что это твое имя.

Джюльетта (Марии). Он больше не понимает, что это ваше имя.

Страж (как всегда, провозглашает). Король не понимает больше имя Мария!

Король. Мария! (Произнося это имя, он может протянуть к ней руки, потом опустить их.)

Мария. Он назвал мое имя.

Доктор. Он повторяет его не понимая.

Джюльетта. Как попугай. Это мертвые звуки.

Король (повернувшись к Маргарите). Я тебя не знаю, я тебя не люблю.

Джюльетта. Он знает, что значит не знать.

Маргарита (Марии). Он уйдет с моим образом в памяти. Мой образ его не отяжелит и покинет его, когда будет надо. Есть устройство, которое позволит моему образу в нужный момент отделиться. Нажимаешь на кнопку — и все. Это дистанционное управление. (Королю.) Смотри внимательно.

Король поворачивается лицом к публике.

Мария. Он вас не видит.

Маргарита. Он тебя не видит больше.

Мария внезапно исчезает.

Король. Еще есть... еще...

Маргарита. Не гляди больше на то, что есть.

Джюльетта. Он ничего больше не видит.

Доктор (осматривая Короля). Действительно, он больше не видит.

Он проводит рукой перед глазами Короля; может поднести к лицу Беранже зажженную свечу, или зажигалку, или спичку. Король не реагирует.

Джульетта. Он не видит больше. Доктор это засвидетельствовал официально.

Страж. Его Величество Король официально ослеп!

Маргарита. Он будет смотреть внутрь себя. И увидит больше.

Король. Я вижу, вижу лица, и города, и леса, вижу пространство, вижу время.

Маргарита. Загляни дальше.

Король. Дальше не могу.

Джульетта. Он окружен и заперт горизонтом.

Маргарита. Брось взгляд за то, что ты видишь. Через дорогу, сквозь гору, за лес, который ты так и не собрался исследовать.

Король. Океан. Я не могу идти дальше, я не умею плавать.

Доктор. Отсутствие физических упражнений!

Маргарита. Это лишь фасад. Загляни в суть вещей.

Король. Внутри меня зеркало. Оно все отражает. Я вижу все лучше и лучше. Я вижу мир и жизнь, которая уходит.

Маргарита. Загляни за отражение.

Король. Я вижу себя. За всем сущим я вижу себя. Повсюду только я. Я — земля, я — небо, я — ветер, я — огонь. Это я во всех зеркалах, или я — зеркало всего?

Джульетта. Он слишком себя любит.

Доктор. Хорошо известное психическое заболевание: нарциссизм.

Маргарита. Иди сюда.

Король. Здесь нет дороги.

Джульетта. Он слышит. Поворачивает голову, когда к нему обращаются. Протягивает вперед руку, другую.

Страж. Что он хочет схватить?

Джульетта. Он ищет опоры.

Король (*движется ощупью, неуверенными шагами*). Где стены? Где руки? Где двери? Где окна?

Джульетта. Стены на месте, Ваше Величество. Мы все здесь. Вот рука. (*Ведет Короля и помогает ему ощупать стены.*)

Король. Стена здесь. Скипетр мне!

Джульетта (*дает ему скипетр*). Вот он.

Король. Страж, где ты? Ответь.

Страж. Всегда в вашем распоряжении, Ваше Величество. (*Король делает несколько шагов к Стражу и дотрагивается до него.*) Да, я здесь, здесь.

Джульетта. Ваши апартаменты с той стороны, Ваше Величество.

Страж. Вас не покинут, Ваше Величество. Клянусь! (*Внезапно исчезает.*)

Джульетта. Мы здесь около вас и никуда не уйдем. (*Внезапно исчезает.*)

Король. Страж! Джульетта! Ответьте! Я вас больше не слышу. Доктор, доктор, я что — оглох?

Доктор. Нет, Ваше Величество. Пока еще нет.

Король. Доктор!

Доктор. Простите меня, Ваше Величество. Но я должен уйти. Это совершенно необходимо. Мне очень жаль. Прошу прощения.

Удаляется через дальнюю левую дверь, пятясь и кланяясь, как марионетка, все время бормоча извинения.

Король. Его голос удаляется. Звук шагов слабеет. Его больше нет.

Маргарита. Он врач. У него есть другие пациенты.

Король (*протягивает руку; Джульетта перед своим исчезновением поставила кресло в угол, чтобы оно не мешало.*) Где остальные? (*Король подходит к ближней к зрителям левой двери, потом направляется к ближней правой двери.*) Они ушли. Они меня заперли.

Маргарита. Они толпились вокруг тебя и только мешали. Они не давали тебе уйти, не давали вернуться. Они вешались на тебя, путались у тебя под ногами. Признайся, они ведь мешали тебе. Теперь дело пойдет лучше. (*Король ходит увереннее.*) У тебя осталось четверть часа.

Король. Я нуждаюсь в их услугах.

Маргарита. Я их замещу. Я — Королева на все руки.

Король. Я никого не отпускал. Заставь их вернуться, позови!

Маргарита. Они сорвались с крючка. Ты сам этого захотел.

Король. Я не хотел.

Маргарита. Они не могли бы уйти, если бы ты не захотел. Ты не можешь отменить свое желание. Ты их бросил.

Король. Пусть они вернуться.

Маргарита. Ты больше не помнишь их имен. Как их звали? (*Король молчит.*) Сколько их было?

Король. Кого?.. Я не люблю, чтобы меня запирали. Открой двери.

Маргарита. Потерпи немного. Скоро двери распахнутся.

Король (*после паузы*). Двери... двери... Какие двери?

Маргарита. Были ли двери? Был ли мир? Жил ли ты?

Король. Я существую.

Маргарита. Не двигайся больше. Тебя это утомляет.

Король делает то, что она ему говорит.

Король. Я существую... Какие-то звуки, как эхо, всплывают из глубин. Они удаляются. Затихают. Я глух.

Маргарита. Меня ты услышишь. Ты будешь слышать меня все лучше. *(Король стоит молча и неподвижно.)* Иногда видят сон и проникаются его правдой, верят в него, любят его. А утром, открыв глаза, смешивают два мира: яви и сна. Но свет стирает ночные лики. Их хотелось бы запомнить, удержать. Но они ускользают, грубая реальность дня их отбрасывает. «Что мне приснилось? — спрашивают себя. — Что происходило? Кого я целовал, кого любил? Что мне говорили и что отвечал я?» И все, что было или пригрезилось, оставляет лишь смутное сожаление. А затем уже не помнят вовсе, что было вокруг. Не знают.

Король. Я не помню больше, что было вокруг. Помню, я был погружен в мир. Этот мир окружал меня. Я знаю, что это был я, но что же было еще? Что было еще?..

Маргарита. Пути, привязывающие тебя к земле, еще не разрезаны. За тебя цепляются руки, которые держат тебя.

Обходит Короля кругом, разрезая пустоту, словно у нее невидимые ножницы.

Король. Я. Я. Я.

Маргарита. Этот ты — не ты. Это странные предметы, связи, чудовищные паразиты. Цветок, растущий на ветке, — это не ветка, плющ на стене — это не стена. Ты гнешься под грузом, твои плечи согнуты, это-то тебя и старит. И эти кандалы у тебя на ногах мешают тебе ходить. *(Маргарита наклоняется, снимает с ног Короля невидимые кандалы, потом встает с таким видом, будто делала тяжелую работу.)* Тонны, тонны, они весят тонны. *(Делает вид, будто бросает кандалы в сторону зрительного зала, потом с облегчением выпрямляется.)* Уф! Как ты мог таскать такую тяжесть всю жизнь? *(Король пытается выпрямиться.)* Я всегда думала, почему ты такой сгорбленный? Это из-за этого мешка. *(Делает вид, что снимает с плеч Короля невидимый мешок и отбрасывает его.)* И из-за этой сумы. *(То же самое делает с сумой.)* И из-за этих запасных башмаков.

Король *(как будто стонет)*. Нет.

Маргарита. Тише! Тебе не понадобятся больше эти башмаки. Не будет нужен ни этот карабин, ни пулемет, ни этот ящик с инструментами. *(Делает вид, что отнимает эти невидимые предметы, несмотря на протестующие жесты Короля.)* Ни сабля. Старая, ржавая сабля. *(Отнимает ее вопреки неловкому сопротивлению Короля.)* Позволь мне действовать. Не спорь. *(Шлепает Короля по рукам.)* Тебе не придется больше защищаться. Отныне тебе желают только добра. У тебя на мантии колючки и чешуя, лианы, водоросли, мокрые и клейкие листья. Они липнут, липнут. Я их отлепляю, отрываю, от них остаются пятна, все запятнано. *(Делает вид, будто что-*

то отклеивает и отрывает.) Сновидец выбирается из своего сна. Я тебя избавила от мелких неприятностей, от этих гадостей. Мантия у тебя стала красивее, ты сам — чище. Тебе так больше идет. Теперь ты иди. Дай мне руку, дай мне руку, не бойся, поскользлись, я тебя поддержу. Ты не решаешься.

Король (как бы запинаясь). Я.

Маргарита. Да нет же! Он думает, что он — это все. Он считает, что он — это все сущее. Нужно выбить ему это из головы. (Говорит, будто пытаясь его приободрить.) Все останется в памяти без воспоминаний. Крупица соли, растворяясь в воде, не исчезает, так как она делает воду соленой. А, ты выпрямляешься, ты перестал сутулиться, у тебя больше не болят почки, больше ничто не болит. Правда, раньше было тяжело? Ты выздоровел, выздоровел. Ты можешь ходить, иди, иди же, дай мне руку. (Плечи Короля снова слегка опускаются.) Не горбись, на тебя больше ничто не давит... Ах, эти условные рефлексy, от них так не избавишься... Говорю тебе, на тебя больше ничто не давит. Выпрямись. (Помогает ему выпрямиться.) Руку!.. (Король колеблется.) Какой он непослушный! Не сжимай руку в кулак, растопырь пальцы. Что ты зжал в руке? (Разжимает ему пальцы.) Ты держишь все свое королевство. В уменьшенном виде — микрофильмы... зерна. (Королю.) Эти зерна не прорастут, их зародыши испорчены, это плохое зерно. Брось, разожми пальцы, я приказываю тебе разжать пальцы, выпусти долины, выпусти горы. Вот так. Теперь это всего лишь пыль. (Берет Короля за руку и ведет, несмотря на его сопротивление.) Идем. Ты снова сопротивляешься! Где ты нашел силы? Нет, не пытайся лечь, не садись, нечего спотыкаться. Я веду тебя, не бойся. (Выводит его за руку на авансцену.) Ну вот, можешь же? Это же легко, правда? Я здесь сделала небольшой наклон, потом он станет круче, но не важно, у тебя уже снова появятся силы. Не оборачивайся, не пытайся взглянуть на то, что ты больше никогда не увидишь. Сосредоточься. Наклонись к собственному сердцу, войди в него, войди, так надо.

Король (с закрытыми глазами, Маргарита по-прежнему ведет его за руку). Империя... Видел ли кто когда такую империю: два солнца, две луны, два небосвода освещают ее. Вот еще одно солнце встает, и еще одно. И появляется третье, оно сияет, сверкает! Когда одно солнце заходит, другие встают... Одновременно и рассвет, и закат... Эти владения раскинулись за пределами океанов, вне океанов, поглощающих другие океаны.

Маргарита. Пересеки их.

Король. Над семьями семьдесятю семью полюсами.

Маргарита. Дальше, дальше. Быстрее, ну, быстрее.

Король. Все голубое, голубое.

Маргарита. Он еще различает цвета. Цветные воспоминания. Мир для него — это цвет, а не звук. У него чисто зрительное воображение... Он художник... и слишком предан одноцветности. (Королю.) Откажись и от этой империи. Откажись от цвета. Это мешает тебе, тормозит тебя. Ты не можешь больше задерживаться, ты не можешь больше останавливаться, не должен. (Отходит от Короля.) Иди один, не бойся. Иди же. (Маргарита — в углу сцены, она дает Королю указания издали.) Это уже не ночь, это уже не день, больше нет ни дня, ни ночи. Пусть тебя ведет колесо, что катится перед тобой. Не теряй его из виду, иди за ним, но не очень близко, оно раскалено, ты можешь обжечься. Иди, я убрала кусты с дороги, осторожно, не натолкнись на тень справа... Липкие руки, умоляющие руки, руки, выпрашивающие милостыню, не появляйтесь больше, исчезните... Не трогайте его, а то я вас ударю! (Королю.) Не поворачивай голову. Не упади в пропасть слева, не бойся воя этого старого волка... У него клыки из картона, его нет на самом деле. (Волку.) Волк, чтобы тебя больше не было! (Королю.) И крыс не бойся. Они не могут укусить тебя за пальцы ног. (Крысам.) Крысы и гадюки, чтобы вас больше не было! (Королю.) Смотри, чтобы тебя не разжалобил этот нищий, что протягивает руку... Осторожнее — к тебе идет старуха... Не бери стакан с водой, что она тебе предлагает. Ты не хочешь пить. (Воображаемой старухе.) Ему не нужно облегчать жажду, добрая женщина, он не хочет пить. Не осложняйте ему путь. Исчезните. (Королю.) Перелезай через барьер... Нет, этот большой грузовик тебя не раздавит, это мираж... Ты можешь пройти, проходи... Нет, маргаритки не поют, даже если это сумасшедшие маргаритки. Я впитываю их голоса, я их стираю!.. Не слушай журчание ручья. Ведь объективно его не слышно. Это фальшивый ручей и фальшивое журчание... Фальшивые голоса, замолчите. (Королю.) Никто больше не будет тебя звать. Понюхай в последний раз этот цветок и выбрось его. Забудь его запах. Ты лишился речи. С кем тебе разговаривать? Да, правильно, поднимись на ступеньку, на другую. Это мостик, не бойся высоты. (Король направляется к ступенькам трона.) Держись прямо, тебе не нужна твоя палка, да у тебя ее и нет. Не наклоняйся, не вздумай падать. Поднимайся, поднимайся. (Король начинает подниматься по трем-четырем ступенькам трона.) Выше, еще выше, поднимайся, еще выше, еще выше, еще выше. (Король рядом с тронном.) Повернись ко мне. Посмотри на меня. Посмотри сквозь меня. Взгляни в это зеркало, в котором нет отражения, держись прямо... Дай мне свои ноги, правую, левую. (Когда она отдает Королю приказы, он вытягивает руки, ноги.) Дай мне палец, дай мне два пальца... три... четыре... пять... дай мне десять пальцев. Отдай мне правую руку, левую руку, грудь, плечи и живот. (Король стоит неподвижно,

застыв как статуя.) Вот так. Видишь, ты лишился речи, твоему сердцу больше нет нужды биться, не обязательно дышать. Это было только лишнее волнение, так ведь? Ты можешь занять свое место.

Королева Маргарита неожиданно исчезает.

Король сидит на своем троне. В течение финальной сцены поочередно исчезали двери, окна, стены тронного зала. Это очень важный сценический прием.

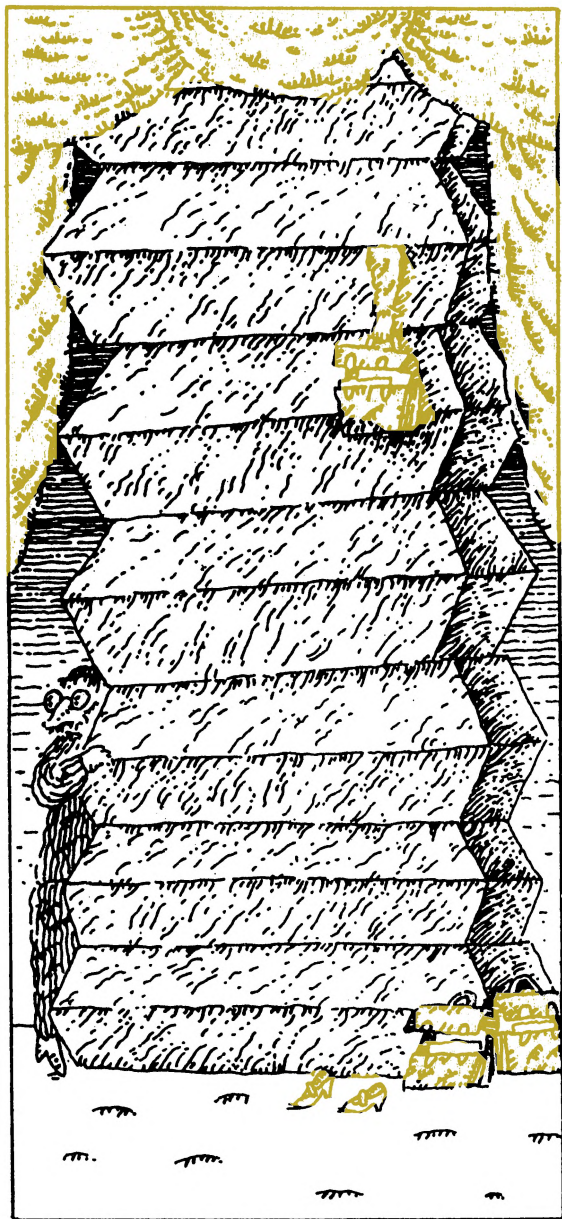
Теперь на сцене нет ничего, кроме Короля на троне в сероватом свете. Потом исчезают и Король, и его трон.

В конце не остается ничего, кроме серого света.

Исчезновение окон, дверей, стен, Короля и трона должно происходить медленно, постепенно, очень четко. Король, сидящий на троне, должен быть виден некоторое время, прежде чем погрузится в какое-то подобие тумана.

Занавес

Париж, 15 октября — 15 ноября 1962 г.

Урок

La Leçon
Drame comique

Перевод Н. Мавлевич

Действующие лица

Учитель, лет 50 — 60.

Ученица, 18 лет.

Служанка, лет 45 — 50.

Декорации

Кабинет старого учителя, служащий также столовой. С левой стороны сцены дверь, выходящая на лестничную площадку; в глубине, с правой стороны, — другая, ведущая в коридор квартиры.

В глубине, левее, небольшое окно с простыми занавесками, снаружи перед окном — горшки с простенькими цветами.

Из окна видна панорама небольшого городка: невысокие дома с красными черепичными крышами. Серовато-голубоватое небо. Справа на сцене стоит деревенский буфет. Посреди комнаты стол, одновременно обеденный и письменный. Перед ним три стула, еще два — справа и слева от окна; на стенах, оклеенных светлыми обоями, несколько полок с книгами.

Поднимается занавес, довольно долго сцена остается пустой. Наконец раздается звонок в левую дверь.

Голос Служанки (за кулисами). Да-да. Сию минуту.

Появляется сама Служанка, которая, видимо, бегом спустилась со второго этажа и запыхалась. Это крупная краснолицая женщина лет 45 — 50, в деревенском чепце.

Служанка стремительно вбегает через правую дверь, которая захлопывается за ней, и спешит, вытирая фартуком руки, к левой. Раздается еще один звонок.

Сейчас. Уже иду. (Открывает дверь.)

Входит 18-летняя девушка в строгом сером платье с белым воротничком, под мышкой зажат портфель.

Добрый день, мадмуазель.

Ученица. Добрый день, мадам. Господин учитель дома?

Служанка. Вы пришли на урок?

Ученица. Да, мадам.

Служанка. Он вас ждет. Присядьте пока, а я доложу.

Ученица. Благодарю вас, мадам.

Она садится к столу, лицом к публике. Служанка все так же торопливо выходит в дверь, ведущую внутрь квартиры, и зовет Учителя.

Служанка. Мсье, к вам ученица. Пожалуйте вниз.
Голос Учителя (*дребезжащий*). Спасибо... Иду... Одну минутку...

Служанка уходит. Ученица сидит, выпрямившись, на стуле, положив портфель на колени, и послушно ждет; мельком оглядев комнату, мебель, потолок, достает из портфеля тетрадь, листает ее, задерживается на какой-то странице и как будто повторяет урок или проверяет в последний раз домашнее задание. Она производит впечатление воспитанной, учтивой, но подвижной, жизнерадостной, энергичной девушки с приветливой улыбкой; по ходу действия ее движения замедляются, делаются вялыми; из веселой и улыбчивой она становится грустной и мрачной; бодрость ее сменяется усталостью и апатией, а к концу пьесы она выказывает явные признаки нервной депрессии: с трудом подбирает и выговаривает слова, язык у нее заплетается и, кажется, вот-вот отнимется совсем. Самоуверенность Ученицы, доходящая до строптивости, мало-помалу исчезает, девушка словно превращается в неодушевленный предмет, в безвольную куклу в руках Учителя, все ее чувства и естественные рефлексы настолько атрофируются, что даже последнее его деяние не вызовет у нее никакой реакции, лишь в глазах на неподвижном лице отразится несказанное изумление и ужас; переход от одного состояния к другому должен, разумеется, происходить незаметно.

Входит Учитель. Сухонький старичок с селой бородкой; в черной ермолке, пенсне, в длинном черном учительском сюртуке с пристежным воротничком, при черном галстуке, в черных туфлях. Он чрезвычайно вежлив, очень застенчив, даже несколько запинаясь, в общем — типичный учитель, воплощенная благоприсойность. То и дело потирает руки, а в глазах по временам вспыхивает и тут же гаснет похотливый блеск.

По ходу действия робость его постепенно и незаметно исчезает, похотливый блеск разгорается в жадное, неистовое пламя. Поначалу кажущийся безобиднейшим существом, Учитель мало-помалу становится все более самоуверенным, раздражительным, агрессивным, властным и наконец совершенно подчиняет себе пассивную Ученицу. Его голос, вначале дребезжащий и слабенький, набирает силу, становится мощным, как трубный глас, в то время как голос Ученицы, вначале звонкий и ясный, превращается в чуть слышный шепот. В первых сценах Учитель может чуть-чуть заикаться.

Учитель. Добрый день, мадмуазель... По всей вероятности, вы и есть новая ученица?

Ученица (*светски-непринужденно оборачивается, встает навстречу Учителю, подает ему руку*). Да, мсье. Добрый день, мсье. Как видите, я пришла вовремя. Мне не хотелось опаздывать.

Учитель. Прекрасно, мадмуазель. Благодарю вас. Не стоило торопиться. Виноват, я заставил вас ждать... Я тут... как раз заканчивал... Словом, прошу прощения... Извините...

Ученица. Не стоит извинений, мсье. Какие пустяки.

Учитель. Виноват... Вы легко нашли мой дом?

Ученица. О да... Сразу... Я спросила. Вас здесь все знают.

Учитель. Я живу в этом городе уже тридцать лет. А вы приехали совсем недавно? Вам здесь нравится?

Ученица. О да, вполне. Красивый, приятный город, с прекрасным парком, пансионатом, епископом, красивыми домами, улицами, проспектами...

Учитель. Вы правы, мадмуазель. И все же мне бы хотелось жить в другом месте. В Париже или хотя бы в Бордо.

Ученица. Вы любите Бордо?

Учитель. Не знаю. Я там не бывал.

Ученица. Тогда, значит, бывали в Париже?

Учитель. Нет, и там не бывал. Кстати, не могли бы вы сказать, Париж — это столица... чего?

Ученица (*ищет ответ*). Париж... это столица... (*вспомнив и просяв.*) Франции?

Учитель. Конечно, мадмуазель, браво, хорошо, просто отлично. Поздравляю. В географии вы сильны. Столицы знаете наизубок.

Ученица. О, мсье, еще не все, их так трудно выучить.

Учитель. Ничего, со временем запомните. Главное — упорство... Да, мадмуазель, было бы, с позволения сказать, терпение... терпение и упорство... И, вот увидите, все получится... Сегодня хорошая погода... или не очень... Нет, все-таки ничего... Главное, не слишком плохая... Э-э... Нет дождя, и снега тоже.

Ученица. Последнее было бы несколько странно, сейчас как-никак лето.

Учитель. Разумеется, мадмуазель, именно это я и собирался сказать... но со временем вы узнаете, что ничего невозможного нет.

Ученица. Конечно, мсье.

Учитель. В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным.

Ученица. Снег бывает зимой. Зима — одно из четырех времен года. А три других, это... э-э... ве... вес...

Учитель. Ну-ну?

Ученица. ...Вес... весна, потом лето... а потом... э-э...

Учитель. Начинается так же, как «осина»...

Ученица. Ах да — осень...

Учитель. Правильно, мадмуазель, совершенно верно. Вы, я вижу, способная ученица. Вы прекрасно усваиваете, умны, весьма эрудированы, и у вас, как мне кажется, хорошая память.

Ученица. Правда, я хорошо знаю времена года?

Учитель. Конечно, хорошо... или почти что... но постепенно все придет. Пока неплохо и так. А скоро будете знать все времена года наизусть, с закрытыми глазами. Как я.

Ученица. Это так трудно.

Учитель. О нет. Нужно только сделать усилие, постараться, проявить прилежание. Вот увидите. И все получится, будьте уверены.

Ученица. О, я так хочу! Я просто жажду учиться. И папа с мамой тоже хотят, чтобы я углубила свои знания и получила специальное образование. Они считают, что общей культуры, даже весьма обширной, в наше время недостаточно.

Учитель. Ваши родители совершенно правы, мадмуазель.

Вам надо продолжать образование. Осмелюсь сказать, образование просто необходимо. Современная жизнь так сложна.

Ученица. Да, весьма непроста... К счастью, мои родители достаточно состоятельны и могут помочь мне получить высшее образование.

Учитель. Значит, вы собираетесь сдавать экзамен...

Ученица. Да, на степень доктора, и как можно скорее. Через три недели.

Учитель. А диплом бакалавра у вас, позвольте спросить, есть?

Ученица. Да, я бакалавр естественных и гуманитарных наук.

Учитель. О, в вашем возрасте это очень и очень недурно. И в какой же области собираетесь экзаменоваться? В прикладной технике или отвлеченной философии?

Ученица. Папа с мамой хотели бы, если вы сочтете возможным, подготовить меня в такой короткий срок, чтобы я сдавала экзамен на полного доктора всех наук.

Учитель. На полного? О, я восхищен вашей смелостью. Что ж, попытаемся сделать все возможное. Впрочем, у вас уже имеется изрядный багаж знаний. При том, что вы так молоды.

Ученица. О, мсье!

Учитель. Но в таком случае, позволю себе заметить, следует приняться за дело немедленно. У нас мало времени.

Ученица. Конечно, мсье, вы абсолютно правы. Я и сама прошу вас о том же.

Учитель. Не угодно ли вам будет сесть... вот сюда... И... не будете ли вы возражать, если я, с вашего позволения, тоже сяду, вот здесь, напротив вас?

Ученица. Разумеется, мсье. Сделайте милость.

Учитель. Благодарю покорно. *(Они садятся за стол друг напротив друга, боком к зрителям.)* Так. Вы принесли книги и тетради?

Ученица *(достает из портфеля книги и тетради)*. Конечно, все, что нужно.

Учитель. Превосходно, мадмуазель. Превосходно. Тогда, если вы ничего не имеете против... мы можем начать?

Ученица. О да, мсье, я в вашем распоряжении.

Учитель. В моем распоряжении?.. *(Глаза его вспыхнули, он встрепенулся, но быстро овладел собой.)* О, напротив, мадмуазель, это я в вашем распоряжении. Я ваш покорный слуга.

Ученица. О, мсье...

Учитель. Итак, если вам угодно... мы... пожалуй... пожалуй, приступим... и для начала посмотрим, каков объем ваших знаний, чтобы определить порядок дальнейших занятий... Итак, разбираетесь ли вы в количественных категориях?

Ученица. Более или менее... так себе...

Учитель. Что ж. Посмотрим. *(Потирает руки.)*

Входит Служанка, идет к буфету, что-то ищет, медлит. Учителя это как будто раздражает.

Итак, не угодно ли вам, мадмуазель, уделить некоторое время арифметике...

Ученица. С превеликим удовольствием.

Учитель. Это довольно новая, вполне современная наука, или, вернее говоря, не столько наука, сколько научный метод... А также лекарственное средство. (Служанке.) Вы кончили, Мари?

Служанка. Да, мсье, я искала тарелку. Ухожу...

Учитель. Поскорее. Идите, пожалуйста, к себе на кухню.

Служанка. Да, мсье. Уже иду. (Направляется к двери, но не уходит.) Простите, мсье, но будьте осторожны, сохраняйте спокойствие.

Учитель. Это просто смешно, Мари. Не беспокойтесь.

Служанка. Вы всегда так говорите.

Учитель. Что за возмутительные намеки! Я сам отлично знаю, как себя вести. Слава Богу, не маленький.

Служанка. Вот именно. Не стоило бы начинать урок с арифметики. Арифметика слишком утомляет и возбуждает.

Учитель. Право, я уже не в том возрасте, чтобы выслушивать наставления. И вообще, с какой стати вы вмешиваетесь? Я свое дело знаю. А вам здесь нечего делать.

Служанка. Ладно, мсье. Не говорите потом, что я вас не предупреждала.

Учитель. Я не нуждаюсь в ваших советах, Мари.

Служанка уходит.

Простите, мадмуазель, за досадное промедление. Извините эту женщину... Она вечно боится, как бы я не переутомился. Беспокоится за мое здоровье.

Ученица. Не стоит извинений. Это только доказывает ее преданность. Она к вам привязана. А верные слуги так редки.

Учитель. Да, но это уж чересчур. Какие-то нелепые опасения. Однако вернемся к арифметике.

Ученица. Я вас слушаю.

Учитель. Итак, мы с вами вступаем в область арифметики.

Ученица. Да, мсье, вступаем.

Учитель (острит). Не сходя с места.

Ученица (оценив юмор). В самом деле, мсье.

Учитель. Ну, стало быть, арифметика. Давайте же посчитаем.

Ученица. Охотно, мсье.

Учитель. Не затруднит ли вас ответить...

Ученица. О, конечно, мсье, спрашивайте.

Учитель. Сколько будет к одному прибавить один?

Ученица. К одному прибавить один будет два.

Учитель (*восхищенный знаниями Ученицы*). Великолепно! Я вижу, вы уже весьма основательно приготовлены. И без труда сдадите докторский экзамен.

Ученица. Рада слышать. Тем более из ваших уст.

Учитель. Продолжим. Сколько будет два и один?

Ученица. Три.

Учитель. Три и один?

Ученица. Четыре.

Учитель. Четыре и один?

Ученица. Пять.

Учитель. Пять и один?

Ученица. Шесть.

Учитель. Шесть и один?

Ученица. Семь.

Учитель. Семь и один?

Ученица. Восемь.

Учитель. Семь и один?

Ученица. Восемь... штрих.

Учитель. Прекрасный ответ! Семь и один?

Ученица. Восемь... два штриха.

Учитель. Замечательно! Семь и один?

Ученица. Восемь, три штриха. А иногда девять.

Учитель. Великолепно! Выше всяческих похвал. Бесподобно! Искренне рад за вас, мадмуазель. Достаточно. Ясно, что в сложении вам нет равных. Посмотрим, как обстоит дело с вычитанием. Скажите, если это не слишком утомит вас, сколько будет от четырех отнять три?

Ученица. От четырех отнять три?.. От четырех три?

Учитель. То есть вычитите три из четырех.

Ученица. Это будет... семь?

Учитель. Простите, но я вынужден возразить вам. Если от четырех отнять три, никак не получится семь. Вы ошиблись: семь будет, если к четырем прибавить три,— прибавить, а не отнять... А мы занимаемся уже не сложением, а вычитанием.

Ученица (*силаясь понять*). Да, да...

Учитель. От четырех отнять три... будет?.. Ну же?

Ученица. Четыре?

Учитель. Нет, мадмуазель, неверно.

Ученица. Тогда три.

Учитель. Опять неверно... Весьма сожалею... но ответ неправильный.

Ученица. От четырех отнять три... От четырех отнять три... От четырех три?.. Но не десять же?

Учитель. Конечно, нет, мадмуазель. Надо не гадать, а думать. Давайте подумаем вместе. Вы умеете считать?

Ученица. Да, мсье. Один... два... э-э...

Учитель. Значит, умеете? А до скольких?

Ученица. До... до бесконечности.

Учитель. Это невозможно, мадмуазель.

Ученица. Ну, тогда, скажем, до шестнадцати.

Учитель. Что ж, вполне достаточно. Будем довольствоваться малым. Прошу вас, приступайте к счету.

Ученица. Один... два... что там после двух... три, четыре...

Учитель. Стоп. Остановитесь, мадмуазель. Какое число больше? Три или четыре?

Ученица. Э-э... Три или четыре? Какое больше? Из трех и четырех? В каком смысле больше?

Учитель. Ну, одни числа бывают больше, другие меньше. В больших содержится больше единиц, чем...

Ученица. Чем в меньших?

Учитель. Если, конечно, эти меньшие не состоят из меньших единиц. В таком случае в меньших числах содержится больше единиц, чем в больших... если единицы разные...

Ученица. Значит, меньшие числа могут быть больше, чем большие?

Учитель. Оставим это. Иначе мы уклонимся далеко в сторону. Запомните только, что есть числа, а есть величины, суммы, группы, есть множество разных множеств: сливы, вагоны, гуси, семечки и т.д. Предположим для простоты, что все числа равного качества, тогда большими будут те, в которых содержится большее количество равных единиц.

Ученица. В каком их больше, то и будет большим? О, я поняла, мсье, вы приравниваете количество к качеству.

Учитель. Все это слишком абстрактно, мадмуазель, слишком абстрактно. И вам пока не нужно. Вернемся к нашему примеру и будем рассматривать лишь данный отдельный случай. А общие теории пока отложим. Итак, мы имеем число четыре и число три, в каждом из них содержится неизменное количество единиц, какое же число больше, большее или меньшее?

Ученица. Простите, мсье... Что вы понимаете под большим числом? То, которое менее мало, чем другое?

Учитель. Именно, мадмуазель, именно так. Вы отлично поняли.

Ученица. Тогда, значит, четыре.

Учитель. Что четыре? Больше или меньше, чем три?

Ученица. Меньше... то есть больше.

Учитель. Отличный ответ. На сколько же единиц четыре отличается от трех? Или, если угодно, сколько единиц между тремя и четырьмя?

Ученица. Между тремя и четырьмя нет никаких единиц, мсье. Четыре идет сразу за тремя. Между ними ничего нет!

Учитель. Вы меня не поняли. Это я виноват. Должно быть, неточно выразился.

Ученица. Нет, мсье, это я виновата.

Учитель. Смотрите. Вот три спички. А вот еще одна, всего четыре. Смотрите внимательно, у вас четыре спички, одну я забираю, сколько остается?

Ни спичек, ни прочих упоминаемых в дальнейшем предметов на самом деле нет; в нужный момент Учитель, встав из-за стола, будет писать несуществующим мелом на несуществующей доске и т.д.

Ученица. Пять. Если три и один будет четыре, то четыре и один будет пять.

Учитель. Да нет. Совсем не то. Вас все тянет к сложению. Но надо же и вычитать. Надо не только собирать, но и разбирать. Это и есть жизнь. Философия. Наука. Это и есть прогресс, цивилизация.

Ученица. Конечно, мсье.

Учитель. Вернемся к спичкам. Итак, у меня четыре штуки. Одну убираем, и остается?..

Ученица. Не знаю.

Учитель. Ну подумайте хорошенько. Я понимаю, это нелегко. Но вы достаточно развиты, чтобы сделать необходимое умственное усилие и понять. Ну же?

Ученица. Нет, не могу. Не знаю.

Учитель. Возьмем пример попроще. Допустим, у вас было бы два носа, и я бы оторвал вам один... сколько бы у вас осталось носов?

Ученица. Нисколько.

Учитель. Как нисколько?

Ученица. Ведь теперь у меня один нос, и вы его пока не оторвали. А если оторвете, не останется ни одного.

Учитель. Вы не поняли мой пример. Тогда представьте себе, что у вас только одно ухо.

Ученица. Представила.

Учитель. Я прибавил вам еще одно. Сколько у вас теперь стало ушей?

Ученица. Два.

Учитель. Так. Прибавлю еще одно. Сколько теперь?

Ученица. Три уха.

Учитель. Одно отрываю... Сколько остается?

Ученица. Два.

Учитель. Так. Отрываю еще одно. Сколько теперь?

Ученица. Два.

Учитель. Да нет же. У вас было два, а я одно оторвал... оторвал и съел! Сколько у вас осталось ушей?

Ученица. Два.

Учитель. Но если я одно съел, то и осталось одно!

Ученица. Два.

Учитель. Одно.

Ученица. Два.

Учитель. Одно!

Ученица. Два!

Учитель. Одно!!

Ученица. Два!!

Учитель. Одно!!!

Ученица. Два!!!

Учитель. Нет, так не пойдет! Не получается. Видимо, пример недостаточно... наглядный. Послушайте меня.

Ученица. Слушаю, мсье.

Учитель. Допустим, у вас... у вас... у вас...

Ученица. Десять пальцев!

Учитель. Если угодно. Хорошо. Чудесно. Итак, у вас десять пальцев.

Ученица. Да, мсье.

Учитель. Сколько бы у вас было пальцев, если бы их было пять?

Ученица. Десять, мсье.

Учитель. Да нет же, нет!

Ученица. Да, мсье.

Учитель. А я говорю — нет!

Ученица. Вы же сами только что сказали, что у меня десять пальцев.

Учитель. Да, но потом я сказал еще, что их стало пять!

Ученица. Но у меня же не пять, а десять пальцев!

Учитель. Так. Попробуем по-другому... Ограничимся для вычитания числами от одного до пяти... Сейчас вы все поймете, мадмуазель. Я вам все объясню. *(Принимается писать на несуществующей доске. Подвигает ее к Ученице, та поворачивается и смотрит на доску.)* Вот смотрите, мадмуазель... *(Делает вид, что рисует на доске палочку, над ней цифру «1», затем две палочки и цифру «2», три — и цифру «3», четыре — и цифру «4».)* Видите?..

Ученица. Да, мсье.

Учитель. Это палочки, мадмуазель, палочки. Вот одна палочка, вот две палочки, вот три палочки, вот четыре и вот пять. Одна палочка, две палочки, три палочки, четыре палочки и пять палочек — это числа. Когда мы считаем палочки, каждая палочка у нас — единица, мадмуазель... Повторите, что я сейчас сказал.

Ученица. «Единица, мадмуазель. Повторите, что я сейчас сказал».

Учитель. Иначе говоря, это цифры! Или числа! Один, два, три, четыре, пять — это элементы числового ряда, мадмуазель.

Ученица *(неуверенно)*. Да, мсье. Элементы — это цифры, или палочки, или единицы, или числа...

Учитель. Одновременно... То есть, по сути, здесь перед вами вся арифметика.

Ученица. Да, мсье. Конечно, мсье. Благодарю вас, мсье.

Учитель. Теперь вы можете считать с помощью этих элементов, складывать или вычитать...

Ученица (*повторяя, чтобы лучше запомнить*). Значит, палочки — это цифры и они же числа и единицы?

Учитель. Гм... можно сказать и так. И что же?

Ученица. Можно вычесть две единицы из трех единиц? и две двойки из трех троек можно? или две цифры из четырех чисел? или три числа из одной единицы?

Учитель. Нет, мадмуазель.

Ученица. Почему же, мсье?

Учитель. Потому что, мадмуазель.

Ученица. Потому что — что, мсье? Разве это не одно и то же?

Учитель. Нельзя и все, мадмуазель. Такие вещи не объясняются. Они понятны в силу внутреннего математического чутья. А оно или есть, или нет.

Ученица. Жаль!

Учитель. Послушайте, мадмуазель, если вы не способны понять азы, первоосновы арифметики, вы никогда не станете грамотным инженером. И уж тем более — преподавателем в высшей политехнической школе или в высшем дошкольном учреждении. Все это, бесспорно, сложно, очень и очень отвлеченно... разумеется... но как же, без глубоких знаний основ, вы сможете сосчитать в уме — а это самое малое, что требуется от рядового инженера, — сколько будет, ну, скажем, если три миллиарда семьсот пятьдесят пять миллионов девятьсот девяносто восемь тысяч сто пятьдесят один умножить на пять миллиардов сто шестьдесят два миллиона триста три тысячи пятьсот восемь?

Ученица. Это будет девятнадцать квинтиллионов триста девяносто квадриллионов два триллиона восемьсот сорок четыре миллиарда двести девятнадцать миллионов сто шестьдесят четыре тысячи пятьсот восемь...

Учитель (*удивленно*). Нет. Кажется, не так. Должно получиться девятнадцать квинтиллионов триста девяносто квадриллионов два триллиона восемьсот сорок четыре миллиарда двести девятнадцать миллионов сто шестьдесят четыре тысячи пятьсот девять...

Ученица. Нет... пятьсот восемь...

Учитель (*сосчитав в уме, с нарастающим изумлением*). Да... Вы правы... ответ, действительно... (*Невнятно бормочет.*) квадриллионов... триллионов... миллиардов... миллионов... (*Разборчиво.*) Сто шестьдесят четыре тысячи пятьсот восемь... (*Ошеломленно.*) Но каким образом вы это вычислили, если вам недоступны простейшие приемы арифметического мышления?

Ученица. Очень просто. Поскольку я не могу положиться на свое арифметическое мышление, я взяла и выучила наизусть все результаты умножения, какие только возможны.

Учитель. Потрясающе... Однако позвольте вам заметить, мадмуазель, меня это ни в коей мере не удовлетворяет, и я

не стану вас хвалить, ибо в математике вообще и в арифметике в частности главным следует считать — а арифметика только и делает, что считает, — ясное понимание... Вы должны были получить этот ответ, как и любой другой, путем математических рассуждений, путем дедукции и индукции. Математика — заклятый враг зубрежки, и хотя память — прекрасная вещь, но для математики она губительна!. Так что я не удовлетворен... отнюдь... так не годится...

Ученица (*удрученно*). Увы, мсье.

Учитель. Ну ладно, оставим это пока. Перейдем к другим дисциплинам...

Входит Служанка.

Служанка. Кхе-кхе, мсье!

Учитель (*не слыша ее*). Весьма досадно, что вы так мало сведущи в математике...

Служанка (*тянет его за рукав*). Мсье! Мсье!

Учитель. Боюсь, вы не сможете сдать экзамен на полного доктора...

Ученица. О, мсье, как жаль!

Учитель. Если только... (*Служанке*.) Мари... Опять вы лезете не в свое дело? Ступайте на кухню! К своим кастрюлям! Ступайте, ступайте! (*Ученице*.) Попробуем хотя бы подготовить вас к экзамену на неполного доктора...

Служанка. Мсье!.. Мсье!.. (*Тянет его за рукав*.)

Учитель (*Служанке*). Да отстаньте же! Отцепитесь! Что вам надо?.. (*Ученице*.) И если вы решите сдавать его...

Ученица. Да, мсье.

Учитель. Я преподаю вам основы лингвистики и сравнительной филологии...

Служанка. Нет-нет, мсье!.. Не нужно!..

Учитель. Ну, знаете, это уж слишком!

Служанка. Только не филология, филология — прямая дорога к беде.

Ученица (*удивленно*). К беде? (*Глуловато улыбается*.) Вот это новости!

Учитель (*Служанке*). Просто возмутительно! Ступайте вон!

Служанка. Ладно, ладно, мсье. Только не говорите потом, что я вас не предупреждала! Филология ведет к беде!

Учитель. Я совершеннолетний, Мари!

Ученица. Да, мсье.

Служанка. Ну, как хотите! (*Уходит*.)

Учитель. Продолжим, мадмуазель.

Ученица. Да, мсье.

Учитель. Прошу вас выслушать с предельным вниманием составленный мною курс...

Ученица. Да, мсье.

Учитель. ...с помощью которого вы за пятнадцать минут постигнете основы основ лингвистической и сравнительной филологии неоиспанских языков.

Ученица. О, господин учитель! *(Хлопает в ладоши.)*

Учитель *(властно)*. Тихо! Это еще что такое!

Ученица. Простите, мсье. *(Медленно опускает руки на стол.)*

Учитель. Тихо! *(Встает и принимается расхаживать по комнате, заложив руки за спину; время от времени останавливается посреди комнаты или около Ученицы и подкрепляет свои слова выразительным жестом, однако не следует играть утрированно.)*

Ученица следит за ним взглядом, что иногда становится не так-то просто, потому что ей приходится чуть ли не сворачивать себе шею; раза два она даже поворачивается спиной к зрителям.) Итак, мадмуазель, испанский является родоначальником всех неоиспанских языков, к каковым относятся испанский, гишпанский, латинский, итальянский, наш французский, португальский, румынский, сардинский, он же сарданапальский и неоиспанский, а также в некоторой степени турецкий, который, впрочем, ближе к греческому, что вполне понятно, ибо от Турции до Греции ближе, чем от меня до вас,— лишнее подтверждение одного из основных положений лингвистики, гласящего, что география и филология — близнецы... Можете конспектировать, мадмуазель.

Ученица *(глухо)*. Да, мсье.

Учитель. Неоиспанские языки отличаются друг от друга и от других языковых групп, таких как австрийские и неоавстрийские, или габсбургские; а также гельветические, эсперантистские, монакские, швейцарские, андоррские, баскские, голландские, сырные, не забывая о дипломатических и технических языковых группах,— так вот, неоиспанские языки отличаются поразительным сходством друг с другом, в силу чего их крайне затруднительно различить, хотя такое различие все же возможно по некоторым имеющимся отличительным признакам, неоспоримо говорящим об общности происхождения и в то же время указывающим на их глубокие различия, проявляющиеся в отличительных чертах, о которых я только что упомянул.

Ученица. О-о-о да-а-а-а, мсье!

Учитель. Однако не будем задерживаться на теории...

Ученица *(с сожалением в голосе)*. О, мсье...

Учитель. Вы, кажется, заинтересовались. Что ж, чудесно.

Ученица. О да, мсье.

Учитель. Не огорчайтесь, мадмуазель. Мы еще вернемся к этому позже... а может, и не вернемся... Как знать?

Ученица *(восторженно)*. О да, мсье.

Учитель. Итак, знайте и помните до самого своего смертного часа...

Ученица. До самого моего смертного часа... О да, мсье.

Учитель. ...еще одно основное положение: любой язык есть в конечном счете не что иное, как речь, и, следовательно, состоит из звуков, или...

Ученица. Или фонем...

Учитель. Это я и хотел сказать. Незачем забегать вперед. Будьте скромнее и слушайте.

Ученица. Хорошо, мсье. Конечно, мсье.

Учитель. Звуки, мадмуазель, следует схватывать на лету, пока они не упали в глухие уши. Поэтому, прежде чем заговорить, желательнее по возможности вытянуть шею, задрать подбородок и встать на цыпочки, вот так, смотрите...

Ученица. Да, мсье.

Учитель. Тихо! Не перебивайте... И издавать звуки как можно громче, во всю силу легких и голосовых связок. Вот так: «бабочка», «эврика», «Трафальгар», «папенька». Таким образом, звуки, наполненные теплым воздухом, более легким, чем окружающая среда, полетят вверх, избежав опасности упасть в глухие уши — эти бездны, где гибнет все, что звучит. Если вы произносите несколько звуков подряд с большой скоростью, они автоматически сцепляются друг с другом, образуя слоги, слова и даже фразы, то есть более или менее значительные группировки, иррациональные сочетания, лишённые всякой смысловой нагрузки и именно поэтому способные свободно держаться в воздухе на значительной высоте. Слова же несомненно, обременённые смыслом, неминуемо летят вниз и падают...

Ученица. ... в глухие уши.

Учитель. Верно, но не перебивайте... или безнадежно перепутываются... или лопаются, как воздушные шарик. Таким образом, мадмуазель...

Ученица вдруг морщится как от сильной боли.

Что с вами?

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Подумаешь! Не прерывать же занятие из-за таких пустяков. Продолжим...

Ученица (*страдающая все сильнее*). Да, мсье.

Учитель. Не слишком задерживаясь на этом вопросе, отметим все же существование согласных, изменяющих звук в речевом потоке, когда глухие становятся звонкими и наоборот. Так, например: «столб — столбы», «гроб — гробы», «клоп — клопы», «если бы».

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Продолжим.

Ученица. Да.

Учитель. Вывод: искусство произнесения звуков требует долгих лет обучения. Наука же позволяет сократить этот срок до нескольких минут. Итак, запомните: чтобы произнести слово, звук или что угодно другое, следует безжалостно исторгнуть весь воздух из легких и мало-помалу пропускать эту воздушную струю через голосовые связки так, чтобы они, точно струны арфы или листва под ветром, дрожали, трепетали, вибрировали, вибрировали, вибрировали или картавили, шепелявили, свистели, свистели; а как вспомогательные средства используются: язык и язычок... губы и зубы...

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. ...а также небо... В конце концов слова хлынут через нос, рот, уши, поры, вырывая и увлекая за собой все вышеупомянутые органы,— хлынут мощным потоком, который мы неверно называем голосом и который состоит из вокальных модуляций и симфонического сопровождения, подобного букету экзотических цветов... фейерверку из лабиальных, дентальных, палатальных, взрывных, шипящих, свистящих и прочих звуков, то ласкающих, то терзающих слух.

Ученица. Да, мсье, у меня болят зубы.

Учитель. Ничего, ничего, продолжим. Что касается неограниченных языков, то они состоят в таком близком родстве друг с другом, что их можно считать двоюродными братьями. Впрочем, у них общий отец — гишпанский. Поэтому так трудно отличить один из них от другого. И так важно правильное, безукоризненное произношение. Произношение само по себе едва ли не важнее, чем все остальное. Плохое произношение чревато ошибками. По этому поводу позволю себе рассказать один случай из моего личного опыта. *(Предавшись воспоминаниям, Учитель смягчается, лицо его принимает умильное выражение, но ненадолго.)* Я был тогда совсем молод, почти мальчишка. Служил в армии. И в полку у меня был один товарищ, виконт, который не выговаривал букву «ф» — весьма серьезный дефект речи. Вместо «ф» он произносил «ф». Например, вместо «сцена у фонтана» говорил «сцена у фонтана». Вместо «фазан» — «фазан», Фирмена называл Фирменом, Филиппа Филиппом, вместо «фу-ты ну-ты» говорил «фу-ты ну-ты», вместо «фик-фок» и «фокус-покус» — «фик-фок» и «фокус-покус», «фиг вам» вместо «фиг вам», «февраль» вместо «февраль», «март-апрель» вместо «март-апрель», вместо «Жерар де Нерваль» говорил «Жерар де Нерваль», вместо «Мирабо» — «Мирабо», «и так далее» вместо «и так далее», «и тому подобное» вместо «и тому подобное» и так далее. Но он так искусно скрывал этот дефект под маскировочной каской, что никто ничего не замечал.

Ученица. Да. У меня болят зубы.

Учитель (*резко меняя тон, строгим голосом*). Продолжим. Укажем сначала черты сходства, чтобы затем яснее усвоить различия языков. Ибо для неискушенных эти различия могут легко ускользнуть. Все слова во всех рассматриваемых языках...

Ученица. Да?.. У меня болят зубы.

Учитель. Продолжим... всегда одинаковы, так же, как все суффиксы, префиксы, флексии, приставки и корни...

Ученица. А какие у слов корни — квадратные?

Учитель. Бывают квадратные, бывают кубические.

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Продолжим. Возьмите к примеру слово «нос»...

Ученица. Чем взять?

Учитель. Чем хотите, тем и берите, только не перебивайте.

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Продолжим... Продолжим, я сказал. Итак, возьмите французское слово «нос». Взяли?

Ученица. Взяла. Ох, зубы мои, зубы...

Учитель. «Нос» является корнем в слове «переносица», а также в слове «заносчивый», причём «пере» и «за» — это префиксы, а «иц» и «чив» — суффиксы. Они так называются, потому что у них идея фикс: они никогда не меняются. Не желают.

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Продолжим. Так. Надеюсь, вы обратили внимание, что эти префиксы испанского происхождения?

Ученица. О, как болят зубы.

Учитель. Далее. Во французском, как вы тоже могли бы заметить, они остались неизменными. Так вот, мадмуазель, ничто не может заставить их измениться ни в латинском, ни в итальянском, ни в португальском, ни в сардинском, или сарданапальском, ни в румынском, испанском и неоиспанском, ни даже в восточном: слова «нос», «переносица», «заносчивый» неизменны, у них тот же корень, тот же суффикс, тот же префикс во всех вышепоименованных языках. Это относится и ко всем другим словам.

Ученица. И во всех языках эти слова означают одно и то же? У меня болят зубы.

Учитель. Абсолютно одно и то же. Иначе и быть не может. И эти, и все другие мыслимые слова во всех языках будут иметь одно и то же значение, одно и то же строение, одно и то же звучание. Ибо каждому понятию в любой стране соответствует единственное слово, не считая синонимов. Да перестаньте вы держаться за щеку!

Ученица. У меня болят зубы. Зубы болят! Болят и все!

Учитель. Ладно, продолжим. Далее. Слышите, продолжим... Как вы скажете по-французски: розы моей бабушки желтеет, чем мой дедушка, который был китайцем?

Ученица. Зубы, зубы, у меня болят зубы.

Учитель. Неважно, все равно, продолжим, отвечайте!

Ученица. По-французски?

Учитель. По-французски.

Ученица. Э-э... как сказать по-французски: розы моей бабушки желтее, чем...?

Учитель. ...чем мой дедушка, который был китайцем...

Ученица. Значит, так, по-французски это будет: розы... розы моей... как будет бабушка по-французски?

Учитель. По-французски? Бабушка.

Ученица. Розы моей бабушки... желтее... это будет по-французски «желтее»?

Учитель. Разумеется!

Ученица. Желтее, чем мой дедушка, который был ревнивцем.

Учитель. Нет, который был... ки...

Ученица. ...тайцем... У меня болят зубы.

Учитель. Верно.

Ученица. У меня...

Учитель. ...болят зубы... знаю... Далее! Теперь переведите эту фразу на испанский и неоиспанский...

Ученица. По-испански... это будет: «розы моей бабушки желтее, чем мой дедушка, который был китайцем».

Учитель. Нет. Неправильно.

Ученица. А по-неоиспански: «розы моей бабушки желтее, чем мой дедушка, который был китайцем».

Учитель. Неверно. Неверно. Неверно. Вы перепутали, вместо испанского сказали по-неоиспански, а вместо неоиспанского — по-испански... То есть... наоборот...

Ученица. У меня болят зубы. Вы сами запутались.

Учитель. Это вы меня запутали. Не отвлекайтесь. Будьте внимательны и записывайте. Я скажу вам эту фразу сначала по-испански, потом по-неоиспански и, наконец, по-латыни. А вы повторяйте. Внимательно, потому что сходство очень велико. До полного тождества. Слушайте и следите...

Ученица. У меня болят...

Учитель. ...зубы.

Ученица. Продолжим... Ох!

Учитель. По-испански: «розы моей бабушки желтее, чем мой дедушка, который был китайцем»; по-латыни: «розы моей бабушки желтее, чем мой дедушка, который был китайцем». Уловили разницу? Теперь переведите это на... ну, скажем, на румынский.

Ученица. Розы моей... Э-э... Как будет «розы» по-румынски?

Учитель. «Розы», как же еще?

Ученица. А я думала «розы». Ох, зубы...

Учитель. Да нет же, нет, ведь «розы» — это восточное заимствование французского слова «розы», которое по-испански будет «розы», понимаете? А по-сарданапальски «розы»...

Ученица. Простите, мсье, но мне... о, как болят зубы... мне не совсем ясна разница.

Учитель. Между тем это так просто! Проще простого! Нужен только некоторый опыт, некоторая практика в этих языках, столь отличных друг от друга, несмотря на полное их сходство. Я попытаюсь растолковать вам...

Ученица. Зубы мои, зубы...

Учитель. Эти языки отличаются друг от друга не словарным составом, который у них абсолютно идентичен, не структурой фразы, которая в них во всех одна и та же, не интонацией, в которой нет никаких различий, и не ритмическим строем... они отличаются... вы меня слушаете?

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Слушаете или нет? О, я, кажется теряю терпение!

Ученица. Отстаньте, мсье! У меня болят зубы.

Учитель. Клянусь козлиной бородой! Слушайте, пес вас побери!

Ученица. Да-да... слушаю... ну, я слушаю...

Учитель. Они отличаются как друг от друга, так и от их общего предка гишпанского... тем...

Ученица (*кривясь от боли*). Чем?

Учитель. Тем, чего нельзя определить и что познается очень нескоро, в результате долгих трудов...

Ученица. Да?

Учитель. Да, мадмуазель. Тут нет никаких правил. Все решает интуиция. А чтобы она появилась, надо учиться, учиться и учиться.

Ученица. Зубы болят.

Учитель. Правда, иногда слова в этих языках могут не совпадать, но эти, так сказать, исключительные случаи не делают погоды.

Ученица. Да?.. О, мсье, как у меня болят зубы.

Учитель. Не перебивайте! Не сердите меня! Или я за себя не отвечаю. Так на чем я остановился... Ах да: в некоторых исключительных случаях различия весьма ощутимы... зримы, выпуклы, если хотите... Повторяю: если хотите. Я вижу, вы меня не слушаете...

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Так вот, как я сказал, в некоторых обиходных выражениях встречаются слова, звучащие совершенно по-разному в каждом из языков, так что определить язык весьма несложно. Приведу пример. Распространенное в Мадриде неоиспанское выражение «моя родина — Нео-Испания» звучит по-итальянски: «моя родина...»

Ученица. Нео-Испания.

Учитель. Неверно! «Моя родина — Италия». А теперь скажите, рассуждая по аналогии, как будет «Италия» по-французски?

Ученица. У меня болят зубы!

Учитель. А ведь это так просто: слову «Италия» соответствует во французском слово «Франция», являющееся его точным переводом. «Моя родина — Франция». А «Франция» по-восточному будет «Восток». «Моя родина — Восток». А «Восток» по-португальски — «Португалия»! Восточное выражение «моя родина — Восток» переводится на португальский следующим образом: «Моя родина — Португалия!» И так далее...

Ученица. Понятно! Я поняла! У меня болят...

Учитель. Зубы! Зубы! Зубы!.. Сейчас я вам их вырву! Еще один пример. Слово «столица» в разных языках имеет разный смысл. Так, когда испанец говорит: «Я живу в столице», он подразумевает под словом «столица» совсем не то, что португалец, когда тоже говорит: «Я живу в столице», или произносящий эту же фразу француз, румын, латинянин, сарданапалец... Поэтому, если вам скажут... мадмуазель, мадмуазе-ель, я объясню все это для вас! О, черт! Поэтому, услышав выражение: «Я живу в столице», вы легко распознаете, на каком языке это сказано: на испанском, гишпанском или неоиспанском, французском, восточном, румынском или латинском, стоит лишь догадаться, какую страну имеет в виду говорящий... произнося данную фразу... Но этими примерами едва ли не исчерпываются подобные случаи...

Ученица. Ох, зубы, зу-бы...

Учитель. Молчать! Не то я вам голову проломлю!

Ученица. Попробуйте только! Вот еще болтун на мою голову! (Учитель хватает ее за руку, начинает выкручивать.) Ай!

Учитель. Сидите тихо! Чтоб больше ни слова!

Ученица (хнычет). Зубы...

Учитель. Самое... как бы сказать... самое парадоксальное, да-да, именно парадоксальное заключается в том, что многие люди в силу полного невежества говорят на том или ином языке... слышите? Что я сказал? Повторите.

Ученица. ...на том или ином языке! Что я сказал!

Учитель. Ваше счастье!.. Так вот, многие простолюдины говорят на испанском, вставляя, сами того не зная, слова из неоиспанского, а думают, что говорят на латинском... или говорят на латинском, вставляя слова из восточного, а думают, что говорят на румынском... или на испанском, вперемежку с неоиспанским, а думают, что на сарданапальском или на испанском... Понятно?

Ученица. Да! Да! Да! Да! Что вам еще надо?..

Учитель. Прошу без грубостей, малютка, а то худо будет. (Захлебывается злобой.) Случаются, мадмуазель, и еще более странные ситуации, например, когда испанец говорит на латыни, которую считает испанским: «У меня с недавних пор кровь идет из пор», — обращаясь к французцу, который не знает ни слова по-испански, но отлично понимает собеседника,

как будто тот говорит на его родном языке. Он, впрочем, именно так и думает и отвечает: «Вот и я жил-жил, и вдруг — пот из жил», и испанец тоже его понимает и уверен, что оба они говорят на чистейшем испанском, а на самом деле это не испанский и не французский, а самый настоящий латинский с примесью неиспанского... Сидите спокойно, мадмуазель, не ерзайте и не топайте ногами...

Ученица. У меня болят зубы.

Учитель. Как же получается, что простолюдины понимают друг друга, хотя сами не знают, на каком языке говорят, и принимают свой за чужой, а чужой за свой?

Ученица. Ну и как же?

Учитель. Это один из любопытнейших образчиков житейского опыта — не путать с опытом научным! — парадокс, нонсенс, причуда человеческой натуры, одним словом, инстинкт — именно он здесь и срабатывает.

Ученица. Ой-ой-ой!

Учитель. Вместо того чтобы ловить мух, пока я тут распинаюсь, вы бы лучше слушали повнимательнее... не мне же в конце концов сдавать экзамен на неполного доктора, я-то все экзамены давно сдал — и полного доктора получил, и диплом с отличием... Я для вас стараюсь, поймите, для вас!

Ученица. Ужасная боль!

Учитель. Ужасная ученица! Нет, так не пойдет, это из рук вон... из рук вон...

Ученица. Я... вас... слушаю...

Учитель. То-то! Как я уже говорил, лучший способ научиться различать языки — это практика... Поэтому давайте практиковаться. Сейчас я произнесу слово «нож» на всех языках, а вы запоминайте.

Ученица. Как хотите... все равно...

Учитель (*зовет Служанку*). Мари! Мари! Не дозовешься... Мари! Мари!.. Да где вы там?! (*Открывает правую дверь.*) Мари!.. (*Выходит.*)

Ученица остается ненадолго одна, сидит, безучастно глядя перед собой.

Учитель (*визгливо кричит за дверью*). Мари! В чем дело? Куда вы запропастились? Идите сюда, раз я зову! (*Возвращается, за ним входит Мари.*) Здесь распоряжаюсь я, а вы должны слушаться. (*Указывает на Ученицу.*) Вот эта ничего не понимает. Ровным счетом ничего!

Служанка. Держите себя в руках, мсье, подумайте о последствиях! Дело может зайти слишком далеко.

Учитель. Я сумею вовремя остановиться.

Служанка. Вы всегда так говорите. Погляжу я, как это будет.

Ученица. У меня болят зубы.

Служанка. Вот, пожалуйста, начинается, это же симптом!
Учитель. Какой, скажите на милость, симптом? О чем вы?
Ученица (*слабым голосом*). Да, о чем вы? У меня болят
зубы.

Служанка. Окончательный симптом! Решающий!

Учитель. Чушь! Чушь! Чушь!

Служанка хочет уйти.

Погодите! Я вас звал, чтобы вы мне принесли ножи: испанский, неоиспанский, португальский, французский, восточный, румынский, сарданапальский, латинский и гишпанский.

Служанка (*угрюмо*). На меня не рассчитывайте. (*Уходит.*)

Учитель (*порывается что-то возразить, но сдерживается. Стоит какое-то время с нерешительным видом. Потом вдруг спохватывается*). Ах да! (*Быстро идет к буфету, открывает ящик и достает большой нож, настоящий или воображаемый, на усмотрение режиссера, радостно размахивает им.*) Вот он, мадмуазель, вот и нож. Жаль, конечно, что только один, но мы попробуем обойтись одним на все языки! От вас требуется лишь произнести слово «нож» на всех языках, не сводя глаз с этого предмета и представляя себе, что он относится к тому языку, на котором вы его называете.

Ученица. Зубы болят.

Учитель (*нараспев*). Итак: повторяйте: но-о-ож... И смотрите, смотрите прямо на него...

Ученица. Это по-какому? По-французски, по-итальянски, по-испански?

Учитель. Теперь уже неважно... Какая разница. Повторяйте: нож!

Ученица. Нож...

Учитель (*потрясает ножом перед глазами Ученицы*). Еще раз... Смотрите сюда...

Ученица. Ну, нет уж! Ни за что! Хватит с меня! И вообще у меня болят зубы, ноги, голова...

Учитель (*отрывисто*). Нож... Смотрите сюда... Нож... Смотрите... Нож... Смотрите...

Ученица. Не кричите! У меня уже заболели уши. Вы прямо визжите.

Учитель. Повторяйте: нож... нож... нож...

Ученица. Нет! У меня болят уши, все-все болит...

Учитель. Ах, уши! Вот я тебе сейчас, моя прелесть, их оторву, сразу перестанут болеть!

Ученица. Ой! Больно!

Учитель. Ну, так смотрите и повторяйте: нож...

Ученица. Ладно... если вы непременно хотите... нож... (*С внезапно проснувшейся иронией.*) Это что, по-неоиспански?..

Учитель. Да, да, по-неоиспански, если вам угодно, только скорее... у нас мало времени... Вообще, что за дурацкий вопрос? Что вы себе позволяете?

Ученица (*изнемогает, отчаянно и раздраженно стонет*). О!

Учитель. Смотрите и повторяйте. (*Монотонно.*) Нож... нож... нож... нож...

Ученица. Все болит, ох, как болит... голова... (*Касается рукой всех частей тела, которые перечисляет.*) Глаза...

Учитель (*монотонно*). Нож... нож...

Оба поднялись с мест. Учитель, вне себя, кружит вокруг Ученицы, потрясая ножом, словно исполняет танец индейца перед снятием скальпа, однако не следует переигрывать, танцевальные движения должны быть только слегка обозначены. Ученица, измученная болью, сторбившись и пошатываясь, пьтится к окну...

Учитель. Повторяйте, повторяйте: нож... нож... нож...

Ученица. Болит... горло, плечи... грудь... нож...

Учитель. Нож... нож... нож...

Ученица. ...живот... нож... ноги... нож...

Учитель. Отчетливей... нож... нож...

Ученица. Нож... ох, мое горло...

Учитель. Нож... нож...

Ученица. Нож... ох, мои плечи... руки мои... грудь... ноги... нож... нож...

Учитель. Вот так... Теперь хорошо...

Ученица. Нож... ох, грудь... ох, живот...

Учитель (*меняя тон*). Осторожно... не разбейте мне стекла... нож — орудие убийства...

Ученица (*слабым голосом*). Да, да... что? Убийства?

Учитель (*взмахнув ножом, убивает Ученицу*). А-ах! Вот тебе!

Вскрикнув: «А-ах!» — она валится на как бы случайно оказавшийся у окна стул и застывает в непристойной позе, широко расставив ноги. Ее предсмертный крик сливается с возгласом убийцы; после первого удара Учитель стоит спиной к зрителям, лицом к застывшей на стуле Ученице, затем наносит мертвому телу еще один удар, снизу вверх, с такой силой, что, не устояв на месте, подсакивает.

Учитель (*запыхавшись, бормочет*). Тварь... Так ей и надо... Сразу полегчало... Ох, устал... задыхаюсь... Ох! (*Тяжело дышит, падает — к счастью, стул рядом; утирает пот со лба, что-то невнятно бормочет. Наконец, отдышавшись, встает, смотрит на зажатый в руке нож, на тело девушки и, словно очнувшись, вскрикивает. В панике.*) Что я наделал! Что со мной сделаю? Что же будет?! Ай-ай-ай! Вот беда! Мадмуазель, мадмуазель, вставайте! (*Суетится, все еще не выпуская из руки невидимый нож и не зная, куда его девать.*) Ну же, мадмуазель, урок

окончен... Можете идти... заплáтите в следующий раз... О! Она мертва... мертва-а-а! Это я ее — вот этим ножом... Мертва-а-а... Это ужасно... (*Зовет Служанку.*) Мари! Мари! Мари, голубушка, идите сюда! О! О!

Открывается правая дверь. Входит Мари.

Нет... не надо... Идите, Мари. Вы мне совсем не нужны... Слышите, идите...

Мари, ни слова не говоря, с суровым видом подходит к труп.

Учитель (*все неувереннее*). Идите, Мари, вы мне не нужны...

Служанка (*саркастически*). Ну и как, вы довольны своей ученицей, урок пошел ей на пользу?

Учитель (*пряча нож за спиной*). Да, урок окончен... но... она... она не уходит... она не хочет...

Служанка (*холодно*). В самом деле?..

Учитель (*дрожая*). Это не я... не я... Мари... миленькая Мари... правда, не я...

Служанка. А кто же? Кто? Может, я?

Учитель. Не знаю... может быть...

Служанка. Или, может, кошка?

Учитель. Может быть... Не знаю...

Служанка. Это уже сороковая сегодня!.. И так каждый день! Каждый божий день! Постыдились бы, в вашем-то возрасте... Последнее здоровье потеряете! А учениц не останется вовсе. И поделом вам!

Учитель (*раздражаясь*). Я не виноват! Она не желала учиться! Не слушалась! Плохая ученица! Не желала учиться!

Служанка. Ложь!..

Учитель (*подбираясь потихоньку к Служанке, с ножом за спиной*). А вам какое дело? (*Размахивается, чтобы всадить в нее нож, но она перехватывает и выворачивает ему руку. Учитель роняет нож.*) ...Извините!

Служанка (*сбивает его с ног парой увесистых, звонких оплеух, Учитель хнычет, сидя на полу*). Тоже мне убийца нашелся! Негодник! Безобразник! Со мной такие штуки не пройдут! Я вам не Ученица! (*Поднимает его за шиворот, подбирает с полу ермолку и нахлобучивает ему на макушку; он заслоняется локтем, как ребенок.*) Ну-ка, положите нож на место, живо! (*Учитель прячет нож в ящик буфета и снова подходит.*) А ведь я предупреждала: арифметика ведет к филологии, а филология — к преступлению...

Учитель. Вы говорили: «к беде».

Служанка. Это одно и то же.

Учитель. А я не понял. Я думал, что «беда» — это название города, и вы хотели сказать, что филология ведет к этому городу...

Служанка. Опять лжете! Старый лис! Чтобы такой ученый, как вы, не знал значения слов! Так я вам и поверила!

Учитель (*рыдая*). Я ее убил нечаянно!

Служанка. Но вы хоть раскаиваетесь?

Учитель. О да, клянусь вам, Мари!

Служанка. Ну ладно, пожалею вас. Я знаю, вы все-таки хороший! Попробуем все уладить. Но чтобы в последний раз!.. Так недолго и сердце испортить...

Учитель. Конечно, Мари! А что надо делать?

Служанка. Надо ее похоронить... вместе с тридцатью девятью остальными, итого будет сорок гробов... Я вызову агента похоронного бюро и кюре Августина, моего любовника... Закажу венки...

Учитель. Спасибо, Мари, спасибо.

Служанка. Чего уж там. Впрочем, Августина можно и не звать, ведь вы и сами, как все говорят, можете, если захотите, его отлично заменить.

Учитель. Только не слишком дорогие венки. Она не заплатила за урок.

Служанка. Не волнуйтесь... Да одерните ей юбку, срам смотреть. И вообще надо ее унести...

Учитель. Да-да, Мари, конечно. (*Одергивает Ученице юбку.*) Но как бы нас на этом не поймали... сорок гробов... Ничего себе... начнутся разговоры... А если нас спросят, что там внутри?

Служанка. Не переживайте. Скажем: ничего нет. Да никто и спрашивать не будет, люди уже привыкли.

Учитель. Ну все-таки...

Служанка (*вытаскивает повязку с каким-то знаком, возможно, со свастикой*). Вот, наденьте, если боитесь, и можете быть спокойны. (*Надевает повязку ему на руку.*) С политической шутки плохи.

Учитель. Спасибо, милая Мари, теперь я спокоен... Вы такая добрая, такая преданная душа...

Служанка. То-то. За дело, мсье. Взяли?

Учитель. Да-да, милочка Мари. (*Служанка и Учитель берут тело девушки, одна — под руки, другой — за ноги, и несут к правой двери.*) Осторожно. Не ушибите ее.

Выходят.

Несколько секунд на сцене никого нет. Потом раздается звонок в левую дверь.

Голос Служанки. Иду, иду, сию минуту!

Она появляется так же, как в начале пьесы, идет к двери. Еще один звонок.

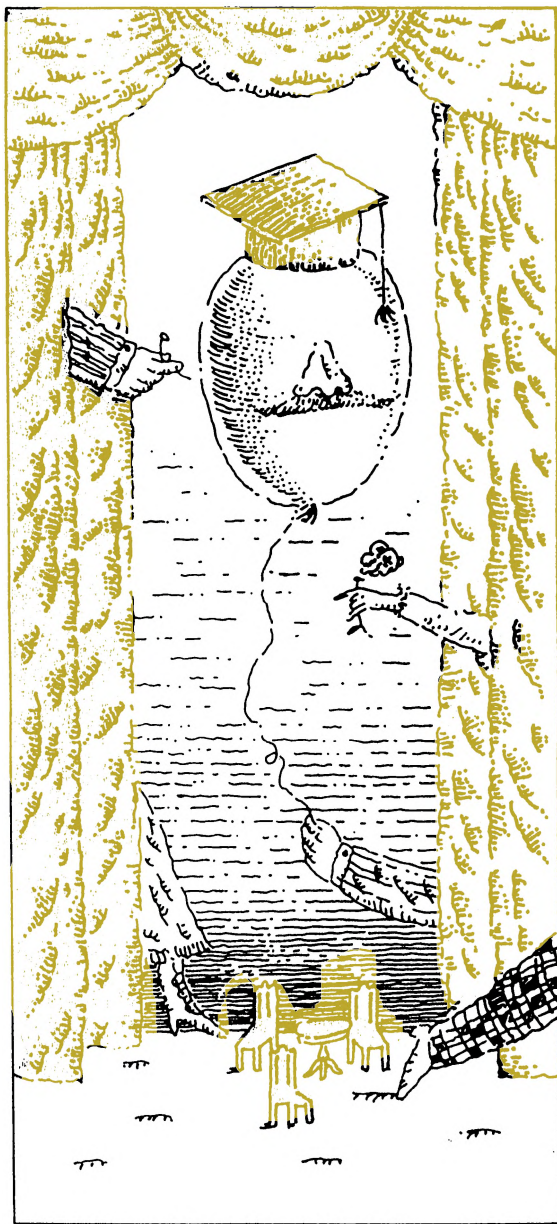
Служанка (с сторону). Не терпится ей! (Громко.) Иду, иду! (Открывает левую дверь.) Добрый день, мадмуазель! Вы новая ученица? Пришли на урок? Господин Учитель ждет вас. Я доложу ему, и он сейчас же выйдет. Входите же, мадмуазель, входите!*

Занавес

Июнь, 1950

---

* Перед началом пьесы, пока не поднят занавес, и несколько секунд первой сцены, когда сцена еще пуста, слышен стук молотка. Когда же появляется Служанка и идет открывать дверь Ученице, она убирает со стола тетрадь и портфель и швыряет их в угол, где уже валяется целая куча подобных вещей. Наконец в последней сцене, торопясь к входной двери, Служанка швыряет туда же тетрадь и портфель только что убитой Ученицы. Когда занавес опускается, стук молотка можно повторить.

Пробел

La Lacune

Перевод Т. Проскуриковой

Действующие лица

Друг.
Академик.
Жена академика.
Служанка.

Декорации

Салон, как у богатых буржуа, но — одновременно — с некоторым налетом «артистизма». Один или два дивана, кресла, одно из которых, зеленое — в стиле Регентства, стоит в самом центре комнаты. Все стены увешаны огромными дипломами, на которых большими буквами написано: «Доктор Honoris causa», — то, что написано ниже, прочесть невозможно; на других дипломах, поменьше, — «доктор», «доктор».

Дверь справа от зрителей.

Занавес поднимается: перед нами Жена академика в простом халате; вероятно, она только что встала, и у нее не было времени одеться. Напротив нее — Друг. Он в строгом костюме: темный пиджак, брюки в полоску, черные ботинки; в руках — шляпа и зонт.

Жена. Ну же, дорогой друг, говорите скорее.

Друг. Я не знаю, как вам сказать об этом.

Жена. Я поняла.

Друг. Я узнал еще вчера вечером. Не хотел вам звонить. Но я не мог больше ждать. Извините, что поднял вас с постели, чтобы сообщить подобную новость...

Жена. Это не могло кончиться благополучно! Какое несчастье! До последней минуты мы все еще надеялись...

Друг. Я понимаю вас, это очень тяжело, ведь у него был шанс. Хотя, по правде сказать, не такой уж большой. Этого следовало ожидать.

Жена. Я не была к этому готова. Ему все удавалось. Он всегда выкручивался в последний момент.

Друг. Но он был так утомлен! Вы не должны были оставлять его.

Жена. Что делать, что делать?! Это ужасно!

Друг. Мужайтесь, дорогая, такова жизнь.

Жена. Мне плохо. Я сейчас упаду в обморок. *(Опускается в кресло.)*

Друг *(поддерживает ее, похлопывает по щекам, по ру-*

кам). Простите, я сообщил вам эту новость, не подготовив вас.

Жена. Вы правильно сделали, вы не могли поступить иначе. Все равно, я ведь должна знать.

Друг. Воды? (Кричит.) Стакан воды! (Жене.) Надо было сказать вам осторожно.

Жена. Это ничего бы не изменило.

Входит Служанка со стаканом воды.

Служанка. В чем дело? Мадам нехорошо?

Друг (беря у нее стакан). Оставьте нас, я сам дам ей воды. Ей сейчас станет лучше. Я вынужден был сообщить ей плохую новость.

Служанка. Что... господин?..

Друг. Да. Вы знали?

Служанка. Нет. Но поняла по вашему виду.

Друг. Оставьте нас.

Служанка (уходя, огорченно). Бедный мсье.

Друг (Жене). Вам лучше?

Жена. Я должна быть сильной. Я думаю о нем, бедном. Мне не хотелось бы, чтобы это попало в газеты. Можно ли рассчитывать на тактичность журналистов?

Друг. Никого не принимайте. Не подходите к телефону.

Жена. Все равно это станет известно.

Друг. Вы можете уехать за город. Через несколько месяцев, когда успокоитесь, вы вернетесь и сможете жить нормально. Все забудется.

Жена. Такое забывается нескоро. Они только этого и ждали. Кое-кто из друзей расстроится, но остальные, остальные...

Входит Академик в парадном мундире Академии со шпагой на боку, вся грудь в орденах.

Академик. Как, вы уже проснулись? (Другу.) Вы пришли так рано! В чем дело? Вам уже известны результаты?

Жена. Какой позор!

Друг (Жене). Не расстраивайте его, дорогая. (Академику.) Вы провалились.

Академик. Вы уверены?

Друг. Напрасно вы решили сдавать экзамены на звание бакалавра.

Академик. Провалился на экзаменах! Негодяи! Они посмели так поступить со мной!

Друг. Они вывесили результаты вчера поздно вечером.

Академик. Так, наверное, в темноте ничего нельзя было разобрать? Как вы смогли прочесть?

Друг. Там было освещение.

Академик. Они готовы на все, лишь бы скомпрометировать меня.

Друг. Я снова был там сегодня утром. Списки на месте.

Академик. Вы должны были подкупить привратника, чтобы он сорвал их.

Друг. Это я и сделал. Но — увы! — там была полиция. Ваша фамилия открывает список провалившихся. Столько людей столпились, чтобы посмотреть.

Академик. Кто? Родители учеников?

Друг. Не только.

Жена. Там, вероятно, все ваши соперники, все ваши коллеги. Все те, на кого вы нападали в печати, обвиняя в невежестве: ваши бывшие ученики, ваши студенты, аспиранты, которые не смогли из-за вас сдать экзамены, когда вы были председателем комиссии!

Академик. Это бесчестье. Но я этого так не оставлю. Может быть, тут недоразумение?

Друг. Я разговаривал с экзаменаторами. Они показали мне ваши оценки. Ноль по математике.

Академик. Но я не специалист в области точных наук.

Друг. Ноль по греческому, ноль по латыни.

Жена (мужу). Вы же признанный гуманитарий, автор труда «Речь в защиту гуманитарных наук»!

Академик. Простите, но в этой книге речь идет о современности. (Другу.) А за сочинение что?

Друг. Вы получили девятьсот. Девятьсот.

Академик. Великолепно. Это компенсирует плохие оценки по другим предметам.

Друг. К сожалению, нет. Максимально возможная сумма баллов — две тысячи. Проходной балл — тысяча.

Академик. Они изменили правила.

Жена. Они ничего специально для вас не меняли. Вы все время думаете, что все против вас.

Академик. Нет, изменили.

Друг. Они вернулись к установлениям эпохи Наполеона.

Академик. Эти положения устарели. Когда же они изменили порядок? Это незаконно. Я председатель комиссии Министерства национального образования. Они не консультировались со мной и не имели права делать что-либо без моего согласия. Я их разоблачу в Государственном Совете.

Жена. Дорогой, вы уже сами не знаете, что говорите. Вы просто впали в детство. Вы сами подали в отставку с этого поста, когда решили сдавать экзамены на звание бакалавра, чтобы не возникло сомнений в объективности экзаменаторов.

Академик. Я еще вернусь к вопросу о моей отставке.

Друг. То, что вы говорите, — ребячество. Вы прекрасно знаете, что это невозможно.

Жена. Меня больше не удивляет, что вы провалились. Когда у человека психология ребенка, не следует сдавать экзамен на бакалавра, ведь это экзамен на зрелость.

Академик. Подумать только, что я держал этот экзамен вместе с двумя сотнями кандидатов, которые могли бы быть моими детьми!

Друг. Не преувеличивайте. Вы не можете быть отцом сотен студентов.

Академик. Меня это не утешает.

Жена. Ты не должен был это затевать. Я ведь говорила. Не надо было. Ты хочешь иметь все звания. Ты никогда не бываешь доволен! Тебе что, так был необходим именно этот диплом? Теперь все пропало. Это катастрофа! У тебя есть дипломы кандидата и доктора, аттестат об окончании школы. И ты даже сдал первую часть экзаменов на бакалавра.

Академик. Но был пробел.

Жена. Никто же об этом не подозревал!

Академик. Я-то знал! Могли узнать и другие. Я попросил в секретариате факультета, чтобы мне выдали копию справки о сдаче кандидатских экзаменов. Они мне сказали: «Конечно, господин академик, хорошо, господин председатель, сейчас, господин декан...» Они поискали. Ответственный секретарь вернулся с растерянным видом и сказал мне: «Произошла странная вещь. Вы, разумеется, сдали эти экзамены, но их результаты недействительны». Я, естественно, поинтересовался почему. Он ответил: «В вашем образовании есть пробел. Я не знаю, как это могло случиться. Вы записались на филологический факультет, не сдав второй части экзаменов на бакалавра».

Друг. Ну и что?

Жена. Кандидатский диплом больше недействителен?

Академик. Нет. Вернее, не совсем. Они оставили вопрос открытым. «Вы получите дубликат, если успешно досдадите экзамены. Конечно же, у вас не будет никаких проблем». Вот мне и пришлось их сдавать.

Жена. Мог и не сдавать. Зачем ты пошел копать в архиве? При твоём положении тебе не нужен был этот диплом. Никто у тебя ничего не спрашивал.

Академик. По правде говоря, когда секретарь факультета сказал мне, что у меня нет диплома бакалавра, я ему ответил, что быть того не может. Но точно я не помнил. Пришлось порыться в памяти. Сдавал я экзамены на бакалавра? Не сдавал я экзаменов на бакалавра? И потом я наконец сообразил, что действительно не сдавал. Хорошо помню, в тот день у меня был насморк.

Жена. Надрался, наверно, с тобой это бывает.

Друг. Ваш муж, дорогая, хотел восполнить пробел. Он человек добросовестный.

Жена. Вы его не знаете. Дело совсем не в этом. Ему хочется славы, почестей. Ему всегда мало. Ему хотелось повесить на стенку кандидатский диплом рядом с десятком других. А что толку? Одним дипломом больше, одним меньше. Никто не обращает внимания. А он пересчитывает их по ночам. Я часто застаю его за этим занятием. Он встает среди ночи, пробирается на цыпочках в гостиную, смотрит на них и считает.

Академик. А что мне еще делать, когда у меня бессонница?

Друг. Обычно темы сочинений известны заранее. Вы могли с легкостью узнать их. Вы даже могли послать кого-нибудь вместо себя на экзамен. Одного из ваших учеников. Или, если уж вы обязательно хотели сдавать сами, могли отправить служанку купить темы на рынке, и никто не догадался бы, что они вам известны заранее.

Академик. Никак не пойму, как я мог провалиться на сочинении. Я исписал три листа. Я развил тему, отразил историческую обстановку, дал точное толкование ситуации... Во всяком случае, правдоподобное. Я не заслужил низкой оценки.

Друг. Вы помните тему?

Академик. Хм... хм...

Друг. Он даже не знает, о чем писал.

Академик. Да нет же... хм... хм...

Друг. Тема сочинения следующая: «Влияние художников Возрождения на французских романистов Третьей республики». У меня есть фотокопия вашей работы. Вот что вы написали.

Академик (*берет бумаги и читает*). «Процесс Бенжамена. После того как Бенжамена судили и оправдали, присяжные, не согласные с таким решением, восстали против судьи, убили его и приговорили Бенжамена к лишению гражданских прав и к большому штрафу в девятьсот франков...»

Друг. Отсюда и оценка — девятьсот.

Академик (*продолжает читать*). «...Бенжамен подал апелляцию... Бенжамен подал апелляцию...» Не пойму, что там дальше. Я всегда писал очень неразборчиво, надо было захватить с собой пишущую машинку.

Жена. Ни плохой почерк, ни помарки, ни кляксы не могли бы вам помочь.

Академик (*продолжает читать, взяв у Жены лист, который она вырвала у него из рук*). «...Бенжамен подал апелляцию. Окруженный полицейскими в форме зуавов, в форме зуавов...» Что-то темно, я не вижу, что дальше... Я без очков.

Жена. Но это не имеет никакого отношения к теме!

Друг. Ваша жена права, дорогой мой. То, что вы пишете, никак не связано с темой.

Академик. Связано, но не непосредственно.

Друг. Даже и так не связано.

Академик. Может, я писал другую тему?

Друг. Тема была одна.

Академик. Даже если была всего одна тема, я мог хорошо написать о другом. Я дошел до конца истории. Все показал выпукло, охарактеризовал действующих лиц, описал их поступки и раскрыл их значение. Наконец, я сделал выводы. Остальное я не могу разобрать. (*Другу.*) Вы можете это прочесть?

Друг (*смотрит в текст*). Это нечитабельно. И я тоже без очков.

Жена (*берет бумагу*). Это невозможно прочесть. А у меня хорошее зрение. Ты просто сделал вид, будто написал что-то. Сплошные каракули.

Академик. Да нет же! Я же сделал выводы. Ведь написано большими буквами: «Выводы или санкции». «Выводы или санкции». Это им так не пройдет. Я потребую аннулировать результаты экзамена.

Жена. Раз ты написал на другую тему, раз ты написал плохо, раз ты дал только заголовки, то, к несчастью, ты заслужил эту оценку. Ты проиграешь процесс.

Друг. Вы его проиграете. Оставьте все как есть. Уезжайте отдыхать.

Академик. У вас всегда правы другие.

Жена. Профессора знают, что делают. Их не просто так назначили на эти должности. Они прошли конкурс, у них очень серьезная подготовка. Они знают правила.

Академик. Кто входил в экзаменационную комиссию?

Друг. По математике — мадам Бином. По греческому — мсье Какос. По латыни — мсье Нерон-сын. И так далее.

Академик. Ну, уж эти-то знают не больше меня! А по французскому?

Друг. Дама — секретарь редакции журнала «Вчера, позавчера и сегодня».

Академик. А... теперь я понимаю. Я прекрасно знаю это ничтожество. Она поставила мне плохую оценку из мести. Я не захотел ухаживать за ней. Я отказался сотрудничать в ее журнале. Я не пожелал стать членом ее партии. Она решила отомстить мне. У меня есть средство аннулировать результаты экзамена. Я позвоню главе государства.

Жена. Не делай этого, ты будешь совсем смешон. (Другу.) Дорогой, остановите его. (Мужу.) Умоляю тебя, не звони. (Другу.) Остановите его, он считается с вами больше, чем со мной. (Друг бессильно пожимает плечами. Мужу, который снял трубку.) Не звони.

Академик (Жене). Я знаю, что делаю! (По телефону.) Алло! Службу президента... Служба президента?.. Здравствуйте, мадам-муазель, я хочу поговорить с президентом. С ним самим. Лично. Алло! Жюль? Это я... Что?.. Что?.. Но послушайте, дружище... но выслушайте меня... Алло!..

Жена. Это он?

Академик (Жене). Помолчи. (В трубку.) Вы шутите, дружище... Вы не шутите?..

Кладет трубку.

Друг. Что он сказал?

Академик. Он сказал... он сказал... «Я не хочу с вами больше разговаривать. Мама запретила мне водиться с двоюродниками», — и повесил трубку

Жена. Этого следовало ожидать. Все потеряно. Что ты сделал со мной? Что ты сделал со мной?

Академик. Как же так! Ведь я читал лекции в Сорбонне, в Оксфорде, в американских университетах. О моем творчестве написано более десяти тысяч диссертаций, сотни толкователей склоняются над моими произведениями. Я доктор Honoris causa университета в Амстердаме, секретных факультетов герцогства Люксембург; мне трижды присуждали Нобелевскую премию. Король Швеции поражался моей эрудиции. Доктор Honoris causa, доктор... и провалился на экзаменах!

Жена. Теперь все будут смеяться над нами!

Академик ломает о колено свою шпагу.

Друг (*наклоняется, чтобы подобрать обломки*). Я бережно сохранию их в память о вашей былой славе.

Разгневанный Академик срывает с себя ордена, бросает на землю, топчет их.

Жена (*пытаясь помешать ему, собирает их*). Не делайте этого! Не делайте этого! Это все, что у нас осталось.

Занавес

Этюд для четверых

Scène à quatre

Перевод М. Зониной

Действующие лица

Дюпон, одет, как Дюран.

Дюран, одет, как Дюпон.

Мартен, одет точно так же.

Прекрасная Дама — в момент появления на сцене она по меньшей мере в шляпе, в накидке или меховой шубе, в перчатках, туфлях, платье и т.д., с сумочкой в руках.

Декорации

Слева — дверь. Посредине сцены стоит стол. На столе — три горшка с цветами. Где-нибудь кресло или диванчик. Стол накрыт большой скатертью, простой или ковровой, ниспадающей до пола, чтобы легче было производить трюки.

Сцена первая и единственная.

Занавес поднимается. Дюпон, в сильнейшем возбуждении, заложив руки за спину, кружит вокруг стола. Дюран — так же, чтобы легче было навстречу. Столкнувшись, Дюпон и Дюран разворачиваются и продолжают свое кружение, но в обратном направлении.

Дюпон. ...Нет...

Дюран. Да...

Дюпон. Нет...

Дюран. Да...

Дюпон. Нет...

Дюран. Да...

Дюпон. А я вам говорю — нет... Осторожно, цветы.

Дюран. А я вам говорю — да... Осторожно, цветы.

Дюпон. И все-таки — нет...

Дюран. И все-таки — да... Повторяю вам — да.

Дюпон. Повторяйте на здоровье. Нет, нет и нет. Тридцать два раза — нет.

Дюран. Дюпон, осторожно — цветы.

Дюпон. Дюран, осторожно — цветы.

Дюран. Ну вы и зануда... С ума сойти, какой зануда.

Дюпон. Это не я. Это вы. Зануда, зануда, зануда...

Дюран. Сами не знаете, что говорите. И почему это вы говорите, что я зануда. Осторожно, цветы. И вовсе я не зануда.

Дюпон. Еще спрашивает, почему он зануда... Нет, вы меня просто поражаете!

Дюран. Не знаю, поражаю я вас или не поражаю. Может, и поражаю. Но хотелось бы узнать, почему это я зануда. Во-первых, я не зануда...

Дюпон. Не зануда? Не зануда — и это при том, что вы упорствуете, упираетесь, упрямитесь, нудите, — короче, вопреки всем моим доказательствам...

Дюран. Ерунда это, а не доказательства. Они меня не убеждают. Это вы зануда. А я не зануда.

Дюпон. Нет, зануда.

Дюран. Нет.

Д ю п о н. Да.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Да.

Д ю р а н. И все-таки — нет.

Д ю п о н. И все-таки — да.

Д ю р а н. Говорю вам — нет.

Д ю п о н. Повторяю вам — да.

Д ю р а н. Повторяйте на здоровье. Нет, нет и... **НЕТ!**

Д ю п о н. Просто ужас, какой зануда! Сами посудите...

Д ю р а н. Не путайте. Сейчас уроните цветы... Не путайте. Будьте честным человеком, признайте, что зануда — именно вы.

Д ю п о н. С чего это мне быть занудой? Раз я прав, я не зануда. А поскольку, как вы, должно быть, заметили, я прав, да,— я, как ни крути, прав...

Д ю р а н. Почему это вы правы, когда прав я...

Д ю п о н. Прошу прощения, но прав я...

Д ю р а н. Нет, я.

Д ю п о н. Нет, я.

Д ю р а н. Нет, я.

Д ю п о н. Нет, я.

Д ю р а н. Нет, я.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет.

Д ю п о н. Нет.

Д ю р а н. Нет. Осторожно, цветы.

Д ю п о н. Осторожно, цветы.

М а р т е н (*входя*). Ну вот, наконец-то вы пришли к согласию.

Д ю п о н. Вот уж нет... вовсе я с ним не согласен... (*Указывает на Дюрана.*)

Д ю р а н. Вотсе я с ним не согласен. (*Указывает на Дюпона.*)

Д ю п о н. Он отрицает истину.

Д ю р а н. Он отрицает истину.

Д ю п о н. Он, а не я.

Д ю р а н. Он, а не я.

М а р т е н. Ну, знаете... не будьте такими идиотами... осторожно, цветы. Совсем не всегда так уж необходимо, чтобы персонажи на сцене были еще глупее, чем в жизни.

Д ю р а н. Да уж какие есть.

Д ю п о н (*Мартену*). К тому же меня раздражает ваша дурацкая сигара.

М а р т е н. Вы, можно подумать, меня не раздражаете — носятся тут как заведенные, руки за спиной, хоть бы в чем друг другу уступили... У меня уже голова от вас кругом идет... и вообще, вы сейчас уроните цветы...

Дюран. Да меня стошнит вот-вот от вашего поганого дыма...
Тоже придумал — дымит весь день как... паровоз.

Мартен. Дымят не только паровозы.

Дюпон (Мартену). Как закопченный паровоз.

Мартен (Дюпону). Весьма банальное сравнение... Никакого воображения.

Дюран (Мартену). У Дюпона, конечно, нет воображения. Но у вас тоже нет.

Дюпон (Дюрану). И у вас тоже, мой дорогой Дюран.

Мартен (Дюпону). И у вас тоже, мой дорогой Дюпон.

Дюпон (Мартену). И у вас тоже, мой дорогой Мартен.

Дюран (Дюпону). И у вас тоже, мой дорогой Дюпон. И не называйте меня мой дорогой Дюран, потому что я не ваш дорогой Дюран.

Дюпон (Дюрану). У вас тоже, мой дорогой Дюран, нет никакого воображения. И не называйте меня мой дорогой Дюпон.

Мартен (Дюпону и Дюрану). Не называйте меня мой дорогой Мартен, я не ваш дорогой Мартен.

Дюпон (Мартену и Дюрану). Не называйте меня мой дорогой Дюпон, я не ваш дорогой Дюпон.

Дюран (Мартену и Дюпону). Не называйте меня мой дорогой Дюран, я не ваш дорогой Дюран.

Мартен. Во-первых, я не мешаю вам своей сигарой, потому что у меня нет сигары... Господа, позвольте мне сказать: вы уж слишком... Слишком. Я человек посторонний, поэтому могу судить объективно.

Дюран. Давайте, судите.

Дюпон. Судите, судите. Поторапливайтесь.

Мартен. Позвольте мне сказать вам со всей откровенностью: таким методом вы ни к какому результату не придете. Сначала надо добиться соглашения хотя бы по одному вопросу и создать, таким образом, базу для дискуссии — только тогда будет возможен диалог.

Дюран (Мартену). С этим мсье (указывает на Дюпона) на таких условиях никакой диалог не возможен. Условия, которые он предлагает, совершенно неприемлемы.

Дюпон (Мартену). Я всё же не собираюсь достигать чего бы то ни было какой угодно ценой. И поскольку условия, которые предлагает мне этот мсье (указывает на Дюрана), более чем бесчестны...

Дюран. Какая наглость... Он смеет утверждать, что мои условия бесчестны...

Мартен (Дюпону). Дайте ему высказаться.

Дюпон (Дюрану). Высказывайтесь.

Мартен. Осторожно, цветы.

Дюпон. Сейчас выскажусь. Если меня действительно хотят выслушать. Если меня действительно хотят понять. Но, поймите меня правильно, чтобы понять кого-то, надо его слушать, чего ни-

как не может понять мсье Дюран, чья непонятливость, впрочем, общеизвестна.

Дюран (*Дюпону*). Вы смеете говорить, что моя непонятливость общеизвестна, хотя прекрасно знаете, что общеизвестна как раз ваша непонятливость. Это вы всегда отказываетесь меня понять.

Дюпон (*Дюрану*). Ну вы даете. Ваше лицемерие не лезет ни в какие ворота. Тут бы и трехмесячный младенец понял. Честный младенец. (*Мартену*). Нет, вы только послушайте...

Дюран (*Дюпону*). Ну вы даете... Вы-то как раз и не желаете меня понимать! (*Мартену*.) Нет, вы слышите, что он городит?

Мартен. Господа, друзья мои, мы теряем время. К делу. Вот вы тут все говорите, говорите, а ничего ведь и не сказали.

Дюпон (*Мартену*). Что? Это я-то ничего не сказал?

Дюран (*Мартену*). Что? Это я-то ничего не сказал?

Мартен. Простите, я не то чтобы хотел сказать, что вы ничего не сказали, нет, это не вполне так.

Дюпон (*Мартену*). Как же вам не стыдно говорить, что мы ничего не сказали, когда вы сами только что сказали, что мы говорим, говорим, а ничего и не сказали, хотя совершенно невозможно говорить и ничего не сказать, потому что всякий раз, когда кто-то что-то сказал, это значит, что он говорил, и, соответственно, когда кто-то говорил, это значит, что он что-то сказал.

Мартен (*Дюпону*). Допустим, я действительно мог сказать, что вы говорите, говорите, а ничего и не сказали, но этим я вовсе не сказал, что вы всегда так говорите. Ведь можно все сказать, ничего не говоря, и ничего не сказать, говоря слишком много. Зависит от ситуации и от человека. Но вы-то что сказали за это время? Ничего, ровным счетом. Спросите кого угодно.

Дюран (*перебивает Мартена*). Это Дюпон говорил и ничего не сказал, а не я.

Дюпон (*Дюрану*). Нет, вы.

Дюран (*Дюпону*). Нет, вы.

Мартен (*Дюпону и Дюрану*). Нет, вы.

Дюран и Дюпон (*Мартену*). Нет, вы.

Мартен. Нет.

Дюпон. Да.

Дюран (*Дюпону и Мартену*). Говорите, говорите, а ничего-то и не сказали.

Дюпон. Я ничего не сказал?

Мартен и Дюран (*Дюпону*). Именно вы.

Дюпон и Дюран (*Мартену*). Вы тоже ничего не сказали.

Мартен (*Дюпону и Дюрану*). Это вы ничего не сказали.

Дюран (*Дюпону и Мартену*). Это вы ничего не сказали.

Дюпон (*Дюрану и Мартену*). Это вы ничего не сказали.
Мартен (*Дюрану*). Вы.
Дюран (*Мартену*). Вы.
Дюпон (*Дюрану*). Вы.
Дюран (*Дюпону*). Вы.
Дюпон (*Мартену*). Вы.
Все трое (*друг другу*). Вы. Вы. Вы...

И в эту минуту входит Прекрасная Дама.

Дама. Добрый день, господа... Осторожно, цветы... (*Трое мужчин резко останавливаются и поворачиваются к ней.*) И чего это вы ссоритесь... (*Жеманно.*) Дорогие мои...

Дюпон. Дорогая моя, наконец-то вы пришли! Только вам подвластно изменить создавшееся положение.

Дюран. Да, дорогая, вы увидите, что такое беспредельная лживость...

Мартен (*перебивает Дюрана*). Да, дорогая, мы сейчас введем вас в курс дела...

Дюпон (*Мартену и Дюрану*). Я сам введу ее в курс дела, ибо это очаровательное создание — моя невеста...

Прекрасная Дама стоит неподвижно, с улыбкой на устах.

Дюран (*Мартену и Дюпону*). Это очаровательное создание — моя невеста.

Дюпон (*Даме*). Дорогая, скажите этим господам, что вы моя невеста.

Мартен (*Дюпону*). Вы ошибаетесь, это моя невеста.

Дюран (*Даме*). Дорогая, скажите этим господам, что вы моя...

Дюпон (*перебивает его*). Ошибаетесь, моя.

Мартен (*Даме*). Дорогая, будьте так любезны, скажите...

Дюран (*Мартену*). Вы ошибаетесь, это моя невеста.

Дюпон (*Даме*). Дорогая...

Мартен (*Дюрану*). Ошибаетесь, моя.

Дюран (*Даме*). Дорогая...

Дюпон (*Мартену*). Ошибаетесь, моя.

Мартен (*Даме*). Дорогая, будьте так любезны, скажите...

Дюран (*Дюпону*). Ошибаетесь, моя.

Дюпон (*Даме, изо всех сил тянет ее за руку к себе*). О, дорогая...

Дама теряет туфлю.

Дюран (*Даме, изо всех сил тянет ее к себе за другую руку*). Позвольте я вас поцелую. (*Дама теряет другую туфлю, а ее перчатка остается в руках у Дюпона.*)

Мартен (*взяв горшок с цветами, разворачивает Даму к се-*

бе). Примите от меня этот букет. (*Вручает ей горшок.*)

Дама. О, благодарю...

Дюпон (*разворачивает Даму к себе и вручает ей второй горшок*). Примите эти божественные цветы. (*Дама спотыкается и роняет шляпу.*)

Дама. Благодарю, благодарю.

Дюран (*делает то же, что Дюпон*). Эти цветы принадлежат вам, как принадлежит вам мое сердце...

Дама. Ох, я вся горю... (*Руки у нее заняты цветами, она роняет сумку.*)

Мартен (*яростно привлекает ее к себе и вопит*). Поцелуй меня, поцелуй меня... (*С Дамы падает шуба.*)

Дюран (*так же*). Поцелуй меня.

Дюпон (*так же*). Поцелуй меня.

Эта игра продолжается некоторое время. Дама постепенно роняет горшки с цветами, юбка ее расстегивается, одежда разлетается в стороны. Дюпон, Дюран и Мартен вырывают Даму друг у друга, она переходит из рук в руки, при этом они так же вращаются вокруг стола. По-прежнему не прекращая движения, они отрывают у Дамы руку, победно потрясают ею, потом другую руку, потом ногу, грудь...

Дама. Да пошли вы... Оставьте меня в покое.

Дюпон (*Мартену*). Оставьте ее в покое.

Мартен (*Дюрану*). Оставьте ее в покое.

Дюран (*Дюпону*). Оставьте ее в покое.

Каждый (*двум другим*). Это вас она просит оставить ее в покое.

Дама (*всем троим*). Оставьте все меня в покое.

Дюран, Дюпон, Мартен (*изумленно*). Я? Я? Я?

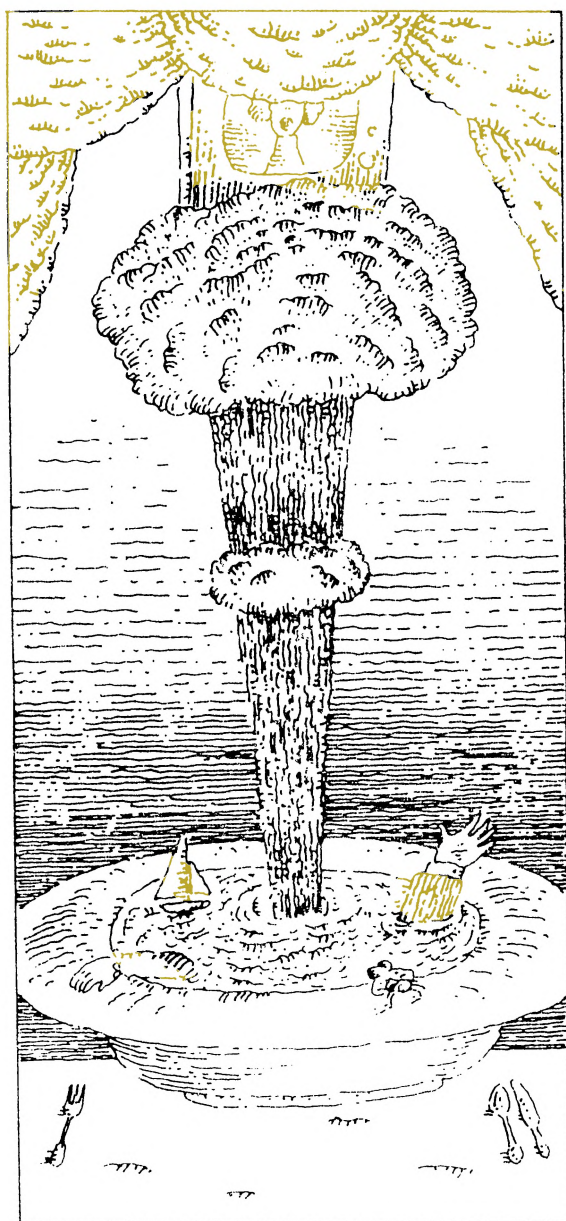
Они останавливаются. Дама, растрепанная, расхристанная, полураздетая, без рук, идет вперед, к публике, подпрыгивая на единственной ноге.

Дама. Дамы и господа, я совершенно с вами согласна. Это полная белиберда.

Занавес

Италия, 1959

ГНЕВ

La Colère
Scénario de film

Перевод Ю. Яхниной

В первом кадре — весеннее небо; слышен перезвон колоколов маленькой церквушки, которая вырастает перед зрителем, часы на ней показывают полдень. Потом возникает маленькая площадь перед церковью в маленьком провинциальном городке. Колокола бьют с довольно большими промежутками, и все действие поначалу разыгрывается в очень замедленном темпе. Из церкви выходят люди, спокойные, улыбающиеся, они дружелюбно кивают друг другу, обмениваются самыми любезными приветствиями. Из церкви выходят старые дамы. Одна из них подает милостыню хрестоматийному нищему: «Это вам по случаю воскресенья, голубчик!» «Да вознаградит вас Бог за вашу доброту, мадам!» — отвечает нищий с лучезарной улыбкой. Дама уходит, нищий говорит ей вслед: «Как приятно просить милостыню, когда на свете есть милосердные души», — и блаженно улыбается. Вторая дама третьей: «Душенька, как здоровье вашего мужа?» Та в ответ: «Спасибо, он вполне счастлив. Он свихся со своим параличом». Люди все идут; здороваясь друг с другом, широкими жестами снимают шляпы, горячо прижимают руки к сердцу. В кадре — деревья, крыши домов, освещенные солнцем; в солнечном свете поблескивают оконные стекла. В одном из окон по-воскресному одетая женщина. Обращаясь к юноше, который только что вышел из дому и теперь стоит внизу, она говорит: «Не забудь купить цветов для тетушки». Юноша отвечает: «Не беспокойся, мамочка. Я расцелую ее за тебя». По желанию можно прибавить еще две-три поучительные сценки в этом же роде.

Маленькое кафе на той же площади. За одним из столиков сидит почтенный, провинциального вида господин с женой, за соседним столиком другая чета такого же возраста. Первый господин, обращаясь ко второму: «По воскресеньям я пью только минеральную воду. Спиртное — это для будней». Второй Господин: «А по мне, так наоборот».

Проходит мальчик с бабушкой. Его ласкают, угощают конфетами. Мальчик: «Спасибо, мадам». Бабушка, обращаясь к даме, угостившей мальчика: «Он заслужил конфетку, мадам, он пайныка, он не ковыряет в носу». Мальчик: «А я получаю награду за хорошее поведение!» Он показывает окружающим крестик — взрослые смеются. «Мой внучек — такой умный ребенок. Он хочет поступить в школу». Один из мужчин: «В какую школу?» Бабушка: «Э-э... В Высшую Ненормальную Школу!» У одной из супружеских пар может быть собачка, у другой — кошечка. Собачка встает на задние лапы — служит, кошечка выгибает спину и мурлычет — это сценка взаимной любви между животными. Хозяева в восторге: «Ах, как они прелестны!» Хозяйка собачки: «Право, ваша кошечка едва ли не милее моей собачки». Хозяин кошечки: «Она еще ни разу никого не оцарапала!» Хозяин собачки: «А наша никого не укусила!» Хозяин кошечки: «Какая прелесть эти зверюшки...»

Хозяйка собачки: «Только что говорить не умеют». Хозяйка кошки: «Вы совершенно правы». Хозяин собачки: «Они все понимают».

Чередуются новые радужные кадры. Из церкви выходит кюре. Какой-то господин восклицает: «Здравствуйте, господин кюре!» Кюре: «Здравствуйте, дорогой господин учитель!» Нищий из первых кадров сердечно приветствует полицейского, который не менее дружелюбно отвечает на приветствие: «Как поживаешь, старина? Подыскал себе ночлег?» Нищий: «Спасибо, я живу хорошо. Нашлась добрая душа, которая меня приютила». Полицейский: «Да, свет не без добрых людей». Нищий: «К счастью». Полицейский: «Вот именно, к счастью! Будет охота, заходи ко мне в участок — поболтаем».

В кондитерской. У молодого мужа в одной руке картонная коробка с пирожными, которые он только что купил, в другой — цветы. Молодой муж — хозяйке: «Моя жена обожает пирожные, особенно бисквитные с клубникой». Хозяйка: «Вот внимательный муж! Сразу видно, живете душа в душу». Муж: «Я спешу, она меня ждет, не хочу, чтобы она волновалась». Выходит из кондитерской. Стоя на площади, делает знаки молодой жене, которая видна в окне дома напротив. Они посылают друг другу воздушные поцелуи. Он весело направляется к дому. В другие дома входят другие мужчины с такими же коробками в руках. Молодой муж входит в свою квартиру. Молодая жена открывает дверь. «Здравствуй, дорогая!» Жена: «Здравствуй, милый! Ах, опять сюрприз!» Он протягивает ей цветы. Она его целует. Он протягивает пирожные. Она его целует. Жена кладет пирожные на стол, накрытый к обеду, ставит цветы в вазу. Он снимает шляпу-канотье, передает жене. Они целуются. Виден интерьер дома. Все просто, мило, все сияет: очень светлая мебель и обои, телевизор, по которому передают последние известия. Муж спрашивает: «Какие новости?» Она: «Само собой, хорошие, как всегда!» Дикторша: «По окончании совещания глав правительств всех стран состоялся банкет в честь всеобщего примирения. Были произнесены речи, после которых главы правительств обменялись поцелуями». Мелькают главы правительств и генералы. Они пылко целуются, заверяя друг друга: «Мы согласны на все ваши предложения!» Муж: «Как приятно! Последние три года они мирятся каждый день!»

Мимолетная любовная сцена между супругами. Они целуются, называя друг друга: «голубка моя», «птенчик», «курочка», «котик», «лапочка», «зайчик», «пупсик», «цыпочка», «цветочек мой», «душечка»...

До этого в нескольких коротких эпизодах надо показать, как вскоре после возвращения домой молодого мужа в другую квартиру того же дома возвращается пожилой господин с цветами в руках. После того как молодой муж снял пиджак, еще какой-то господин снимает пиджак, вручает его же-

не. Еще одна пара: бородатый поп целует свою жену. Наконец, еще в одной квартире муж спрашивает жену: «Какие новости?» Само собой, этот вопрос должен быть задан тотчас после аналогичного вопроса молодого мужа. Любовная сцена между молодыми супругами должна прерываться кадрами соответствующих любовных сцен на всех этажах дома: так, после слов молодого мужа: «Голубка моя» — мы увидим и услышим, как жена бородатого попа отвечает своему мужу: «Сокровище мое!» После «птенчика» мы увидим и услышим, как маленький старичок говорит своей толстухе-жене: «пупочка» и так далее...

Молодая жена: «Целоваться будем после, а сейчас пора обедать...» Молодой муж: «Ну что ж, я и вправду проголодался». Она снимает с себя хорошенький фартук, собирает его повесить. Муж следует за ней. Поцелуи. Он садится за стол, но снова несколько раз встает, чтобы поцеловать жену. Молодая жена: «Ну будь же умницей, я не хочу, чтобы ты умер с голоду». Этот кадр и эта реплика повторяются в других квартирах другими парами. Молодая жена: «Ах да! Ведь я тоже приготовила тебе подарок!» Она приносит ему галстук. Молодой муж: «Ах, какой красивый!» Он повязывает новый галстук. Молодая жена: «И подходит к твоему пиджаку». Муж надевает пиджак. Они целуются, обмениваются нежными словами. Он надевает шляпу, идет к зеркалу, смотрит в него: «В самом деле, мне идет!» Целует жену. Молодая жена: «Пойдем же к столу, дорогой!» Идут к столу, садятся. Жена: «Разве ты останешься в шляпе?..» Муж: «Ах, прости!» Снимает шляпу, отдает жене, она кладет ее на место. Снимает пиджак, отдает жене, она вешает его на место. Делает движение, чтобы снять галстук, — передумывает: «Нет, я останусь в нем, уж очень он хорош!» Эту последнюю реплику могут повторить еще несколько мужей в других квартирах.

Молодые люди сели за стол, на сей раз окончательно. В кадре руки молодой женщины, ставящей на стол миску с супом. Легкая гримаска мужа: «Опять суп». Многократная экспозиция, наплыв — целая серия рук и суповых мисок, принадлежащих, как это нетрудно понять, хозяйкам из разных квартир этого дома.

Молодая жена: «Ты же в будни супа не ешь, вот я и варю его по воскресеньям. Это суп из свежих овощей». Молодой муж: «Очень мило с твоей стороны!» Муж зачерпнул суп ложкой и тут замечает громадную муху, плавающую в его тарелке. Муж хмурит брови. Жена встревожена: «В чем дело? Чем ты недоволен?» Муж пока еще примирительным тоном: «Ничего. Ничего особенного, я уже привык... Муха в супе, как и каждое воскресенье». Жена: «Муха в супе? Ах ты лгун!» Муж: «По-твоему, это не муха? Гляди». Жена: «Ты сам ее туда подбросил назло мне». — «Опомнись, милоч-

ка! Что ты мелешь? Что за чушь!» Молодая жена: «Пожалуйста, не оскорбляй меня!» Муж: «Я не оскорбляю!»

Следующие эпизоды показывают других мужей — каждый из них замечает муху в своей тарелке. Каждый говорит: «Муха!» (Например, бородатый поп; потом другая жена отвечает своему мужу: «Какая еще муха?» Поп: «Погляди!») В другой квартире судья за столом: «Вот уже тридцать лет каждое воскресенье в моей тарелке...» Учитель говорит жене: «В супе муха». Кюре говорит экономке: «Послушайте, когда наконец...»

Хозяин собачки: «Двадцать пять лет каждое воскресенье...» В квартире толстухи жены: «Ах вот как, теперь ты стал привередником!»

Снова квартира молодой четы. Жена: «Из-за какой-то мухи столько разговоров! Теперь ты стал привередником! Можно подумать, что ты вырос во дворце! Но я-то знаю, кто были твои родители!» Муж: «Кто?» Жена: «Старьевщики!» Муж: «Ну и что ж? Во-первых, они уже на пенсии, во-вторых, все профессии одинаково почтенны. Оставь моих родителей в покое!» Жена: «А что я им такого сделала?» Муж: «Лучше быть старьевщиком, чем сводником». Жена: «А кто это, по-твоему, был сводником?» Муж: «Твой папаша. Это все знают. Хотел стать старьевщиком, да не вышло. Это ремесло нелегкое, потому что честное». Жена: «И тебе не стыдно клеветать на моих родителей? Да ты им спасибо сказать должен! Кем бы ты стал, ничтожество ты этакое, если бы не мое приданое?» Муж: «Они меня надули. Мне пришлось сбывать векселя за полцены!» Жена: «И все-таки получилась кругленькая сумма». Муж: «Это не причина, чтобы каждое воскресенье подбрасывать мне муху в тарелку!» Жена: «А ведь меня предупреждали! Говорили: не выходи за него, он не в своем уме! Зачем я не послушалась дяди! Он как в воду глядел!» Муж: «Твой дядя — старый дурак! Я всегда знал, что у него не все дома!» Жена: «Мой дядя поумнее твоей двоюродной сестрицы — вот уж кто дура набитая!»

Другие кадры в других квартирах. Попадья мужу: «А твоя тетка!» Судья жене: «Твой прадедушка кретин!» Жена судьи в ответ: «По твоим родным веревка плачет!» Кюре экономке: «Вся семья — нечестивцы!» В другой квартире нищий почтенной даме: «Никакая вы не дворянка, сударыня! Вся семья самозванцы и выскочки!» У хозяев собачки: жена, обращаясь к собачке, указывает на мужа: «Куси!» У хозяев кошки: кошка бросается на хозяйку.

Снова в квартире молодой четы. Муж выплескивает содержимое тарелки на голову жены. Быстро сменяющиеся эпизоды показывают аналогичные сцены в других квартирах. После чего через пороги всех квартир льется суп, образуя поток, низвергающийся по ступеням лестницы. Тем временем проис-

ходит неизбежное: мужья пускают в ход кулаки. Жены принимают вызов. Полдюжины рук опускаются на полдюжины соответствующих супружеских щек.

В квартире молодых супругов. Жена мужу: «Убийца». Во всех семьях в ход пошла посуда. Тарелка, пущенная одним из мужей или одной из жен, падает к ногам постового полицейского. Не успел он обернуться — к его ногам падает вторая, за ней третья; одна угодила ему в голову, он свистком созывает своих коллег. В следующем кадре: пыльная тряпка, брошенная на электроплиту, загорается — в доме начался пожар.

С этой минуты кадры меняются с необычайной быстротой. Несколько сцен в квартирах, драки между супругами, битая посуда и т.д. Кто-то выскочил на лестницу, кого-то гонят, кто-то кого-то бьет, а по ступеням текут потоки супа.

В фургонах прибывает полиция. Супружеские пары видят ее из окон. «Полиция!» — кричит один из мужей в перерыве между двумя оплеухами. «Полиция!» — немного погодя кричит одна из жен.

Выскочив из фургонов, полицейские врываются в дом и быстро возвращаются, волоча обезумевших супругов, которые отбиваются и вопят: «Спасите! Полиция!» Дом горит. Прибывают пожарные. Жители городка бросаются выручать арестованных.

Драка между полицейскими и населением перекидывается на весь квартал. Для этого надо найти в фильмотеках документальные кадры каких-нибудь восстаний, например сцены столкновения между черными и белыми в Южной Африке и т.д.

В кадре пылающая тряпка, от которой начался пожар. Кадры, показывающие пожарных, которые пытаются погасить гигантское пламя, также следует найти в фильмотеках. И вдруг война: Пуанкаре и Клемансо обходят строй солдат. Гитлер и Муссолини обращаются с призывами к толпе. Бомбардировки Лондона и Гамбурга. Стихийные бедствия: наводнения, землетрясения и т.д., и все кончается взрывом атомной бомбы.

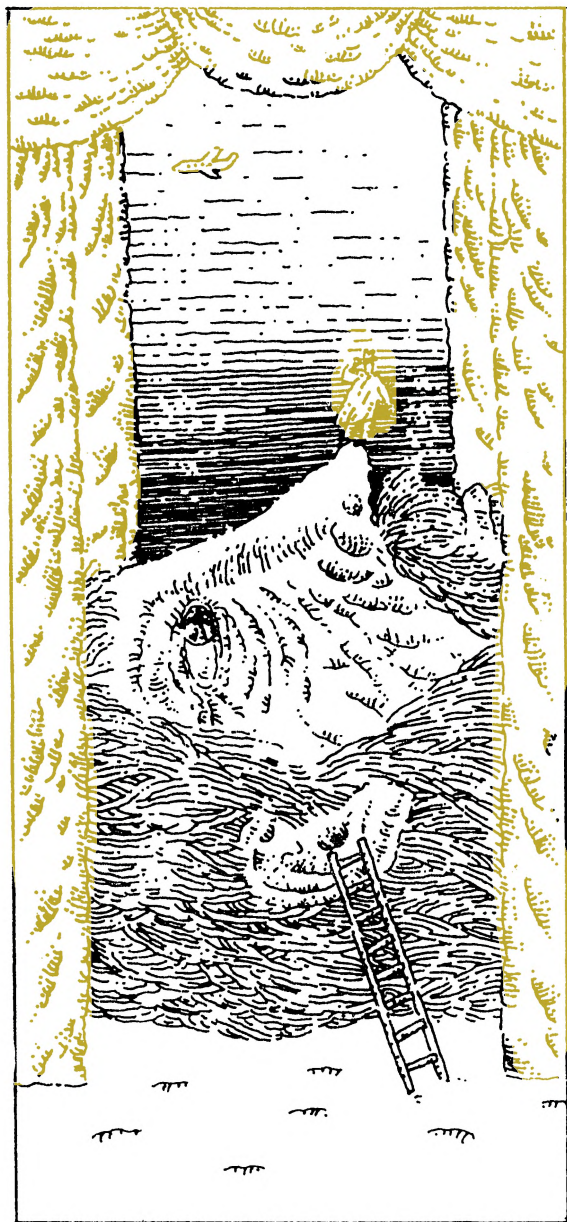
На протяжении этого коротенького фильма во все его кульминационные минуты на экране появляются два персонажа: Одинокий Господин и Дикторша Телевидения — они появляются по очереди с регулярными промежутками в самые ответственные моменты. Господин сидит за столиком кафе. Вначале добродушный, он мало-помалу без всяких видимых причин распаляется гневом. По мере того как нарастает скандал, нарастает и его гнев, безмолвно отражая происходящее. Перед тем как планета взрывается, его лицо, ставшее багровым, тоже разлетается на куски. Второй персонаж, Дикторша, спокойная и улыбающаяся, время от времени появляется на экране телевизора, потом — крупным планом на экране, делая объявления, не имеющие никакого отношения к

происходящему в фильме. Она говорит о весне, о ручейках, о цветах и лугах. После того как взорвалось лицо Одинокого Господина и как раз перед тем как взрывается планета, она улыбается своей самой пленительной улыбкой и, сверкнув великолепными зубами, объявляет: «Дорогие дамы и господа! Через несколько минут — конец света».

Последний кадр: планета взрывается.

Декабрь 1961

Орфиламма

Oriflamme

Перевод А. Гаврилова

— Почему, — спросила меня Мадлен, — ты не заявил вовремя о его смерти? Или не избавился от трупа раньше, когда сделать это было проще?

Ах! Я ленив, апатичен, неорганизован и так устал, что ничего не могу делать. Я никогда не помню, куда засунул свои вещи. Я всегда трачу на поиски кучу времени, дергаюсь, извожу себя, разыскивая их по ящикам, залезая под кровати, роясь в чуланах, двери которых всегда за мной захлопываются. Я начинаю столько всего, чего никогда не заканчиваю, бросаю свои проекты на полдороге, все планы оставляю невыполненными. А раз нет настоящей цели, нет и силы воли!.. Если бы не приданое моей жены, если бы не ее скудные доходы...

— Уже десять лет прошло!.. В доме уже попахивает. Соседи волнуются — спрашивают, откуда этот запах. Рано или поздно они узнают... И все из-за твоей безынициативности. Придется теперь все рассказать полиции. Шуму будет!.. Если бы мы хоть могли доказать, что он действительно умер десять лет назад: десять лет — это срок давности!.. Заяви ты вовремя о его смерти, сейчас нам бы уже ничего не грозило!.. Никаких волнений!.. Нам не пришлось бы прятаться от соседей, мы могли бы, как все, принимать гостей!..

«Но, Мадлен, послушай, нас бы арестовали, срок давности тогда еще не истек, десять лет назад нас посадили бы в тюрьму или отправили на гильотину, это же очевидно!» — хотел ответить я. Попробуйте объяснить женщине, что такое логика!.. Я не стал ее перебивать и старался не слушать.

— Из-за него у нас все так плохо! Ничего не получается! — продолжала вопить Мадлен.

— Это лишь твои предположения.

— К тому же он занимает самую красивую комнату в квартире — нашу спальню, где мы провели наш медовый месяц!

Должно быть, в десяти тысячный раз я сделал вид, что направляюсь в туалет, а сам повернул по коридору налево, чтобы посмотреть на мертвеца в его комнате.

Я открыл дверь. Надежда оказалась тщетной: сам по себе он не исчезнет никогда. Он вырос еще больше. Скоро ему потребуется второй диван. Борода у него уже до колен. С ногтями проще — их ему стрижет Мадлен.

Послышались ее шаги. Мне никогда не удавалось побыть с трупом наедине. Несмотря на бесчисленные меры предосторожности, она всякий раз заставляла меня врасплох. Подозревала меня,

шпионила за мной, не давала мне свободы передвижения, звала меня, следила за мной, всегда была рядом.

У меня бессонница. У Мадлен — нет. Несмотря на несчастье, на нас свалившееся, спит она очень хорошо.

Иногда, посреди ночи, в надежде воспользоваться темнотой и сном Мадлен, я аккуратно, чтобы не заскрипели пружины, встаю с постели, затаив дыхание, добираюсь до двери, но едва дотягиваюсь до дверной ручки, как зажигается лампа на тумбочке. Мадлен, уже спустив ногу на пол, окликает меня: «Куда ты? К нему? Подожди меня!»

В другой раз, думая, что она занята на кухне, я спешу в комнату мертвеца с безумной надеждой побыть с ним наконец хоть несколько секунд без свидетелей. Она уже там — сидит на диване, держа покойника за плечо в ожидании моего появления.

Так что и на этот раз я не удивился, когда увидел, что Мадлен идет за мной по пятам, готовая, по своему обыкновению, осыпать меня упреками. Когда я обратил ее внимание, как красиво, сверкая в полутьме комнаты, горят глаза у мертвеца, она, совершенно бесчувственная к очарованию этого довольно-таки необычного зрелища, воскликнула:

— За десять лет ты не удосужился закрыть ему глаза!

— Верно, — с жалким видом согласился я.

— Как же можно, — продолжала она, — быть таким легкомысленным? Ты не можешь утверждать, что у тебя не было времени — ты целыми днями ничего не делаешь!

— Не могу же я думать обо всем!

— Ты ни о чем не думаешь!

— Хорошо. Я знаю. Ты мне это говорила сто тысяч раз!

— Если знаешь, почему не исправляешься?

— Ты сама могла, между прочим, опустить ему веки!

— Нет у меня других дел, как все время бегать за тобой и начинать, что ты не собираешься продолжить, заканчивать, что ты не доделал, повсюду наводить порядок. На мне — вся квартира, кухня; я стираю, готовлю, натираю паркет, меняю белье ему и тебе, вытираю пыль, мою посуду, пишу стихи, которые потом продаю, чтобы пополнить наши жалкие доходы, пою при открытом окне, чтобы соседи не догадались, что у нас что-то не так, — ты же прекрасно знаешь, что служанки у нас нет. А с тем, что ты зарабатываешь... если бы не я...

— Ну ладно, ладно, — ответил я подавленно и хотел выйти из комнаты.

— Куда ты? Ты опять забыл закрыть ему глаза!

Я вернулся, подошел к покойнику. Какой же он старый, старый! Мертвые стареют быстрее, чем живые. Кто бы мог узнать в нем того красивого молодого парня, который однажды вечером, десять лет назад, зашел к нам в гости, тут же влюбился в мою жену и — воспользовавшись моим пятиминутным отсутствием — стал ее любовником?

— Видишь,— сказала мне Мадлен,— если бы на следующий день после убийства ты пошел в участок и сказал, что убил его в приступе гнева — а это, кстати, чистая правда,— из ревности, то следствия даже не начинали бы, поскольку это преступление совершено на почве страсти. Тебе бы дали подписать маленькое заявление, потом тебя отпустили бы, заявление засунули в папку, и дело было бы закрыто, давным-давно забыто. А из-за твоей лени мы влипли вот в такую историю. Каждый раз, когда я тебе говорила: «Сходи заяви!», ты мне отвечал: «Завтра, завтра, завтра!..» Уже десять лет все завтра — и вот теперь... Все из-за тебя, из-за тебя!..

— Схожу завтра! — ответил я, надеясь, что она от меня отцепится.

— О, я тебя знаю, никуда ты не пойдешь. К тому же теперь-то зачем? Слишком поздно. Никто не поверит — спустя десять лет, — что ты убил его в приступе гнева! Когда ждут десять лет, это уж в самом деле похоже на предумышленное убийство. Не знаю, что им говорить, если мы действительно решим покончить с этой историей!.. Он постарел; может, сказать, что это твой отец и ты убил его вчера. Однако это, наверное, не очень хорошее оправдание.

— Нам не поверят. Нам не поверят,— пробормотал я.

По натуре я реалист; у меня, может, и не хватает силы воли, зато я умею рассуждать. Поэтому для меня всегда невыносимо отсутствие логики у Мадлен, ее голословные утверждения.

— Посмотрим, может, что-нибудь сообразим,— сказал я и сделал пару шагов.

— Ты сейчас опять забудешь закрыть ему глаза! Думай хоть немного о том, что тебе говорят! — заорала Мадлен.

Прошло две недели. Он старел и рос все быстрее и быстрее. Нас это пугало. По всей видимости, неизлечимая болезнь мертвых развивалась в нем в геометрической прогрессии. Как он мог заразиться ею у нас в доме?

Он уже не помещался на диване. Пришлось стащить его на пол. Зато нам вновь достался диван, который мы переставили в столовую. Впервые за десять лет я смог прилечь после завтрака и заснуть, но крики Мадлен меня тут же разбудили.

— Ты что, оглох? Ты себя особенно не утомляешь, целыми днями спишь...

— Это потому, что я не сплю ночью!

— ...будто в доме ничего не происходит. Послушай!

Из комнаты мертвеца доносился треск. Должно быть, с потолка сыпалась штукатурка. Стонали стены, распираемые неодолимой силой. Пол во всей квартире, даже в столовой, дрожал и раскачивался, как палуба корабля. Разбилось окно. Стекло разлетелось на мелкие кусочки. К счастью, это окно выходило во внутренний дворик.

— Что подумают соседи! — заламывала руки Мадлен.

— Пойдем посмотрим!

Мы едва успели сделать два шага в сторону комнаты, как дверь не выдержала, с грохотом треснула, упала — и показалась огромная голова лежащего на полу старика, взгляд его был устремлен в потолок.

— У него открыты глаза, — прошептала Мадлен.

Действительно, глаза были открыты. Они стали громадными, круглыми и, как две фары, освещали весь коридор холодным белым светом.

— Хорошо, что он вышиб дверь, — сказал я, чтобы успокоить Мадлен. — Теперь у него много места. Коридор длинный.

— Тоже мне оптимист! Посмотри!

Зрелище было тревожное. Он удлинялся на глазах. Я провел мелом черту на полу в нескольких сантиметрах от его головы. Вскоре голова достигла черты и поползла дальше.

— Надо действовать, — решил я. — Ждать действительно больше нельзя.

— Наконец-то, — сказала Мадлен. — Проснулся, понял все-таки. Уже давным-давно, мой бедный друг, надо было действовать.

— Может быть, еще не поздно!

Я понял, что был не прав. Дрожа всем телом, я попытался извиниться.

— Идиот! — ответила Мадлен, словно желая тем самым придать мне смелости.

До темноты я ничего не мог предпринять. Был июнь, предстояло ждать еще несколько часов. Несколько часов — это

очень много; я бы успел отдохнуть, о чем-нибудь помечтать или поспать, если бы не Мадлен, взволнованная больше обычного. Подумайте только — ни минуты покоя, непрерывные проповеди, постоянное «я же говорила». Ох уж эта ее мания всегда быть правой!

Но голова мертвеца все приближалась, вот она уже в холле — все ближе и ближе к столовой, дверь в которую вскоре пришлось открыть. Звезды едва начали загораться на небосклоне, а его голова уже была на пороге. Надо было ждать, пока на улице станет меньше народа. Наступило время ужина, но есть не хотелось. Пить — да, но чтобы пройти на кухню за стаканом, пришлось бы перешагнуть через труп. Даже на это маленькое усилие мы были не способны.

Света мы не зажигали. Его глаза достаточно освещали комнату.

— Закрой ставни, — посоветовала Мадлен. Потом, указав пальцем на голову мертвеца, добавила: — У нас теперь все пойдет наперекосяк.

Голова уже добралась до края ковра, отодвинула его и смяла. Я приподнял голову: «Так она не попортит ковер».

Все-таки я чувствовал себя довольно подавленным. Эта история — длившаяся столько лет... К тому же сегодня мне было особенно не по себе, поскольку я был вынужден «действовать». Временами у меня по спине пробегала струйка пота. Я вздрагивал.

— В конце концов, это просто ужасно, — с отвращением вскрикнула Мадлен. — Такое только с нами могло случиться!

Я посмотрел на ее бледное, искаженное лицо. Мне стало ее жалко. Я подошел к ней и нежно сказал:

— Если бы мы действительно любили друг друга, все это не имело бы значения. — Я умоляюще сложил руки. — Давай любить друг друга, Мадлен, прошу тебя. Я знаю, любовь победит все, она может изменить нашу жизнь. Ты понимаешь меня?

Я попытался ее поцеловать. Она высвободилась, взгляд ее был сух, губы твердо сжаты.

— Я в этом уверен, — пробормотал я. Потом меня понесло. — Вспомни. Когда-то каждый восход для нас знаменовал новую победу! Мы стояли у врат мира. Помнишь? Помнишь? Вселенная была — и в то же время ее не было, или она становилась лишь прозрачной тканью, сквозь которую со всех сторон сиял ослепительный свет, славный свет, свет нескольких солнц. Свет проникал в нас нежным теплом. В мире,

лишенном тяжести, мы чувствовали себя такими легкими, мы изумлялись своему существованию, мы радовались бытию. Это и есть любовь, это и есть молодость. Если бы мы захотели чего-то, захотели от всей души, нам все было бы подвластно, мы запели бы гимны радости!

— Не говори глупости,— ответила Мадлен.— Любовь не поможет нам избавиться от этого тупа. Ненависть, кстати, тоже. Здесь дело не в чувствах.

— Я избавлю тебя от него,— сказал я, безвольно опуская руки.

Я ушел в свой угол, забился в кресло. Замолчал. Мадлен, накупившись, принялась шить.

Я посмотрел на голову мертвеца, которая была всего в полуметре от стены напротив. Он успел еще больше состариться. Странно, мы ведь, несмотря ни на что, привыкли к нему; и вдруг я понял, что мне искренне жаль расставаться с ним. Если бы он лежал спокойно, мы бы еще долго держали его у нас, может быть, всегда. Все-таки он вырос, состарился у нас в доме, рядом с нами. Это нельзя сбрасывать со счетов! Чего вы хотите, ко всему привыкаешь, таково сердце человеческое... Дом покажется нам совсем пустым, подумал я, когда его не станет... Сколько воспоминаний он в нас будил! Он был немым свидетелем целой жизни, не всегда приятной, разумеется. Можно даже сказать, не всегда приятной именно из-за него! Но ведь жизнь это не всегда сплошное веселье!.. Я едва уже помнил, что убил его я, или, скажем мягче, казнил, в минуту гнева... или негодования... Мы давно молча простили друг друга... если уж говорить по большому счету, виноваты были оба. Но смог ли он все забыть?

Мадлен прервала ход моих мыслей.

— Он уперся лбом в стену. Пора действовать!

— Да! — решил я.

Я встал. Открыл ставни. Посмотрел в окно. Как красива летняя ночь! Было, очевидно, часа два после полуночи. На улице — никого. Во всех домах темные окна. В небе над головой — круглая, сияющая луна, живая звезда. Млечный Путь. Туманности, множество туманностей, дороги в небе, ручьи, жидкое серебро, осязаемый свет, бархатный снег. Белые цветы, букеты, букеты, сады в небе, мерцающие леса, прерии... И пространство, пространство, бесконечное пространство!..

— Ну, о чем ты думаешь? — спросила Мадлен.— Нельзя допустить, чтобы нас заметили. Я послезу за улицей.

Она вылезла в окно. Добежала до угла улицы, посмотрела налево, направо, потом махнула мне рукой: «Давай!»

Река была метрах в трехстах от дома. Чтобы добраться до нее, предстояло пересечь две улицы и пройти маленькую площадь Т., где была опасность натолкнуться на загулявших американских солдат, которые наведывались в бар и бордель, принадлежащие владельцу нашего дома. Не налететь бы в темноте на какую-нибудь лодку, вытасненную на берег: для этого придется сделать крюк, что еще больше осложнит всю затею. Но выбора у меня не было. Без риска не обойтись.

Бросив последний взгляд на улицу, я взял мертвеца за волосы, с трудом приподнял, положил его голову на подоконник и спрыгнул на тротуар. («Только бы он не свалил горшки с цветами»,— подумалось мне.) Я потащил его наружу. Казалось, я волоку спальню, коридор, столовую, всю квартиру, весь дом; потом—будто я вырвал из самого себя, через рот собственные внутренности, легкие, сердце, скопище неясных чувств, неосуществленные желания, зловонные мысли, затхлые, гниющие образы, развращенную идеологию, разложившуюся мораль, отравленные метафоры, тлетворные газы, цепляющиеся к органам, как растения-паразиты. Я мучился ужасно, я не мог больше, я истекал слезами, кровью. Надо было терпеть, но как это было тяжело! Да еще страх, что кто-то может меня заметить! Я вытащил из окна его голову, длинную борду, шею, туловище, я уже оказался у ворот соседнего дома, а ноги его все еще оставались в коридоре. Мадлен подошла ко мне, она дрожала от страха. Я потянул еще—изо всех сил, с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не закричать от боли. Я продолжал пятиться («На улице—никого,—говорила мне Мадлен,—во всех окнах погашен свет») и добрался наконец до угла улицы, повернул, перешел, повернул, перешел. Тело наконец целиком вылезло из окна. Мы оказались прямо в центре маленькой площади Т., освещенной, как днем. Я остановился. Вдали послышался шум грузовика. Завыла собака. Мадлен не выдержала: «Брось его и пошли домой!»

— Это было бы неосмотрительно! Если хочешь, возвращайся. Я справлюсь.

Я остался один. Удивительно, насколько легче стал труп. Он здорово вырос, но исхудал, потому что все эти годы ничего не ел. Я начал крутиться на месте, мертвец, как лента, оборачивался вокруг меня. «Так будет легче нести его до реки»,— подумал я.

Увы! Когда его голова оказалась у моего бедра, она вдруг из-

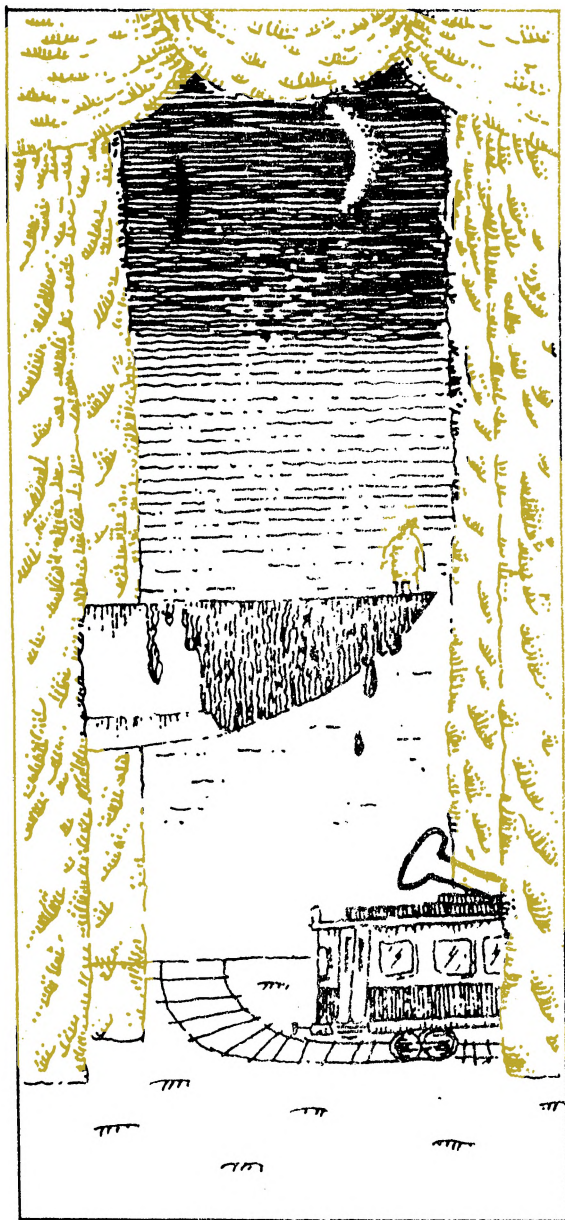
дала долгий пронзительный свист мертвецов. Его ни с чем нельзя было спутать.

На этот звук со всех сторон отозвались свистки полицейских! Залаяли собаки, поехали поезда, зажглись окна, выходящие на площадь, в них показались лица, американцы в форме вывалились с девушками из бара.

На углу улицы появились двое полицейских. Они бежали ко мне, они были уже в двух шагах. Мне пришел конец.

Вдруг борода мертвеца раскрылась, как парашют, увлекая меня вверх за собой. Один из полицейских подпрыгнул изо всех сил — слишком поздно, он ухватил только мой левый башмак. Я сбросил ему и второй. Американские солдаты в восторге щелкали фотоаппаратами. Я поднимался очень быстро, а полицейские грозили мне пальцами и кричали: «Мошенник! Ах, мошенник!» Во всех окнах аплодировали. Лишь Мадлен в своем окне, взглянув на меня, бросила с презрением: «Ты не умеешь быть серьезным! Ты, может быть, и взлетел, но не поднялся в моих глазах!»

Я услышал еще, как американцы приветствовали меня криками: «Хелло, бой!» — они думали, что стали свидетелями спортивного достижения. Я бросил вниз свою одежду, сигареты — полицейские их поделят. Затем гигантской орифламмой я пролетал лишь млечные пути — на полной скорости, на полной скорости.

Фотография полковника

La photo du colonel

Перевод А. Гаврилова

Я пошел взглянуть на этот прекрасный квартал с его белыми домами, вокруг которых цвели сады. Широкие улицы были усажены деревьями. Новые, сверкающие машины стояли у ворот. Небо было чистое, залитое голубым светом. Я снял плащ, перекинул его через руку.

— Таково правило,— сказал мне мой спутник, муниципальный архитектор,— здесь всегда хорошая погода. Поэтому участки стоили очень дорого, виллы строили из лучших материалов. Это квартал зажиточных, веселых, здоровых, приятных людей.

— В самом деле... Здесь, я смотрю, на деревьях уже распустились листья, создавая приятную тень, которая не затемняет фасады домов, а в других районах города небо серое, как волосы у старухи, дует ветер, у тротуаров — слежавшийся снег. Сегодня утром я проснулся от холода. Странно, сейчас я как будто оказался в разгаре весны, словно перенесся на тысячу километров на юг. Когда летишь на самолете, кажется, что мир преображается. Но сначала надо доехать до аэродрома, потом лететь часа два или больше, чтобы увидеть, как мир превращается, скажем, в Лазурный берег. А здесь — я всего лишь немного проехал на трамвае. Путешествие, которое толком и не было путешествием, имело место прямо на месте, если вы простите мне эту неудачную игру слов, к тому же невольную,— сказал я с улыбкой, одновременно тонкой и вымученной.— Как такое возможно? Или этот район как-то защищен? Хотя вокруг нет холмов, которые укрывали бы его от непогоды. К тому же холмы не спасают от туч, от дождя, это всякий знает. Может быть, здесь существуют какие-то теплые свечающиеся потоки воздуха, направленные снизу вверх или сверху вниз? Но об этом, наверное, было бы известно. И ветра никакого нет, но воздух свежий. Странно.

— Это просто-напросто маленький островок,— ответил городской архитектор,— оазис. Такие часто встречаются в пустынях, где среди выжженных песков вы вдруг видите удивительные города, в цветущих розах, окруженные источниками, реками.

— Ах да, верно. Вы говорите о городах, которые называются миражами,— сказал я, чтобы блеснуть эрудицией.

Какое-то время мы гуляли по парку с небольшим прудом в центре. Потом снова — виллы, особняки, сады, цветы. Так мы прошли около двух километров. Царило полное, умиротворяющее спокойствие, может быть, даже излишне умиротворяющее. Становилось тревожно.

— Почему никого не видно на улицах? — спросил я. — Мы единственные прохожие. Сейчас ведь час обеда, все дома. Почему, однако, не слышно смеха, звяканья бокалов? Почему так тихо? И все окна закрыты!

Мы как раз подошли к двум заброшенным строительным пло-

щадкам. Возведенные лишь наполовину здания белели среди зелени деревьев, ожидая строителей.

— Очаровательно,— заметил я.— Если бы у меня были деньги — увы, я зарабатываю слишком мало,— я бы купил здесь участок земли, скоро здесь уже был бы готов дом, и мне не пришлось бы больше жить среди несчастных, в грязном пригороде с зимними, грязными, пыльными, фабричными улицами. Здесь так приятно пахнет,— и я наполнил легкие сладким и крепким воздухом.

Мой спутник нахмурился.

— Строительство приостановила полиция. Все равно никто не покупает квартир. Жители квартала хотели даже уехать отсюда. Но им больше негде жить. Если бы не это, они давно бы уже собрали вещички. А может быть, для них не уезжать — теперь вопрос чести. Они предпочитают оставаться, прячась в своих роскошных квартирах. На улицу они выходят лишь в случае острой необходимости, группами по десять — пятнадцать человек. И все равно опасность остается.

— Вы шутите! Почему у вас такой серьезный вид? Вы омрачете такой прекрасный день — вы хотите меня напугать?

— Уверяю вас, я не шучу.

Я почувствовал, что у меня сжалось сердце. Внутри меня будто наступила ночь. Прекрасный пейзаж, с которым я слился, который уже был частью меня или частью которого был я, отделился, отдалился от меня, стал всего лишь картиной в раме, мертвым предметом. Я почувствовал себя совершенно одиноким, выброшенным в безжизненную пустоту.

— Объяснитесь,— взмолился я.— Я надеялся провести приятный день!.. Еще несколько мгновений назад я был так счастлив!..

Мы вновь подошли к пруду.

— Это здесь,— сказал мне муниципальный архитектор,— здесь находят каждый день двух-трех утопленников.

— Утопленников?

— Пойдите убедитесь, что я не преувеличиваю.

Приблизившись к краю пруда, я действительно увидел на поверхности воды раздувшийся труп офицера инженерных войск и маленькое тело пяти-шестилетнего мальчика с палочкой для серсо, зажатой в руке.

— Сегодня их трое,— пробормотал мой проводник, указывая пальцем.— Вон там.

Рыжие волосы, которые я на секунду принял за водоросли, поднимались со дна.

— Какой ужас! Это женщина?

— Очевидно,— сказал он, пожимая плечами.— Тот — мужчина, а там ребенок. Больше мы ничего не знаем.

— Это, наверное, мать малыша... Бедняги! Кто это сделал?

— Убийца. Все тот же. Неуловимый.

— Но наша жизнь в опасности! Уйдем отсюда,— вскричал я.

— Со мной вам ничего не грозит. Я городской архитектор, муниципальный чиновник; на представителей властей он не нападает. Когда я уйду на пенсию, тогда другое дело, но пока...

— Давайте уйдем,— сказал я.

Быстрыми шагами мы отошли от водоема. Мне не терпелось покинуть прекрасный квартал. «Богатые не всегда счастливы,— подумал я. Меня охватила невыразимая тоска. Я почувствовал себя разбитым, изможденным, я осознал тщетность существования.— Для чего все, если в конце тебя ждет такое?»

— Вы надеетесь арестовать его до выхода на пенсию? — спросил я.

— Это нелегко!.. Можете мне поверить, мы делаем все что в наших силах,— ответил он с мрачным видом. Затем добавил: — Не сюда. Так вы заблудитесь, будете все время ходить кругами, возвращаясь на одно и то же место.

— Ведите меня!.. Ах, как прекрасно начался день. Теперь утопленники всегда будут у меня перед глазами, я никогда не смогу забыть эту картину!

— Я не должен был вам показывать!..

— Нет уж, лучше знать все, лучше знать все!..

Через несколько минут мы были у выхода из квартала, возле начала Кольцевого бульвара. На остановке трамвая, который идет через весь город, стояли люди и ждали. Небо было мрачным. Я закоченел. Я надел плащ, повязал на шею платок. Шел тонкий дождь пополам со снегом. На тротуаре были лужи.

— Вы не сразу домой? — спросил меня комиссар (так я узнал, что он был еще и комиссаром полиции).— Выпьем по рюмочке?..

К нему, казалось, вернулось веселое расположение духа. Ко мне — нет.

— Рядом с остановкой, в двух шагах от кладбища, есть бистро, кроме того, там еще венки продают.

— Знаете, я не испытываю ни малейшего желания!..

— Не расстраивайтесь. Если думать о всех несчастьях человечества, жить не захочется. Всегда где-то убивают детей, умирают с голоду старики, есть вдовы, сироты, умирающие!..

— Да, господин комиссар, но увидеть все это вблизи, собственными глазами!.. я не могу оставаться безразличным.

— Вы слишком впечатлительны,— ответил мой спутник, крепко хлопнув меня по плечу.

Мы вошли в бистро.

— Сейчас постараемся вас утешить!.. Два пива! — скомандовал он.

Мы усадились возле окна. Толстый бармен в жилетке, с закатанными рукавами рубашки, из-под которых были видны волосатые руки, подошел к нам.

— Для вас у меня есть настоящее пиво!

Я полез в карман за деньгами.

— Оставьте, оставьте, — сказал комиссар, — я угощаю.

Я все еще не мог прийти в себя.

— Если бы у вас был хотя бы его словесный портрет!

— У нас есть описание его внешности. По крайней мере, мы знаем, как он выглядит, когда нападает. Его портрет расклеен на всех стенах.

— Откуда у вас его портрет?

— Нашли у утопленников. Некоторые из его жертв, которых на несколько мгновений удалось вернуть к жизни, смогли даже, в предсмертной агонии, сообщить нам дополнительные сведения. Мы знаем, как он действует. В квартале это все, кстати, знают.

— Тогда почему они не проявляют осторожность? Надо лишь избегать его.

— Это не так просто. Говорю вам, каждый вечер два-три человека попадают в его ловушку. Но мы никак его не поймаем.

— Не понимаю.

Я с удивлением заметил, что все это, похоже, забавляет архитектора.

— Смотрите, — сказал он, — убийца встречает своих жертв там, на остановке трамвая. Когда пассажиры выходят, чтобы идти домой, он, прикинувшись нищим, подбегает к ним, хнычет, просит милостыню, пытается их разжалобить. Обычные дела: он только что вышел из больницы, работу ищет, но найти не может, ночевать негде. Это лишь начало. Он ищет добрую душу. Находит, затевает разговор — и уже не отстает. Предлагает купить всякую мелочь из своей корзинки: искусственные цветы, ножницы, непристойные миниатюры, — все что угодно. Обычно он получает отказ, добрая душа спешит, у нее нет времени. Торгуясь и споря, они в конце концов подходят к уже известному вам пруду. И тогда он наносит неотразимый удар: предлагает посмотреть фотографию полковника. Это действует безотказно. К тому времени уже темнеет, и жертва наклоняется над фотографией, чтобы разглядеть полковника получше. В этот момент ей и конец. Преступник пользуется тем, что жертва погружена в разглядывание снимка, толкает ее в пруд — и дело сделано. Ему остается лишь найти себе новую жертву.

— Непонятно. Все про него знают — и все равно попадаются.

— Что вы хотите — это же ловушка. И очень хитрая. Его никак не удастся поймать.

Я машинально посмотрел на остановку. Как раз подъехал трамвай, пассажиры начали выходить, но никакого нищего я не заметил.

— Вы не увидите его, — сказал комиссар, угадав мои мысли. — Он не покажется, он знает, что мы рядом.

— Может быть, следовало бы установить здесь пост, пусть дежурит инспектор в штатском.

— Это невозможно. У наших инспекторов и так слишком много работы. К тому же им бы тоже захотелось посмотреть фотографию полковника. Мы попробовали — пять человек уже утонули. Ах! Если бы мы знали, где его найти!

Я покинул своего спутника, не забыв поблагодарить его за то, что он сопровождал меня по кварталу и так любезно рассказал мне об этих ужасных преступлениях. Увы, его захватывающие откровения не появятся ни в одной газете: я не репортер и никогда не выдавал себя за журналиста. Комиссар-архитектор добровольно поделился со мной сведениями, которые вызвали во мне глухое отчаяние. Домой я пришел с ощущением невыразимой тоски.

Дома, в атмосфере вечной осени, меня ждал Эдуар — в мрачной — днем электричество отключают — гостиной с низким потолком. Он сидел на сундуке около окна — худой, одетый во все черное, с бледным и печальным лицом, горящими глазами. Лихорадка у него, очевидно, еще не кончилась. Он заметил, что я угнетен, спросил меня почему. Я хотел все ему подробно рассказать, но он меня прервал с первых же слов: все это ему известно, сказал он своим дрожащим, почти детским голосом. Он удивился, что я раньше ничего не слышал. Весь город в курсе. Поэтому он ничего мне и не говорил. Все это знали, все к этому привыкли. Хотя и негодовали, разумеется.

— Еще бы! — ответил я.

Я, со своей стороны, не мог скрыть удивления тем, что он совсем не потрясен моим рассказом. Хотя, может быть, я несправедлив, может быть, все дело в его болезни, у него же туберкулез. Чужая душа — потемки.

— Пройдемся немного, — предложил он. — Я жду вас уже целый час. Здесь так холодно. На улице наверняка теплее.

Я был выбит из колеи, устал и предпочел бы лечь, но согласился выйти прогуляться.

Он встал, надел фетровую шляпу с черным крепом, плащ стального цвета, взял свой тяжелый, набитый портфель — и выронил его, не успев сделать и шагу. Из кармана портфеля выпали фотографии полковника в парадной форме — усатого полковника с приятным, даже несколько трогательным лицом. Мы положили портфель на стол, чтобы легче было все уложить, и нашли там еще сотни таких же фотографий.

— Что это значит? — спросил я. — Это же та самая фотография, знаменитая фотография полковника! Она у вас, а вы мне никогда не говорили!

— Я редко заглядываю в портфель, — ответил он.

— Но это же ваш портфель, вы с ним никогда не расстаетесь!

— Это не причина, чтобы все время в нем копаться.

— Тем более, давайте воспользуемся случаем и посмотрим, что там еще есть.

Он засунул руку, слишком белую, как у больного, с кривыми пальцами в другой карман огромного черного портфеля. И вытаскивал — как все это там могло поместиться? — немыслимое количество искусственных цветов, непристойных картинок, конфет, копилки, детских часов, булавок, пеналов, картонных коробочек, не знаю чего еще, целую кучу сигарет. «Сигареты — мои», — сказал он. На столе уже почти не оставалось свободного места.

— Но это же вещи того чудовища! — вскричал я. — И они у вас в портфеле!

— Я и не подозревал.

— Высыпайте все!

Он продолжал вываливать вещи на стол. Визитные карточки с именем и адресом преступника, его удостоверение с фотографией, затем, в маленькой коробке, — листочки бумаги с именами всех жертв, дневник с подробными признаниями, точным планом действий, изложение его кредо, доктрины.

— У вас здесь все необходимые улики! Мы можем добиться его ареста.

— Я не знал, — пробормотал он, — я не знал...

— Вы могли спасти столько жизней, — упрекнул его я.

— Я в смятении. Я не знал. Я никогда не знаю, что у меня есть, я не заглядываю в портфель.

— Это предосудительная небрежность, — сказал я.

— Прошу прощения. Я в отчаянии.

— Но, Эдуар, эти предметы не могли сами попасть в ваш портфель. Вы их нашли? Вам их дали?

Мне стало его жалко. Он весь покраснел от стыда.

— Ах да! — вскричал он через несколько секунд. — Вспомнил! Преступник давным-давно прислал мне свой дневник, свои записки, признания — с просьбой опубликовать их в каком-нибудь литературном журнале. Это было еще до всех этих убийств. Я совсем забыл. Думаю, он не собирался тогда совершать преступления, он, должно быть, лишь позже решил претворить в жизнь свои идеи. Я же принял их за чистый бред, за научную фантастику, не придавал им ни малейшего значения. Я сожалею, что не подумал как следует, что не соотнес документы с реальными событиями.

— Но связь очевидна — как любая связь между намерением и поступком, не больше и не меньше.

Он извлек из портфеля большой конверт. В нем лежала карта, очень подробный план, на котором с точностью до минуты было указано, где в какой момент находится преступник.

— Все очень просто, — сказал я. — Сообщим полиции, им останется лишь забрать его. Поторопимся, префектура закрывается засветло. Когда стемнеет, там уже никого не найдешь, а не сегодня завтра он может изменить свои планы. Надо найти архитектора и показать ему улики.

— С удовольствием, — ответил Эдуар безразличным голосом.

Мы выбежали из квартиры, в коридоре натолкнулись на консьержку. «Вы могли бы...» — крикнула она. Окончания фразы мы не услышали.

На проспекте, запыхавшись, мы замедлили шаг. Справа, сколько мог окинуть взор, простирались возделанные поля. Слева шли городские постройки. Прямо впереди заходящее солнце в пурпур красило небо. По обеим сторонам проспекта изредка попадались иссохшие деревья. Прохожих было мало.

Мы шагали по трамвайным путям (разве трамвай уже не ходил?), которые исчезали далеко, за горизонтом.

Три или четыре неизвестно откуда взявшихся военных грузовика перегородили дорогу. Они заблокировали проезжую часть, которая в этом месте была немного выше уровня тротуара.

Мы с Эдуаром вынуждены были остановиться, к счастью, это позволило мне заметить, что у моего друга нет портфеля.

— Куда вы его дели? Я думал, он у вас!

Он был ошеломлен. В спешке он забыл портфель дома.

— Без улик у комиссара делать нечего! О чем вы думали? Вы невыносимы! Бегите за портфелем. Я должен идти дальше, надо хотя бы предупредить комиссара, чтобы он не ушел. Живее, торопитесь, постарайтесь догнать меня. Префектура уже недалеко. Мне не улыбается оставаться одному на улице. Вы же понимаете, это очень неприятно.

Эдуар ушел. Мне было страшновато. Тротуар в этом месте был еще ниже, и, чтобы подняться на уровень проезжей части, надо было преодолеть четыре высокие ступеньки. Я поровнялся с одним из грузовиков — остальные стояли чуть дальше. Борта его были опущены, на скамейках внутри, тесно прижавшись друг к другу, сидели человек сорок молодых солдат в темно-зеленой форме. Один из них держал в руке большой букет красных гвоздик. Он им обмахивался, как веером.

Появились полицейские, принялись наводить порядок на дороге. Молодцы! — а то образовавшаяся пробка мне мешала. Они были огромного роста. Когда кто-нибудь из них взмахивал дубинкой, она поднималась выше ближайшего дерева.

Седой прохожий — скромно одетый, в шляпе, низко надвинутой на голову, казавшийся совсем маленьким рядом с громадным полицейским, — что-то очень, очень вежливо, униженно спросил. Не переставая регулировать движение, полицейский грубо и коротко что-то ответил пенсионеру (который, однако, по возрасту — если не по росту — вполне годился ему в отцы). Пенсионер, то ли он был глуховат, то ли просто не расслышал, повторил свой вопрос. Регулировщик выругался, отвернулся и принялся снова свистеть.

Поведение полицейского меня шокировало. Ведь он обязан быть вежливым с людьми, так наверняка записано в его должно-

фом, архитектором», — подумал я. Мы сами порой слишком вежливы, слишком робки с полицейскими, это наша вина, что у них выработались дурные манеры.

Второй полицейский, такой же здоровенный, как первый, подошел по тротуару к грузовику с солдатами. Пробка на улице его явно раздражала, и, признаться, его можно было понять. Он был такой высокий, что ему не понадобилось подниматься по ступенькам на проезжую часть. Он грубо отругал военных за то, что они мешают движению, хотя они были совершенно ни при чем, и особенно — молодого солдата с красными гвоздиками, который уж тем более был ни в чем не виноват.

— Вам что — больше заняться нечем? — спросил он.

— Я никому не мешаю, господин полицейский, — тихим, робким голосом ответил солдат. — Не я же остановил машину.

— Негодяй! Из-за твоего букета мотор и не заводится! — не унимался полицейский и дал солдату пощечину. Тот не сказал ни слова. Тогда полицейский вырвал у него букет и отбросил далеко в сторону.

Я расвирепел. Страна катится в пропасть, если полиция командует армией.

— Вы что лезете не в свое дело? — спросил полицейский, повернувшись ко мне.

А ведь я ничего не говорил. Должно быть, мои мысли было нетрудно угадать.

— И вообще, что вы здесь делаете?

Я объяснил ему, в чем дело, и попросил совета и помощи.

— У меня в руках все необходимые доказательства, убийцу можно арестовать. Я должен добраться до префектуры. А идти еще далеко. Может быть, меня кто-нибудь проводит? Я друг комиссара, архитектора.

— Это не мое дело. Я регулировщик.

— И все же...

— Не моя это работа, понимаете? Ваша история меня не волнует. Раз вы приятель шефа, так и идите к нему, а меня оставьте в покое. Куда идти, знаете? Вот и катитесь.

— Хорошо, господин полицейский, — вежливо, хотя и через силу, ответил я. — Хорошо, господин полицейский.

— Дай пройти господину, — с грубой иронией в голосе сказал полицейский своему коллеге, стоявшему у дерева.

Тот знаком показал мне, что я могу пройти. Когда я с ним поровнялся, он с ненавистью прошипел:

— Ненавижу вас! — хотя, по идее, я должен был сказать это.

Вскоре я оказался совершенно один на пустой улице, грузовики остались далеко позади. Я спешил и шел прямо по направлению к префектуре. Смеркалось, ветер свежел, мне было беспокойно. Успеет ли Эдуар? И я все не мог успокоиться после встречи с полицейскими: они только и знают, что действовать на нервы да выговаривать, но когда они вам по-настоящему нужны, когда речь

идет о вашей безопасности... и не только о вашей!..— их не дозowed!

Слева домов больше не было. С обеих сторон — серые поля. Эта дорога, или проспект, с трамвайными рельсами все не кончалась. Я шагал, шагал: лишь бы не опоздать, лишь бы не опоздать!

Внезапно он предстал передо мной. Никаких сомнений — это был убийца. Кругом лишь уснувшие просторы. Ветер погнал по дороге старую газету. В нескольких сотнях метров за спиной убийцы на фоне заходящего солнца вырисовывалось здание префектуры. Из только что подошедшего трамвая — остановка была возле префектуры — выходили люди, казавшиеся на таком расстоянии очень маленькими. Никакой помощи ждать не приходилось, они были слишком далеко, даже если бы я закричал.

Я стоял окаменев, как парализованный. «Поганые полицейские, — думал я, — они специально отпустили меня одного, зная, что убийца тут. Они хотят, чтобы это выглядело как простое сведение счетов!»

Мы стояли друг против друга, нас разделяло всего метра два. Я молчал и внимательно смотрел на него. Он тоже меня разглядывал, посмеиваясь.

Это был немолодой человек, худощавый, довольно хилый, небритый. Он казался намного слабее меня. На нем было старое грязное габардиновое пальто с оторванными карманами, на ногах — стоптанные, рваные башмаки, из дыр торчали пальцы. На голове — мятая, бесформенная шляпа. Одну руку он держал в кармане, в другой сжимал нож с огромным лезвием. Он смотрел на меня своим одним глазом, из которого, казалось, исходит тот же ледяной свет, что отражало лезвие ножа.

Никогда не встречал я такого жестокого взгляда, такого твердого и в то же время такого — почему? — яростного. Взгляд неуловимый, как у змеи, как у тигра-убийцы. Никакое слово, дружеское или властное, никакие аргументы не могли на него подействовать. Никакие обещания счастья, никакая вселенская любовь не могли бы его тронуть, никакая красота не могла бы его смягчить, а ирония — пристыдить, все мудрецы мира не смогли бы заставить его понять бессмысленность его преступлений.

Слезы святых скатились бы, не оставив следа, по этому глазу, лишенному века. Христово воинство тщетно всходило бы ради него на Голгофы.

Медленно я вытащил из карманов два пистолета, молча направил их на убийцу. Он не шевелился. Я опустил пистолеты, руки мои безвольно повисли. Я почувствовал, что обезоружен, надежда покинула меня: что могут пули, что может моя жалкая сила против холодной ненависти, упрямство — против бесконечной энергии этой абсолютной жестокости, не подчиняющейся разуму, не знающей пощады?

Содержание

НОСОРОГ. *Перевод Л. Завьяловой*

5

ВОЗДУШНЫЙ ПЕШЕХОД. *Перевод Л. Каменской*

91

КОРОЛЬ УМИРАЕТ. *Перевод С. Ильинской*

147

УРОК. *Перевод Н. Мавлевич*

199

ПРОБЕЛ. *Перевод Т. Проскуриковой*

225

ОТЮД ДЛЯ ЧЕТВЕРЫХ. *Перевод М. Зониной*

235

ГНЕВ. *Перевод Ю. Яхиной*

243

ОРИФЛАММА. *Перевод А. Гаврилова*

251

ФОТОГРАФИЯ ПОЛКОВНИКА. *Перевод А. Гаврилова*

261

Ионеско Э. Носорог: Пьесы и рассказы:
Пер. с франц.— М.: Текст, 1991. — 271 с.

И 11

В книге собраны наиболее известные произведения знаменитого французского драматурга Эжена Ионеско, принесшие ему мировую славу. Многие печатаются на русском языке впервые, остальные знакомы советскому читателю лишь по журнальным, часто сокращенным, публикациям. Э. Ионеско, один из родоначальников «театра абсурда» — признанный классик литературы XX века. Сборник входит в книжную серию «Волшебный фонарь» — фантастика, приключения, сказки.

47030103-026
И _____ без объявл.
91

ISBN 5-85950-025-4

Эжен Ионеско

НОСОРОГ
Пьесы и рассказы

Редактор-составитель
А. Ю. Гаврилов

Редактор-организатор
В. К. Черникова

Художественный редактор
В. С. Любаров

Технический редактор
А. Р. Кашафудинова

Корректоры
Т. В. Калинина, Н. М. Пушина

Сдано в набор 08.07.91 Подписано в печать 22.08.91
Формат 60x88 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,66; усл. кр.-отг. 34,30; уч.-изд. л. 17,21
Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1 — 50 000 экз.) Заказ 1-361
Цена 7 р. 50 к.

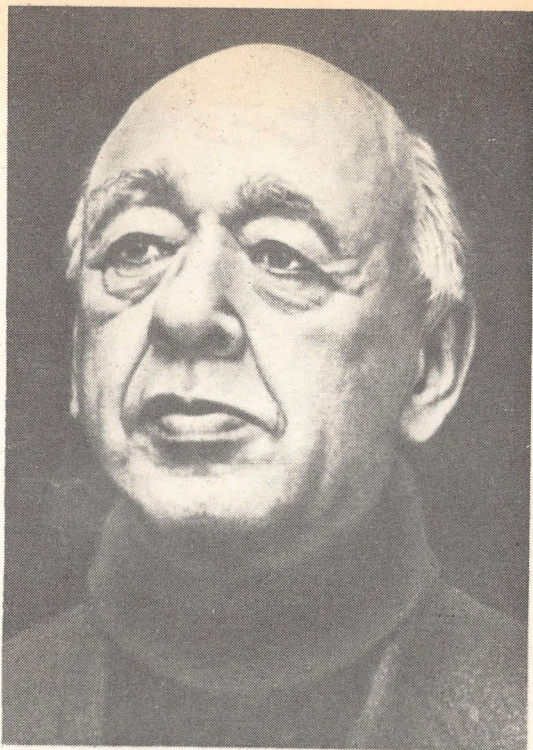
Издательство «Текст», 125190, Москва, а/я 89
При участии Редакционно-издательской
фирмы «РИФ» Всесоюзного центра кино
и телевидения для детей и юношества
101000 Москва, Чистопрудный бульвар, 12а.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМУ (МДС) «Молодь».
254119, Киев, ул. Пархоменко, 38—44.

Я спрашиваю себя, могут ли литература и театр действительно отразить невероятную сложность реальной жизни... Мы переживаем дикий кошмар: литература никогда не была столь же мощной, острой, напряженной, как жизнь; а сегодня и подавно. Чтобы передать жестокость жизни, литература должна быть в тысячу раз более жестокой, более ужасной.

Не единожды в жизни меня поражала резкая перемена в том, что можно было бы назвать общественным мнением, его быстрая эволюция, сила его заразительности, сравнимая с подлинной эпидемией. Люди внезапно начинают сплошь и рядом исповедовать новую веру, воспринимать новую доктрину, поддаются фанатизму. Наконец, диву даешься, как философы и журналисты, претендующие на оригинальную философию, принимаются толковать об «истинно историческом моменте». При этом присутствуешь при постепенной мутации мышления. Когда люди перестают разделять ваше мнение, когда с ними больше невозможно договориться, создается впечатление, что обращаешься к чудовищам...

Эжен Ионеско